

С. М. Толстая

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СЛАВЯНСКОГО СЛОВОСЛОЖЕНИЯ

Очерки

Институт славяноведения
Российской академии наук

ТДК

Современные исследования

С. М. Толстая

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
СЛАВЯНСКОГО СЛОВОСЛОЖЕНИЯ.
Очерки

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2023

Утверждено к печати
Ученым советом Института славяноведения РАН
(протокол № 4 заседания Ученого совета
ФБГУН Института славяноведения РАН от 28.06. 2022 г.)

Рецензенты:
кандидат филол. наук С.С. Скорвид
кандидат филол. наук М.С. Мушинская

Толстая С.М.

Синтаксические основы славянского словосложения. Очерки. –
М.: Индрик, 2023. – 232 с.

ISBN 978-5-91674-712-6

DOI: 10.31168/91674-712-6

Книга состоит из очерков по русскому и славянскому словосложению, публиковавшихся в разных, в том числе труднодоступных, изданиях в последние несколько лет. Вслед за Э. Бенвенистом автор рассматривает сложные слова как продукт не только словообразовательной деривации, но и синтаксической трансформации (конденсации) словосочетаний. Эта трактовка в некоторых случаях расходится с положениями «Русской грамматики» (1980) и основанными на ней грамматическими описаниями. Очерки группируются в несколько блоков: 1) Сложные слова в современном русском языке, 2) Сложные слова в праславянском языке по данным ЭССЯ 1–41 (апеллятивы, антропонимы, этимология имени *Владимир*), 3) Двусоставные номинации (биномы) в языке «Причитаний Северного края» Е.В. Барсова; 4) Синтагматическая деривация в древнерусском языке и языке фольклора.

Книга адресована специалистам по русскому и славянскому словообразованию и словосложению, а также исследователям истории русского языка и языка фольклора.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
-----------------------	---

Сложные слова в русском языке: внутренний синтаксис и семантика	15
--	----

Вводные замечания	15
1. Сложные слова с глагольным управлением	21
2. Сложные слова с субстантивным управлением	27
3. Сложения с прилагательными	31
4. Сложения с числительными и счетными словами	32

К проблеме сложных слов в праславянском	38
--	----

Вводные замечания	38
1. Сложные слова с глагольным управлением	43
2. Сложные слова с субстантивным управлением	49
3. Сложения с числительными	51
4. Сложения с частицами, онomatопеями, экспрессивными элементами	51
Index	53
Index a tergo	58

Двусоставные антропонимы в праславянском языке	63
Вводные замечания	63
Первый член сложения	65
Глагольные основы	65
Субстантивные основы	70
Адъективные основы	72
Местоимения	76
Числительные	76
Наречия	77
Предлоги, частицы	77
Второй член сложения	78
Глагольные основы	79
Субстантивные основы	80
Адъективные основы	81
Index	83
Index a tergo	86
 К этимологии имени <i>Владимир</i>	89
1. * <i>Voldi-</i> — имя или глагол?	90
2. <i>-mirъ</i> : ‘ <i>пах</i> ’ или ‘ <i>mundus</i> ’?	98
3. <i>Володимиръ</i> или <i>Володимѣрь</i> ?	100
4. Общая семантика имени	104
 Составные номинации в языке олонцевских причитаний	108
Вводные замечания	108
I. Типы составных номинаций (биномов) и их лексикологический статус	114
1. Субстантивные составные номинации	114
1.1. Сложные слова	114
1.2. Аппозитивные сложения	121
1.3. Тавтологические сложения	129
1.4. Составные номинации сочинительного типа	136

2. Глагольные составные конструкции	138
2.1. Сложные слова	139
2.2. Аппозитивные конструкции	139
2.3. Тавтологические сложения	140
2.4. Синонимические сложения	140
2.5. Сочинительные конструкции	143
3. Адъективные составные конструкции	144
3.1. Цельнооформленные сложения	144
3.2. Аппозитивные сложения	145
3.3. Тавтологические сложения	146
3.4. Синонимические сложения	146
3.5. Сочинительные конструкции	147
4. Прочие составные конструкции	148
4.1. Аппозитивные сложения	148
4.2. Тавтологические сложения	148
4.3. Синонимические сложения	148
4.4. Сочинительные конструкции	149
II. Структура составных номинаций (биномов)	150
1. Словообразование и морфонология	151
2. Морфология и синтаксис	153
3. Семантика	157
Index	159

Синтагматическая деривация

в древнерусском языке и в языке фольклора 204

1. Конструкции с прилагательным и с Род. п. существительного	204
2. Притяжательные и относительные прилагательные ..	206
3. Синтагматическая деривация в русском языке	208
4. Синтагматическая деривация в языке олонекских причитаний	210

Заключение 215

Литература 219

Библиографическая справка 229

ВВЕДЕНИЕ

*На протяжении всей истории языка
синтаксические связи постоянно
давали главный импульс к словосложению.
V. Jagić [1898: 528]*

*Именное сложение – это микро-синтаксис.
Каждый тип сложных имен следует изучать
как трансформацию какого-либо типа
синтаксически свободного высказывания.
Э. Бенвенист [1974: 241]*

В публикуемых очерках автор вслед за Э. Бенвенистом рассматривает словосложение как явление не чисто словообразовательное, а словообразовательно-синтаксическое. Источником словосложения являются словосочетания как составные синтактико-семантические конструкции, однако сама деривация, т. е. образование сложных слов, осуществляется в языке по тем же правилам, что и деривация простых (не сложных) слов, и с помощью тех же формальных приемов, что и словообразование в целом, т. е. с помощью аффиксации и морфонологического преобразования компонентов сложных слов (усечения, интерфиксации, акцентных сдвигов и т. п.). Различие лишь в том, что в стандартном словообразовании новые слова образуются, как правило, на базе отдельных слов, а при словосложении производящей базой служат словосочетания. При этом синтаксические и семантические отношения между компонентами, характерные для производящих словосочетаний, сохраняют свое значение и в структуре производных сложных слов, к каким бы моделям деривации (семантическим и словообразовательным) они ни относились. Однотипные по своей словообразовательной структуре сложные слова могут иметь совершенно разную «внутреннюю» семантику в зависимости от тех синтаксических и семантических отношений, которые связывают компоненты исходных словосочетаний. Этот подход в некоторых

случаях расходится с положениями «Русской грамматики» [1980] и основанных на ней грамматических описаний. Принятая сугубо словообразовательная трактовка сложных слов не усматривает никаких семантических различий между первыми компонентами таких сложных слов, как *водопад*, *водопой*, *водоплавающий*, *водоросли*, *водолечение*, *водозащитный*, *водоканал* и т. п., между тем как в них этот одинаковый с точки зрения словообразования субстантивный компонент *водо-* имеет разные значения и по-разному соотносится со вторыми компонентами сложных слов (независимо от принадлежности целого сложного слова к той или иной части речи и от его категориальной семантики – имя действия, деятеля, предмета, признака и т. п.): он может указывать на субъект действия (*водопад*, *водосток*), прямой объект действия (*водопой*, *водобоязнь*, *водопроводчик*), косвенный объект действия (*водозащитный*, *водоупорный*), локус действия (*водолаз*, *водоплавающий*, *водоросли*), «инструмент» действия (*водолечение*, *водокрестие*), может быть атрибутом (*водоканал*) и т. п. Между тем, уже В. Ягич обращал внимание на различие между композитами типа *водонось* (с объектной функцией первого компонента) и *водотокъ* (с субъектной функцией) [Jagić 1898: 527].

В настоящей книге предлагается типология **сложных слов русского языка** с точки зрения их «внутреннего синтаксиса», т. е. их внутренней синтаксической и семантической структуры. В композитах, производных от предикативных конструкций, выделяются субъектные, объектные, локативные, темпоральные и др. семантические модели отношений между предикатом и зависимым словом. Композиты с опорным существительным могут быть производными как от словосочетаний с сочинительной связью, так и от словосочетаний с подчинительной связью (с отношениями функциональной, сравнительной, атрибутивной в широком смысле зависимости). Аналогично характеризуются композиты с опорным прилагательным, числительным и счетными словами.

С этих же позиций рассматриваются и **праславянские сложения**, реконструируемые в «Этимологическом словаре славянских языков» [ЭССЯ, вып. 1–41]. Как и во всех славянских языках, в праславянском подавляющее большинство сложных слов составляют существительные, второе место занимают прилагательные, и значительно меньшую часть составляют глаголы. Сложения-существительные не только преобладают численно, но и отличаются наиболее широким репертуаром структурных типов, определяемых составом и порядком сочетающихся основ – субстантивных, адъективных, глагольных, наречных и др.

Среди праславянских композитов особый разряд составляют **двусоставные личные имена**, которые рассматриваются здесь в том составе, в каком они реконструированы в «Этимологическом словаре славянских языков» [ЭССЯ, вып. 1–41]. Эти имена, имеющие индоевропейское происхождение, сохранили свою употребительность у всех славян и после принятия христианства и усвоения христианского именника. Рассматривается состав лексических основ, выступающих в двусоставных праславянских антропонимах, правила их оформления (чистая основа, усеченная основа, словоформа) и правила их соединения друг с другом (наличие или отсутствие коннектора). Первая и вторая позиции двусоставного имени имеют разные характеристики и свойства: в первой позиции могут выступать глагольные, субстантивные, адъективные основы, местоименные основы, наречия, предлоги / приставки, тогда как во второй – только глагольные, субстантивные и адъективные основы. Двусоставные антропонимы, реконструированные в ЭССЯ, не исчерпывают всего корпуса личных имен этого типа в праславянском языке, но они дают достаточно ясное представление о праславянских антропонимических моделях и механизмах словосложения, о внутреннем синтаксисе и семантике антропонимических композитов в праславянском языке. Эти модели в принципе не отличаются от системы словосложения в сфере апеллятивной лексики и от антропонимических систем других индоевропейских языков. Лексический и идеографический состав единиц, вовлеченных в сферу ономастики, косвенно свидетельствует о системе ценностей, лежащей в основе ономастической номинации (ср. популярность таких когний, как «дорогой», «милый», «друг», «гость», «рад», «мир», «слава», «святой», «любить», «хвалить» и т. п.).

Особое место занимает в древнеславянском именнике **имя Владимир** (**Voldimirъ*), которое неоднократно было предметом этимологического анализа вместе с другими древнеславянскими дохристианскими двусоставными антропонимами. Однако некоторые аспекты этимологии этого имени остаются не до конца выясненными. К ним относятся: 1) морфология первого члена имени (именная или глагольная основа?), 2) семантика второго элемента имени (-*mirъ* – ‘рах’ или ‘mundus’?), 3) соотношение др.-рус. *Володимиръ* и *Володимѣрь*, 4) общая семантика композита. Глагольный характер первого компонента имени подтверждается структурой всего корпуса имен на -*mirъ*, в которых на первой позиции в абсолютном большинстве антропонимов стоят глагольные формы (в виде основы императива или чистой основы). Вопреки большинству

исследователей автор считает, что *-mirъ* в составе личных имен имеет значение 'рах'. Об этом свидетельствует семантика предшествующих этому элементу глаголов ('хотеть', 'хранить', 'защищать', 'устанавливать', 'разрушать, ломать, крушить' и т. п.), сочетаемость участвующих в сложениях слов (ср. *мир и тишина* и **Tixomirъ*) и фразеология (ср. *устанавливать мир* и **Stanimirъ*, *завоевать мир* и **Ratimirъ*, *сокрушить, разорвать мир* и **Lomimirъ*, **Krušimirъ*, **Rъvimirъ*). Вопрос о соотношении финалей *-mirъ* и *-mĕrъ* в качестве второго элемента антропонимических сложений остается наиболее спорным. Предлагавшиеся до сих пор этимологии имени *Владимир* недостаточно учитывали системные связи каждого компонента с другими лексическими единицами, занимающими ту же позицию в структуре составного имени, общую структурную схему (морфологию) этих имен, регулярные морфонологические правила сочетания компонентов, внутренний синтаксис имени, семантику каждого компонента и целого имени.

К словосложению в широком смысле слова могут быть отнесены и так называемые **составные номинации** (или **биномы**), т. е. двусоставные (иногда и трехсоставные) лексические единицы, часть которых может быть отнесена к категории сложных слов, а часть не считается таковыми и по существу не имеет признанного лексикологического статуса. Такие номинации широко распространены в языке фольклора (*родитель-матушка, тоска-кручина, хлеб-соль, мед-пиво, суженый-ряженный, трава-мурава, гуси-лебеди, спать-почивать* и т. п.), но известны и в обиходной речи (*дочки-матери, путь-дорога, подбру-поздорову, стерпится-слюбится, старик отец, бой-баба* и т. п.).

В книге явление составной номинации рассматривается на материале языка севернорусских (олонецких) причитаний, собранных и опубликованных Е.В. Барсовым 150 лет тому назад в книге «Причитанья Северного края», которая содержит более 25000 стихов и большое число примеров составной номинации. Эти примеры представляют интерес в двух отношениях: с точки зрения их лексикологического статуса и с точки зрения их «внутреннего» синтаксиса. В первом случае в корпусе биномов свадебных причитаний выделяются: 1) цельнооформленные сложные слова с неизменяемым первым компонентом (*свет-батюшка, друг-подружка, звон-унылый*), 2) аппозитивные словосочетания с приложением (*душа-девушка, дочь-невольница, идти-шататься*), 3) тавтологические словосочетания, т. е. полные или частичные редупликации (*воля-волюшка, место-местечко, ум-разум, гневѣн-гневѣн*) или синонимические

сложения (*путь-дороженька, род-племя, знать-ведать, глядеть-смотреть, строго-грозно, жалко-уныло*), 4) конструкции с сочинительной связью (*гуси-лебеди, злато-серебро, хлеб-соль, кормить-поить, досыта-допьяна*). В основу классификации положены следующие признаки: структурный (изменяемость компонентов сложений), «внешне»-синтаксический (согласование с обоими членами бинома или только с одним из них), «внутренне»-синтаксический (характер связи компонентов друг с другом – подчинение или сочинение) и семантический (являются ли члены бинома семантически самостоятельными или же один из членов служит эмоциональным, оценочным, функциональным определением, дополнением, уточнением, модификацией другого и т. п.).

Во втором случае внимание обращается не на лексикологический статус биномов, а на их **внутреннюю структуру**, т. е. на отношение между компонентами биномов, на формальные признаки их номинативного лексического единства. Среди этих признаков выделяются: словообразовательно-морфологические, грамматические (морфологические и синтаксические) и семантические. Эти характеристики исследуются на материале всех трех массивов причитаний (свадебных, похоронных и рекрутских). В приложении к этому очерку публикуется словарь биномов (более 800 единиц), который может служить основой для дальнейших исследований языка и поэтики фольклора, а также севернорусской диалектной лексики.

К названным выше явлениям синтактико-словообразовательной деривации (преобразованию синтаксических конструкций по правилам словообразования) примыкает явление, которое может быть названо **синтагматической деривацией**. В этом случае разнообразные синтаксические конструкции, в том числе и предикативные, трансформируются не в составные лексические единицы, а в другие синтаксические конструкции, состоящие из тех же лексических элементов, но преобразованных в структурном (грамматическом, словообразовательном) и семантическом отношении. Это явление встречается в древнерусских текстах и произведениях фольклора. Древнерусские конструкции типа *лом копейный* и *скрежетание мечное*, встречающиеся в летописях, житиях и других текстах в описаниях сражений, представляют собой продукт преобразования предикативной синтагмы (*копья ломаются, мечи срезают*) в номинативно-атрибутивную: $S+V > A+S$ (или $S+A$). При этом предикат номинализируется (субстантивируется), а субъект или объект предикативной конструкции становится производящим для прилагательного (притяжательного или относительного): *копья ломаются >*

лом копейный; мечи скрежещут > *скрежетание мечное, носить меч* > *мечное ношение*. Актантная структура глагола производящей предикативной конструкции (т. е. отношение субъект – предикат, объект – предикат) «наследуется» производной от нее номинативно-атрибутивной конструкцией (субъектное или объектное значение сохраняется в прилагательном *копейный, мечное*, а предикатное – в субстантивах *лом, ношение*).

Подобные примеры синтагматической деривации встречаются в языке фольклора, в том числе в текстах севернорусских причитаний из сборника Барсова, где в качестве отглагольных имен выступают как *nomina actionis*, так и *nomina agentis*, а актанты производящего предиката становятся атрибутами производного имени. При номинализации предиката прямой объект может принимать форму: родительного падежа (*сберечь вольную волюшку* > *сберегатели вольной волюшки, впустить злодея супостата* > *злодея супостата запускальщик*), дательного падежа (*«отложить» решетчатые двери* > *решетчатым дверям отложальщик, разжигать свечи* > *свечам разжигальщик*), включаться в сложное слово (*воду носить* > *водонощица, сено косить* > *сенокосица, рыбу ловить* > *рыболовищица*), может преобразовываться в прилагательное (*баню топить* > *баенный истопщик, блины печь* > *блинное печенье*).

Описанные в книге явления деривации на основе синтаксических конструкций демонстрируют внутреннюю связь и взаимодействие двух уровней языка (словообразования и синтаксиса) и двух типов языковых единиц (слова и словосочетания).

Благодарю рецензентов книги С.С. Скорвида и М.С. Мушинскую за ценные замечания, А.Е. Аникина, В. Венцеля, А.Ф. Журавлева, О.Д. Сурикову, И. Янышкову, ознакомившихся с некоторыми частями этой работы, Ю. Щтейнгарца за помощь в составлении обратного индекса праславянских апеллятивов, а также М.Н. Толстую за постоянную помощь и критику и за конкретные поправки, предложения и вопросы к первоначальному тексту книги. Все высказанные замечания я постаралась учесть при подготовке книги к печати.

СЛОЖНЫЕ СЛОВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ВНУТРЕННИЙ СИНТАКСИС И СЕМАНТИКА

Вводные замечания

Сложные слова и словосложение. Понятие «сложное слово» относится к морфемному составу слова и применяется к словам, имеющим в своем составе более чем одну лексическую основу. Иначе говоря, это статическое, описательное понятие. В отличие от этого, словосложение — понятие, относящееся к динамическому представлению языка. Оно подразумевает словообразовательный акт объединения двух или более слов (точнее, их основ) в одно слово. Поскольку образованное таким способом сложное слово может стать основой дальнейшей деривации, то его производные, будучи сложными словами, уже не имеют прямого отношения к акту словосложения. Например, слово *водопроводчик* является сложным словом, поскольку содержит два полнозначных лексических компонента (*вод-* и *провод-*), но при этом должно считаться не продуктом словосложения, а продуктом суффиксальной деривации от сложного слова *водопровод*. Сложные слова, независимо от их первичности или вторичности, изучаются традиционно в разделе словообразования, где предметом изучения становятся морфонологические (усечение основ, чередования, сдвиг ударения и т. п.), грамматические (именные, глагольные, местоименные и т. д. основы) и семантические отношения (подчинительные, сочинительные) между компонентами сложного слова. При этом отдельно рассматриваются сложные существительные, сложные прилагательные и т. д. В пределах каждой части речи сложные слова анализируются с точки зрения грамматических характеристик составляющих их основ, прежде всего их второго компонента («сложения с опорным компонентом, содержащим основу существительного», «сложения с опорным компонентом, содержащим глагольную основу» и т. п.). Этот описательный подход, реализованный в «Русской грамматике» [РГ-80], имеет дело, таким образом, с продуктами словосложения и дальнейшей деривации.

Вместе с тем в РГ постоянно присутствует понятие мотивации (мотивирующего слова), которое, однако, тоже понимается статически, как указание на так называемый опорный компонент сложного слова. Например, утверждается, что для слова *зубоврачебный* опорным словом служит прилагательное *врачебный* (в свою очередь мотивированное существительным *врач*), для слова *ранневесенний* – прилагательное *весенний*; для слова *разносторонний* – прилагательное *сторонний*, для *чистошерстяной* – прилагательное *шерстяной*, для *трёхсекционный* – прилагательное *секционный* и т. п. [РГ 1: 319]. При таком представлении семантика первых компонентов этих слов остается совершенно непроясненной в их отношении к опорному слову: как семантически соотнести *зубы* и *врачебный*, *три* и *секционный*, *ранний* и *весенний*? Ясно, что их связь лежит за пределами этих сложных слов, она продолжает вполне прозрачные синтаксические и семантические отношения реальных мотивирующих словосочетаний *зубной врач*, *три секции*, *ранняя весна*, от которых вполне стандартным способом образованы сложные прилагательные. В РГ, как и во многих специальных работах, посвященных сложным словам, совершенно неоправданно опорный компонент признается непосредственно мотивирующим; когда же этот компонент не представлен в словаре в качестве самостоятельного слова, конструируется «суффиксально-сложный тип прилагательных». Например, поскольку нет самостоятельного прилагательного *бережный* (от *берег*), а есть *береговой*, то в слове *левобережный* усматривается «сложный тип словосложения» [РГ 1: 322] (вероятно, предполагающий замену одного суффикса на другой), хотя при естественном понимании прилагательного *левобережный* – не как сложения *левый* и *береговой* с дальнейшим преобразованием, а как деривата от словосочетания *левый берег* – ничего сложного и нестандартного в таком слове не обнаруживается. Мы имеем здесь дело, таким образом, не со словосложением в буквальном смысле слова, а с конденсацией и адъективизацией словосочетания. То же самое можно сказать о соотношении *шерстяной* и *чистошерстяной* (от *чистая шерсть*), *слоговой* и *односложный* (от *один слог*) и т. п.

Сложные слова и словосочетания. Сложных слов в русском языке при ближайшем рассмотрении оказывается очень много, например, среди существительных женского рода 1-го склонения их не менее трети (согласно ГС); немало их и среди прилагательных, меньше среди наречий и очень мало среди глаголов. Почему вообще разные слова в языке стремятся слиться друг с другом в одно слово?

Представляется, что здесь нет полного произвола или случайности. Соединяются друг с другом слова, составляющие более или менее устойчивые (или более или менее свободные) словосочетания¹. Несколько огрубляя, можно сказать, что за каждым сложным словом стоит словосочетание. Поэтому проблема сложных слов лежит не только в области словообразования, но и в области синтаксиса и семантики словосочетаний. Очень определенно высказывался в пользу такого подхода Э. Бенвенист:

Импульс, приведший к появлению сложных имен, исходил не из морфологии, в рамках которой он не диктовался никакой необходимостью; начальной точкой были синтаксические конструкции с их разновидностями предикации. Именно синтаксическая модель открывает возможность для появления морфологического сложного имени и производит его путем трансформации [Бенвенист 1974: 254–255].

Почти полтора века тому назад великий русский славист И.И. Срезневский опубликовал статью «Замечания об образовании слов из выражений», где впервые показал регулярность образования сложных слов из словосочетаний (он называл их выражениями):

Слова, составленные из глагольных выражений, могут быть вообще разделены на два отдела: в одни преобразовались глаголы с приложением слов качественных: *красно баять* – *краснобай*, *скоро говорить* – *скороговорка*, *скоро спать* – *скоропелый*; в других слились глаголы с существительными:

¹ Тенденция к конденсации и универбации словосочетаний, т. е. слиянию их в одно слово, проявляет себя не только в словосложении, но и в словообразовании. Так, словосочетание *зачетная книжка* сливается в слово *зачётка*, *сгущенное молоко* – в *сгущенка*, *Публичная библиотека* – в *публичка*, *Манежная площадь* – в *Манежка*, *Нобелевская премия* > *Нобелевка*, *удалённая работа* > *удалёнка*, *купальный костюм* > *купальник* и т. п. А.А. Зализняк связывает эту тенденцию с экспрессивной функцией языка [Зализняк 2012]. В конце концов и сокращение имени в формуле имени и отчества в разговорном языке типа у *Сан Саныча*, с *Борис Петровичем*, к *Николай Палычу*, для *Марь Ивановны* и т. п. представляет собой не что иное, как словосложение, при котором первый компонент словосочетания редуцируется и утрачивает собственные формы словоизменения.

братъ крохи – крохобор, валить сено – сеновал, валять сукно – сукновальня, лезть в воду – водолаз, летать зимою – зимолёт, родить зимою – зимород, мерить глазами – глазомер» [Срезневский 1873: 7 отд. оттиска].

К сожалению, в дальнейшем этот подход в отечественной лингвистике не получил признания и продолжения. В.В. Виноградов скептически относился к попыткам некоторых ученых истолковать словосложение как словообразовательную операцию над словосочетаниями:

Образование слов при посредстве словосложения (основосложения), конечно, должно описываться с учетом связи и соотношения соединяемых слов: например, *скопидом, толстосум, вертопрах, щелкопер, теплоход* и т. д.; *жизнерадостный, морозостойкий, огнеупорный*. Однако анализ разных типов словосложения на основе прямой аналогии с соответствующим словосочетанием в составе предложения (например, *жизнерадостный* – ‘радующийся жизни’; *морозостойкий* – ‘стойкий по отношению к морозам’ и т. п.) неправомерен. Ведь в этом случае игнорируются структурные различия между сложным словом и словосочетанием. Словосложение является своеобразным комбинированным типом словообразования, синтактико-морфологическим. Правила сочетания морфем в этом случае существенно осложняются: вопрос о соотношении основ, о порядке их сцепления, а также о структурно-грамматическом оформлении второй части выводит этот тип словообразования за рамки правил образования простых производных слов» [Виноградов 1975: 208–209].

Были, однако, и сторонники «синтаксического» подхода: так, в работе В.П. Григорьева [1956] читаем: «Очевидно, причины различий в степени употребительности того или иного компонента сложного существительного следует искать не в морфологической аналогии, а в синтаксисе словосочетаний» (с. 44). К чему привели отказ от динамического подхода в пользу описательного и недооценка синтаксического аспекта словосложения, видно из примеров РГ, приведенных выше².

² В работах сравнительно недавнего времени этот подход продолжает господствовать, например, в диссертации [Гудилова 2005], дающей очень подробное и тщательное формальное описание способов

Сложение представляет собой по сути дела конденсацию – номинализацию, или адъективизацию, или вообще универбацию словосочетаний с помощью тех же формальных методов, которыми пользуется словообразование (плюс некоторые специфические приемы морфологической редукции сочетающихся основ и их соединения с помощью коннекторов). Сложные слова сохраняют те же синтаксические и семантические отношения между своими членами, которые связывали компоненты словосочетаний, ставших основой сложения, причем эти свойства остаются таковыми не только в первичных сложениях, но и в дальнейших дериватах и в самых разных словообразовательных оформлениях, ср. одно и то же объектное значение *водо-* в *водоочистка*, *водоочиститель*, *водоочистной*, *водоочистительный* (< *очищать воду*). С другой стороны, эти же объектные отношения характеризуют и сложные слова, в которых *водо-* соединяется с другими предикатными основами: *водолюбивый*, *водорез*, *водоотвод*, *водовоз*, *водосвятие*, *водохранилище*, *водомерка*, *водораспылитель* и т. д. Поэтому число производящих словосочетаний значительно меньше числа производных от них сложных слов, а с другой стороны, за одним сложным словом может стоять более чем один акт словосложения. Например, слово *электровозостроение* (< *строить электровозы*) представляет собой продукт соединения сложного слова *электровоз*, являющегося результатом сложения основ *электро-* (< *электрический*) и *-воз* (< *возить*), и глагольной основы *строй-* (< *строить*); иначе говоря, мы имеем дело с двухуровневой конструкцией сложения и дальнейшей деривацией: ((*электро+воз*)+*строй-*)+(ение)).

Такому пониманию дела (зависимости словосложения от словосочетаний) мешают два обстоятельства, связанные с нечеткостью понятий «сложное слово» и «словосочетание» и размытостью границ между ними. Главным критерием отнесения двусоставной

образования сложных слов в русском языке нового времени, прилагательное *остросюжетный* (с. 15) рассматривается как чистое «сращение» (наречие *остро* + прилагательное *сюжетный*), из чего следует, что исход первого члена *-о-* трактуется как финаль наречия, тогда как на самом деле это соединительный гласный, участвующий в объединении двух членов словосочетания *острый сюжет* (наречие в этом участия не принимает); точно так же в «сращении» *зерносеющий* первый компонент, вопреки автору, не является целым словом, а соединительная морфема *-о-* просто совпадает с флексией Им. п. ср. рода (ср. *травосеяние*, где такого совпадения нет).

номинации к сложным словам считается ее так называемая цельнооформленность, при которой морфологические характеристики слова принадлежат одному из составляющих (как правило, второму). Если же морфологическое оформление получают оба компонента составной номинации, то такие единицы считаются не сложными словами, а словосочетаниями. Между тем этот критерий не является абсолютным. Существуют такие составные номинации, которые колеблются в своем статусе и соответственно оформляются по-разному (ср. *Москва-река*, в *Москве-реке*, но разговорное в *Москва-реке*; *члены-корреспонденты* и *член-корреспонденты*). Кроме того, нередко к сложным словам причисляются и такие составные номинации, в которых морфологически оформляются оба компонента. Так, в ГС на правах отдельных лексических единиц (слов) включены *баба-яга*, *кресло-кровать*, *житьё-бытьё*, *казаки-разбойники*, *лук-порей* и др., не удовлетворяющие принципу цельнооформленности, но соответствующие другому, синтаксическому, критерию отдельного слова – единому «внешнему» согласованию (ср. *на новом диване-кроватьи*). Не относятся к сложным словам и конструкции с приложением типа *сестра-хозяйка*, *студент-отличник*, которые считаются аппозитивными словосочетаниями [Молошная 1973; Журавлев 1982: 85].

Вторая трудность связана с тем, что среди сложных слов есть такие, компоненты которых связаны не подчинительной связью, а сочинительной, – такие комбинации слов не признаются словосочетаниями [РГ 2: 6, см. также Санников 2008]. Например, из конструкции однородных определений *белый, синий, красный* (не являющейся по принятым правилам словосочетанием) при их универбизации получается сложное прилагательное *бело-сине-красный* (скажем, российский флаг) с явно сочинительной связью; из конструкции *лес и степь* получается сложное слово *лесостепь*, из *хлеб и соль* или *хлеб с солью* получается *хлеб-соль* и т. п. Не считаются словосочетаниями и однородные члены предложения, соподчиненные одному слову, например, *длинный серый* (дом), *красивая соломенная* (шляпа) и т. п. Из таких конструкций с однородными, но разноаспектными определениями [Иорданская 2000], как правило, сложных слов не возникает, но все же примеры такого рода можно найти: ср. пушкинское «*тяжелозвонкое скаканье по потрясенной мостовой*» («Медный всадник»).

Еще одна проблема состоит в том, что одно и то же сложное слово может быть признано результатом универбации разных словосочетаний. Например, слово *зерносклад* может быть соотнесено с несколькими словосочетаниями: 1) *складывать зерно*,

2) *склад зерна*, 3) *зерновой склад*, соответственно этому для компонента *зерно*- будут постулированы разные семантико-синтаксические функции: 1) прямой объект действия (ср. *складывать зерно*), 2) содержание контейнера (ср. *склад мебели*), 3) атрибутив (ср. *продуктовый склад*). Слово *быстродействие* в принципе может быть дериватом как словосочетания *быстро действовать*, так и словосочетания *быстрое действие*, *свободомыслие* – соотноситься как со словосочетанием *свобода мысли*, так и со словосочетанием *свободно мыслить* (с усечением основы наречия) и т. п.

После этих общих замечаний рассмотрим основные типы сложных слов, группируя их в соответствии с типами словосочетаний, лежащих в их основе. Эти типы выделяются исходя из характера главного, управляющего (синтаксически независимого) члена словосочетаний: глагола, существительного, прилагательного или числительного.

1. Сложные слова с глагольным управлением

Словосочетания с глаголом составляют наиболее разнообразный источник словосложения в соответствии с тем, что предикат (глагол) имеет наиболее сложную актантную структуру. В качестве зависимого члена в этих сочетаниях (и соответственно – первого члена сложных слов) могут выступать существительные (S), прилагательные (A), наречия (Adv), местоимения (Pron).

1.1. S+V (сочетания глагола с существительным). При трансформации таких сочетаний в сложное слово субстантивный компонент, как правило, занимает первую позицию и репрезентирует разные актанты глагола.

1.1.1. S-Sub (субъект). Сложные слова, в которых субстантивный компонент выступает в качестве субъекта действия, процесса или состояния, могут быть соотнесены как с прямыми предикативными конструкциями³, так и с производными от них именными сло-

³ Комбинация глагола с подлежащим не признается в РГ словосочетанием: «В систему подчинительных связей глагола не входит его связь с подлежащим; при этой связи реализуются не сочетаемостные свойства глагола, а осуществляется соединение (координация) главных членов предложения – подлежащего и сказуемого, выраженных определенными формами имени и глагола» (РГ 2: 25). Тем не менее такие предикативные конструкции могут служить основой словосложения.

восочетаниями; в обоих случаях сохраняется присущая словосочетанию синтаксическая связь и субъектное значение первого члена: *сердцебиение* (*сердце бьётся и биение сердца*), *водоотлив* (*вода отливает и отлив воды*), *слюноотделение* (*слюна отделяется и отделение слюны*), *солнцестояние* (*солнце стоит и стояние солнца*) и т. д.

Примеры с субъектным значением субстантивного компонента (везде указываются глагольные конструкции): *листопад* (листья падают), *ледоход* (лед идет), *землетрясение* (земля трясется), *дымоход* (дым (про)ходит), *бурелом* (буря ломит), *буревал* (буря валит), *травостой* (трава стоит), *солнцежёт* (солнце печёт), *водопад* (вода падает), *сердцебиение* (сердце бьётся), *кораблекрушение* (корабль терпит крушение; крушение корабля), *червоточина* (червь точит), *сердобольный* (сердце болит), *слезотечение* (слезы текут), *червобойна* (червь бьет), *водомойна* (вода моет), *ледостав* (лед стаёт), *водоотлив* (вода отливает), *головокружение* (голова кружится), *слюноотделение* (слюна отделяется), *кровообращение* (кровь обращается), *кровоизлияние* (кровь изливается), *светорассеяние* (свет рассеивается), *солнцестояние* (солнце стоит), *градобитие* (град бьет) и т. п.

1.1.2. S-Adresat. Сложных слов, первый (субстантивный) компонент которых указывает на адресата действия, немного: *богомольный* (молиться Богу), *богомолка* (молиться Богу), *богослужение* (служить Богу).

1.1.3. S-Obj (прямой объект). Сложные слова, производные от словосочетаний глагола с существительным в функции прямого объекта, составляют большинство deverbatивов, причем именные основы всегда занимают первую позицию: *землемер* (мерить землю), *водопой* (пить воду), *водосвятие* (святить воду), *зубочистка* (чистить зубы), *плотгон* (гнать плот), *китобой* (бить китов), *громоотвод* (отводить гром), *лесоовал* (валить лес), *водосброс* (сбрасывать воду), *судомойка* (мыть посуду), *брадобрей* (брить бороду), *короед* (есть кору), *свинопас* (пасти свиней), *конокрад* (красть коней), *пылесос* (сосать пыль), *пчеловод* (разводить пчел), *животновод* (разводить животных), *водопровод* (проводить воду), *садовод* (разводить сад), *злодей* (делать зло), *сенокос* (косить сено), *мясоед* (есть мясо), *горемыка* (мыкать горе), *тяжеловоз* (возить тяжести), *телогрейка* (греть тело), *льномялка* (мять лен), *крохоборка* (собирать крохи), *орденоносец* (носить орден), *кровосос* (сосать кровь), *кожемяка* (мять кожу), *богородица* (родить Бога), *землевладелец* (владеть землей), *рабовладелец* (владеть рабами), *клятвенпреступник* (преступать клятву), *женоненавистник* (ненавидеть женщин), *родоначальник* (начинать род), *богохульник* (хулить Бога), *страстотерпица* (терпеть страсть),

дароносица (носить дары), *квартиросъемщик* (снимать квартиру), *налогоплательщик* (платить налоги), *отцеубийца* (убить отца), *водохлаб* (хлебать воду), *лесоруб* (рубить лес), *светомаскировка* (маскировать свет), *шагомер* (мерить шаги), *каменотёс* (тесать камень), *сладкоежка* (есть сладкое) и т. д. и т. п. В сложных словах этого типа производность второго члена от глагола не оставляет сомнения (во многих случаях этот член неупотребителен в качестве самостоятельной лексемы, ср. *-пой, -ед, -брей, -нас, -мер, -тёс* и т. д.), несмотря на возможность в некоторых случаях соотносить их со словосочетаниями существительного с реальным отглагольным существительным, ср. *отцеубийца* – *убить отца* и *убийца отца*, *водосброс* – *сбрасывать воду* и *сброс воды*, *льномялка* – *мять лён* и *мялка для льна*. Такие случаи составляют лишь малую часть, но и в них объектное значение субстантивной основы несомненно.

1.1.4. S-Obj Indir (косвенный объект). В этом типе сложений глагольный компонент часто выступает не в своем непосредственном виде, а в виде своих производных с разным значением (абстрактного действия, деятеля, локуса и т. п.). Например, *водозащитный* (защитающий от воды), *водонепроницаемый* (непроницаемый для воды), *бензозаправка* (заправить бензином или заправка бензином), *зуботычина* (тыкать в зубы), *чревоугодник* (угождать чреву), *богоотступник* (отступить от Бога), *вероотступник* (отступить от веры), *бракосочетание* (сочетаться браком), *звукоподражание* (подражать звуку), *водоснабжение* (снабжать водой), *налогообложение* (облагать налогом), *родо(вс)поможение* (помогать при родах), *бомбоубежище* (убежище от бомб), *пулестойкий* (стойкий против пуль), *мировоззрение* (воззрение на мир), *грехопадение* (впадать в грех).

В ряде случаев косвенный объект трудно отличить от прямого объекта, поскольку прямой объект также может выражаться не только формами Вин. падежа. Например, в слове *кровохарканье* первый компонент может пониматься и как косвенный объект (харкать кровью, с кровью), и как прямой (выхаркивать кровь); в слове *заводоуправление* в исходном словосочетании *управлять заводом* зависимый субстантив, несмотря на форму Твор. падежа, функционально является прямым объектом; *родовспоможение* может пониматься и как дериват словосочетания *помогать при родах*, и как дериват выражения *помогать родам*, и в этом случае он оказывается прямым объектом помощи. Для некоторых сложных слов не удастся уверенно реконструировать исходное предикативное словосочетание, например, *духобор* (*бороться против св. духа?*), *злоупотребление* (*употребить во зло?*) и др.

1.1.5. S-Loc (локус). В некоторых сравнительно немногочисленных сложных словах субстантивный компонент обозначает место действия: *мореплаватель* (плавать по морю), *мореходец* (ходить по морю), *водолаз* (лазить в воду), *водоросли* (расти в воде), *домосед* (сидеть дома), *луноход* (ходить по луне), *снегоход* (ходить по снегу), *стенопись* (писать на стене), *землепроходец* (проходить по земле), *домотканый* (вытканый дома), *небожитель* (жить на небе), *землероб* (работать на земле), *скалолазание* (лазать по скалам), *стенолаз* (лазать по стенам), *местопребывание*, *местонахождение*, *местоположение* (пребывать, находиться, лежать в некотором месте), *трубопровод* (проводить по трубам, в отличие от *газопровод* с прямым объектом), *червь* *пескожил* (жить в песке).

1.1.6. S-Temp (время). Единственным надёжным случаем такого рода можно считать сложное слово *весновспашика* (вспахивать весной). Близкое по значению прилагательное *весенне-посевной* образовано не от глагольного словосочетания *сеять весной*, а от его деривата *весенний посев* (поэтому первый компонент сложного слова оформлен как адъективная, а не субстантивная основа).

1.1.7. S-Instr (инструмент). Семантика орудия (инструмента) действия представлена в сложных словах: *глазомер* (мерить глазом), *рукопись* (писать рукой), *машинопись* (писать на машинке), *водолечение* (лечить водой), *паровоз* (везти с помощью пара), *пароход* (идти с помощью пара), *тепловоз* (везти, используя энергию тепла), *челобитная* (бить челом), *шапкозакидательство* (закидывать шапками), *газорезка* (резать газом), *парооттайка* (оттаивать паром), *ситовейка* (веять ситом), *золотошвейка* (шить золотом), *радиопереключка* (переключаться по радио), *очевидец* (видеть (своими) глазами), *рукодельница* (делать руками), *пескодувный* (дуть песком), *электрострижка* (стричь при помощи электричества), *газосварка* (варить металл с помощью газа), *губошлёп* (шлепать губами), *рукоятка* (брать-(вз)ять рукой) и т. п.

1.1.8. S-Result (результат или продукт действия). Этот актант предиката отличается от прямого объекта тем, что указывает не на предмет, подвергающийся действию, а на предмет, получающийся в результате действия, т. е. на продукт действия: *дырокол* (пробивать, прокалывать бумагу с целью получения дырок), *маслобойка* (сбивать масло), *сыроварня* (варить сыр), *стеклодув* (выдувать стекло). Ни дыры, ни масло, ни сыр, ни стекло не являются объектами, над которыми производятся соответствующие действия: колют не дыры, а бумагу; сбивают не масло, а молоко или сливки; варят не сыр, а кислое молоко; дуют не стекло, а воздух.

1.2. Adv+V (способ действия). Семантика способа действия в отглагольных дериватах может быть выражена прежде всего наречием: *борзописец* (быстро писать), *скороспелка* (скоро спеть), *скорострелка* (скоро стрелять), *скоротечный* (скоро течь), *скороварка* (скоро варить), *скороговорка* (скоро говорить), *сороход* (скоро ходить), *легкоплавкий* (легко плавиться), *легкодостижимый* (легко достичь), *легковерие* (легко верить), *легкоосязаемый* (легко ощутить), *сильнодействующий* (сильно действовать), *прямохождение* (прямо ходить), *скрытое* (скрытно есть), *дармоед* (есть даром), *мелкорубленый* (мелко рубить), *мелкокрошенный* (мелко крошить), *быстродействие* (быстро действовать), *быстрорастворимый* (быстро растворяться), *быстротечный* (быстро течь), *быстроходный* (быстро ходить), *слабослышащий* (слабо слышать), *слаборазвитый* (слабо развиваться), *трудновыполнимый* (трудно выполнить), *труднопроходимый* (трудно проходить), *трудноустраняемый* (трудно устранить), *инакомыслящий* (по-иному, иначе мыслить), *тихоход* (тихо ходить), *пустолайка* (лаять попусту, впустую), *пустомеля* (молоть попусту), *пустозвон* (звонить попусту), *тугодум* (туго думать), *тонкопряд* (прясть тонко), *тайнопись* (тайно писать), *вездеход* (ходить везде), *верхогляд* (глядеть поверху), *суеверие* (верить всуе), *пешеход* (ходить пешком), *смертоубийство* (убить насмерть)⁴, *ясновидец* (ясно видеть), *долгожитель* (жить долго), *чистописание* (чисто писать) и т. п. См. также 4.3. и 4.4.

Особую группу составляют отглагольные сложения с первым элементом *ново-* и *свеже-* со значением времени, которые отступают от основного значения соответствующих прилагательных: *новосёл* означает не ‘вновь поселившийся’, а ‘только что, недавно поселившийся’; *новонайденный* – не ‘вновь найденный’, а ‘найденный недавно’; *новострой* – ‘построенный недавно’ (ср. *старожил* ‘живущий давно’); *новоприобретенный* ‘приобретенный только что’; *ново-рожденный* ‘только что родившийся’; *свежевыбранный* – ‘выбранный только что’; *свежевспаханный* – ‘вспаханный недавно’; *свежевыкрашенный* – ‘выкрашенный недавно’; *свежеиспечённый* – ‘испеченный только что’, *свеженадоенный* – ‘только что надоенный’ и т. д.

Как и в других категориях, здесь возможны не вполне ясные или спорные случаи, например, *свежесзамороженный* может

⁴ Сложение *смертоубийство* может пониматься и как универбация словосочетания *смертное убийство*, ср. у Пушкина: «[Пугачев] уже взял и разорил несколько крепостей, производя везде грабежи и смертные убийства» («Капитанская дочка»).

пониматься как ‘замороженный недавно’, и тогда он попадает в тип Adv+V, а может пониматься как ‘замороженный свежим, в свежем виде’, и тогда это другой тип (A+V).

1.3. A+V. К предыдущему типу близки сложения, в которых глагольной основе предшествует адъективная основа, которая, однако, репрезентирует не адъективную, а предикативную функцию прилагательного (т. е. не семантику ‘какой’, а семантику ‘быть каким’). Так, *мертворождённый* следует понимать как дериват от *родиться мёртвым*, *сырокопчёный* – от *коптить сырым* (в сыром виде), *живородка* – от *родить живым*, *сыроежка* – от *есть сырым* (в сыром виде), *сыромятный* – от *мять сырым* (в сыром виде), *круговерть* – от *вертеться кругом* (по кругу) и т. п.

1.4. Pron+V. Среди сложений этого типа наиболее многочисленны образования с местоимением *сам*, в которых выделяются два основных класса: 1) сложения с субъектной семантикой местоимения: *самовар* (сам варит), *самокат* (сам катится), *самолёт* (сам летит), *самосвал* (сам сваливает), *самописец* (сам пишет), *самозарождение* (сам зарождается), *самозахват* (сам захватывает), *самовоспламенение* (сам воспламеняется), *самолечение* (сам лечится), *самodelка* (сам делает), *самодвижущийся* (сам движется), *самовыключение* (сам выключается), *самоорганизация* (сам организуется), *самоуправление* (сам управляет), *самоучитель* (сам учит), *самосей* (сам сеется), *самоплавкий* (сам плавится) и т. п.; 2) сложения с объектной семантикой местоимения: *самолюбие* (любить себя, ср. *себялюбие*), *самозабвение* (забыть себя), *самочувствие* (чувствовать себя), *самооценка* (оценивать себя), *самопознание* (познавать себя), *самохвальство* (хвалить себя), *самоотдача* (отдать себя), *самозащита* (защищать себя), *самооправдание* (оправдывать себя), *самовыражение* (выражать себя), *самоуважение* (уважать себя) и т. п. Во многих случаях субъектное и объектное значение местоимения совмещаются, и тогда *само-* означает и ‘сам’ и ‘себя’, т. е. ‘сам себя’, ср. *самоистязание* (истязать самого себя), *самообман* (обманывать самого себя), *самоубийство* (убить самого себя), *самолечение* (лечить самого себя) и т. п.

В отглагольных сложениях с местоимением *весь* выражается семантика прямого объекта действия (при предикативной основе в качестве второго члена): *всевидающий* (видеть всё), *всезнающий* (знать всё), *всепобеждающий* (побеждать всё или всех), *вселюбящий* (любить всё или всех), *всеобъемлющий* (обнимать всё), *всепоглощающий* (поглощать всё), *всепожирающий* (пожирать всё), *вседный* (есть всё) и т. д.

1.5. V+V. Единичны сложные слова, в которых сочетаются две предикативные основы: *вертолёт* < вертеть(ся)+лететь, *любопытный* < любить+знать, *тягомотина* (возм., от *тянуть* и *мотать*).

1.6. V+S. Сложения этого типа непродуктивны и малочисленны; их первый член может быть представлен редуцированной глагольной основой или полной формой императива: а) с соединительной гласной того же типа, что и в именных сложениях: *скалозуб* (скалить зубы), *лизоблюд* (лизать блюдо), *лежебока* (лежать на боку), *лупоглазый* ((вы)лупить глаза), *пучеглазый* ((вы)пучить глаза), *трясогузка* (трясти гузом), *вертопрах* (от *вертеть* и *прах* [Аникин 6: 340]); б) с неизменяемой формой императива: *сорви-голова* (< сорвать), *перекаати-поле* (< перекаатить), *гуляй-город* (< гулять), *держиморда* (< держать), *вертиголовка*, *вертихвостка*, *вертишейка* (все < вертеть), *скопидом* (< скопить), *горихвостка* (< гореть), *болиголов* (< болеть)⁵. Однако этот тип сложений был очень продуктивен в древнеславянских и древнерусских личных именах: *Будиславъ*, *Воротиславъ*, *Видимиръ*, *Владимиръ*, *Ладимиръ*, *Держиславъ*, *Мстиславъ*, *Молибогъ*, *Родиславъ*, *Ростиславъ*, *Спасимиръ*, *Судимиръ*, *Хотимиръ* и т. п. [Роспонд 1965; Тупиков 2005; Васильев 2005].

2. Сложные слова с субстантивным управлением

Среди словосочетаний с опорным существительным, служащих производящими для сложных слов, выделяется несколько продуктивных типов, различающихся характером первого члена сложения – адъективной, глагольной или субстантивной основой (A+S, V+S, S+S), часть которых происходит из словосочетаний подчинительного типа, а часть из сочинительных конструкций, не признаваемых словосочетаниями.

2.1. A+S. Этот тип отличается высокой продуктивностью, поэтому он включает большое число вторичных, производных субстантивных основ, которые легко вступают в сочетание с адъективными основами любого типа (в том числе также производными разного рода и разной степени), нередко выступающими в сильно усеченном

⁵ К этому типу не относится внешне похожее на отглагольные дери-ваты сложение *разлюли-малина*, представляющее собой сложение наречия *разлюли* [СРНГ 34: 8] и сущ. *малина*.

виде, особенно когда это прилагательные иноязычного или комбинированного типа, например, электрический > электро- (*электроплитка*), энергетический > энерго- (*энергосистема*), социальный > соц- (*соцзащита, соцсети*), биологический > био- (*биополе*), телевизионный > теле- (*телевышка*) и т. п. Синтаксические отношения между компонентами таких словосочетаний основаны на согласовательной связи, однако при словосложении и редукции адъективной основы эта связь, естественно, утрачивается. Приведем для иллюстрации примеры: *белоголовка* (белая голова), *чернорубашечник* (черная рубашка), *красногрудка* (красная грудь), *чужестранка* (чужая страна), *плоскодонка* (плоское дно), *слабоумие* (слабый ум), *толстосум* (толстая сума), *косогор* (косая гора), *сухогруз* (сухой груз), *долгонос* (долгий нос), *чистотел* (чистое тело), *желторотик* (желтый рот), *частокол* (частые кольца), *чернослив* (черная слива), *чернозём* (чёрная земля), *гололёд* (голый лёд), *косоворотка* (косой ворот), *краснодеревщик* (красное дерево), *низкокачественный* (низкое качество), *кисломолочный* (кислое молоко), *костно-мозговой* (костный мозг), *разносторонний* (разные стороны), *старомосковский* (старая Москва), *крупнозернистый* (крупное зерно), *черноглазый* (черные глаза), *южнославянский* (южные славяне), *разнообразный* (разные образы), *прошлогодний* (прошлый год), *иногородний* (иной город), *миловидный* (милый вид), *широкоплечий* (широкие плечи), *радиовышка* (вышка для радио), *VELOпокрышка* (покрышка для велосипеда), *косолапый* (косые лапы), *мокропогодица* (мокрая погода), *великомученик* (великий мученик), *пустынножитель* (житель пустыни), *перворазрядник* (первый разряд), *горнолыжник* (горные лыжи), *острослов* (острое слово), *пустослов* (пустые слова), *празднословие* (праздные слова) и т. п.

Разумеется, здесь (и может быть, особенно здесь), благодаря продуктивности таких сложений, обнаруживается немало трудных для интерпретации и переходных случаев с затемненной или непрямой семантической связью. Например, *белоснежный* может пониматься как прямой дериват словосочетания *белый снег*, а может связываться со сравнительной конструкцией *белый как снег* (ср. безусловно сравнительную семантику в *снежно-белый*); *старообразный* можно возводить к *старый образ* (вид), а можно понимать как 'подобный старому, старику'.

К этой модели примыкают сложения с субстантивными основами, которым предшествует местоимение-прилагательное *весь*: *всепланетный* (весь мир), *вседневный* (весь день или все дни), *всенародный* (весь народ), *всенощная* (вся ночь), *всесезонный* (все сезоны),

всесоюзный (весь союз), *всесловный* (все сословия), *всесторонний* (все стороны)⁶.

2.2. S+S. Сложения двух субстантивов могут быть основаны на разных синтаксических и семантических моделях.

2.2.1. Сложения по типу конъюнкции. К этому типу относятся сложные (часто сложносокращенные) слова, восходящие к сочинительным конструкциям – бессоюзным или с союзом *и*, а также объединительным конструкциям с предлогом *с* (все они не признаются словосочетаниями): *лесостепь* (лес и степь), *лесотундра* (лес и тундра); *хлебсол* (хлеб-соль, хлеб и соль или хлеб с солью), *мясо-молочный* (мясо и молоко), *ритмо-мелодика* (ритм и мелодика), *геофизика* (география и физика), *биофизика* (биология и физика), *астрофизика* (астрономия и физика), *металлокерамика* (металл и керамика), *силлаботоника* (силлабика и тоника), *киркомотыга* (кирка и мотыга), *тернослива* (терн и слива), *VELOKOЛЯСКА* (велосипед и коляска), *тазобедренный* (таз и бедро), *цветомузыка* (цвет и музыка), *рабоче-крестьянский* (рабочие и крестьяне), *научно-технический* (наука и техника), *плодово-ягодный* (плоды и ягоды), *денежно-вещевой* (деньги и вещи), *осенне-зимний* (осень и зима)⁷. Продуктивность таких сочинительных конструкций в качестве источника словосложений свидетельствует об их определенном синтаксическом статусе и, может быть, указывает на возможность признать их особыми сочинительными словосочетаниями.

2.2.2. Сложения на функциональной основе: *лесопарк* (лес как место для прогулок), *плащ-палатка* (плащ, используемый как палатка), *автолавка* (автомобиль, используемый для торговли), *вагон-ресторан* (вагон, служащий рестораном).

2.2.3. Сложения с семантикой промежутка: *северо-запад* (между севером и западом), *носоглотка* (между носом и глоткой) и т. п.

⁶ По существу здесь представлены две разные семантические модели, восходящие к словосочетаниям с *весь* в ед. числе и во множ. числе: *всемирный* (весь мир), но *всесторонний* (все стороны).

⁷ В сложениях-прилагательных нередко адъективное оформление основы получает не только второй член производного, но и первый: *губно-зубной* (губы и зубы), *нёбно-зубной* (нёбо и зубы), *земноводные* (земля и вода), в отличие от сложений других типов с теми же основами, но без адъективного суффикса *-н-*: *землемер* (землю мерить), ср., однако, двоякое оформления первой основы – без суффиксации и с суффиксацией: *зимостойкий* и *зимне-зелёный* (стойкий к зиме и зеленый зимой), *плодово-ягодный* и *плодоносящий* (плоды и ягоды) и т. п.

2.2.4. Сложения на основе уподобления: а) прямые сложения без соединительной гласной с несклоняемым первым компонентом: *ёж-рыба*, *пила-рыба*, *молот-рыба*, *меч-рыба*, *луна-рыба*, *ремень-рыба*, *плакун-трава* (как бы плачущая), *сон-трава*⁸; б) сложения с соединительной гласной: *серпокрылка* (крылья как серп), *носорог* (нос в виде рога), *утконос* (нос как у утки), *змеерыбка* (рыба как змея), *козлоногий* (козлиные ноги), *ножесклюв*, *рогосклюв*, *серпосклюв* (клювы, подобные ножу, рогу, серпу). К сложениям последней группы семантически близки прилагательные продуктивного типа на *-видный*, *-образный*, в которых вторые члены сложения, восходящие к существительным *вид*, *образ*, по существу превратились в суффиксоиды: *змеевидный* (имеющий вид змеи, в виде змеи), *спиралевидный* (имеющий вид спирали, в виде спирали), *нитевидный* (имеющий вид нити), *яйцевидный* (имеющий вид яйца), *кистевидный* (имеющий вид кисти), *сердцевидный* (имеющий вид сердца) и т. п.; *червеобразный* (имеющий образ, вид червя), *кольцеобразный* (имеющий образ, вид кольца), *копьеобразный* (имеющий образ, вид копья), *чашеобразный* (имеющий образ, вид чаши) и т. п. Тем не менее они по своей структуре и семантике принадлежат к типу S+S.

2.2.5. Сложения на основе атрибуции в широком смысле, восходящие к словосочетаниям с подчинительной связью: *томат-паста* (паста из помидоров или томатная паста), *шеф-повар* (главный повар), *водоканал* (водный канал), *лесополоса* (лесная полоса или полоса леса), *словоформа* (форма слова), *птицефабрика* (фабрика птиц), *свиноферма* (ферма свиней), *корнеплод* (плод, представляющий собой корень), *звукорежиссер* (режиссер по звуку), *цветоножка* (ножка цветка), *лжекувшинка* (ложная кувшинка), *лжеприсяга* (ложная присяга), *яхт-клуб* (клуб яхтсменов), *нефтьескважина* (скважина нефти или нефтяная скважина), *рок-группа* (группа, исполняющая рок-музыку), *киноактриса* (актриса кино), *бензопила* (пила, работающая на бензине), *квартплата* (плата за квартиру или квартирная плата), *боеготовность* (готовность к бою) и т. п. Этот тип продуктивен и чрезвычайно многообразен и в словообразовательном, и в семантическом отношении; здесь он представлен в весьма сжатом виде, при этом некоторые сложения допускают разную атрибуцию к исходным словосочетаниям.

2.2.6. Единичные сложения с неизменяемым оценочным эпитетом: *жар-птица*, *царь-колокол*, *царь-пушка*, *пай-девочка* и др.

⁸ Это слово семантически отлично от остальных, поскольку в нем первый член обозначает не то, с чем сравнивается трава, а обычай использования этой травы в качестве снотворного средства.

3. Сложения с прилагательными

3.1. S+A. Сложения существительных с прилагательными.

3.1.1. Сложения, возникающие из словосочетаний прилагательного с несогласованным управляемым существительным, немногочисленны и ограничены в своем втором компоненте (*прочный, способный, стойкий, устойчивый*), но при этом продуктивны, т. е. способны сочетаться с новыми существительными в качестве первого члена: *жаропрочный* (прочный, устойчивый к жару), *водопрочный* (прочный к воде), *платежеспособный* (способный к платежам), *жизнеспособный* (способный к жизни), *трудоспособный* (способный к труду), *кредитоспособный* (способный выплачивать кредит), *работоспособный* (способный к работе), *оборонеспособный* (способный к обороне), *морозостойкий* (стойкий к морозу), *влагостойкий* (устойчивый к влаге), *холодостойкий* (устойчивый к холоду), *водоустойчивый* (устойчивый к воде), *засухоустойчивый* (устойчивый к засухе), *помехоустойчивый* (устойчивый к помехам), и т. п. Сюда же, видимо, относится и *лихорадка* (рад лиху) [Фасмер 2: 505] и *злорадный* (рад злу).

К ним близки сложения с прилагательным *подобный / подобен*: *змееподобный* (подобен змее), *громоподобный* (подобен грому), *женоподобный* (подобен женщине) и т. п.

3.1.2. Сложения на основе сравнения: *угольно-чёрный* (черный как уголь), *снежно-белый* (белый как снег)⁹, *пепельно-серый* (серый как пепел), *небесно-голубой* (голубой как небо) и т. п.¹⁰

3.2. A+A. Сложные слова, объединяющие основы двух (и более) прилагательных, по своей синтаксической и семантической структуре распадаются на несколько типов.

3.2.1. Сложения на основе сочинительной связи с семантикой конъюнкции: *черно-белый* (черный и белый), *бело-сине-красный* (флаг), *кисло-сладкий* (кислый и сладкий), *глухонемой* (глухой и немой), *голодралец* (голый и драный), *осенне-зимний* (осенний и зимний).

3.2.2. Сложения на основе подчинительной связи, в которых первый член характеризует не определяемое существительное,

⁹ С тем же значением и той же семантической структурой известно и даже более употребительно прилагательное *белоснежный* с обратным порядком основ. Такие обратимые пары не редкость среди сложных слов, ср. *лизоблюд* и *блюдолиз* (лизать блюдо), *скалозуб* и *зубоскал* (скалить зубы).

¹⁰ Во всех приведенных примерах первый член сложения оформлен как адъективная основа. См. сноску 7.

а второе прилагательное: *бледно-розовый* – это не бледный и розовый, а розовый слабого оттенка (т. е. эти два прилагательных не являются соподчиненными определяемому существительному; ср. понятие иерархического соподчинения в работе [Иорданская 2000: 379 и далее]); то же самое *ярко-красный* (не яркий и красный, а яркий красный), *светло-зеленый*, *тёмно-красный* и т. п.

3.2.3. Семантика степени (*весь* выступает в наречной функции в сочетаниях с адъективными основами, часто с основами превосходной степени): *всемилоstitивый, всевышний, всесовершенный, всеусердный, всечестнейший*, ср. также наречия *всенижайшие, всеконечно, всепокорнейшие*). Слово *всеобщий* может пониматься двояко – в наречном и в объектном значении, т. е. как ‘общий в высокой степени’ или как ‘общий для всех’.

4. Сложения с числительными и счетными словами

4.0. Если предыдущие типы сложений были выделены по характеру второго, главного, «опорного» члена сложения, то здесь рассматриваются сложные слова, объединяемые статусом первого члена. Это объясняется морфологической, словообразовательной и синтаксической спецификой числительных и счетных слов. Вообще говоря, сложения этого типа заслуживают отдельного специального рассмотрения; здесь по необходимости они будут представлены в кратком и обобщенном виде, оставляющем без внимания некоторые важные словообразовательные особенности.

К этому типу принадлежат сложения, первым членом которых служит количественное числительное (порядковые числительные трактуются как прилагательные), и такие количественные слова, которые, как и числительные, управляют существительными в Род. п. (*мало, много, двое, оба, половина*), а также образованные от числительных наречия типа *дважды, вдвое, вдвойне* и т. п.

Числительное *один* в сложениях выступает как прилагательное (или субстантивированное прилагательное), ср. *однолюб* с объектным значением числительного при предикате (любить одного или одну), *однодневный* с определительным значением в отсубстантивном сложении (один день > однодневный).

4.1. Числительные *два, три* и *четыре* представлены почти исключительно в отсубстантивных сложениях (Num+S) в нескольких вариантах, восходящих к разным словам или конструкциям. Так, с числительным *два, две* соотносятся в сложных словах следующие формы:

1) *дву-* (< два, две): *двубортный* (два борта), *двугорбый* (два горба), *двугривенный* (две гривны), *двудольный* (две доли), *двузначный* (два значения), *двуколка* (два колеса), *двуликий* (два лица), *двупалый* (два пальца), *двуполюй* (два пола), *двусложный* (два слога) и т. п.; 2) *двух-* (< о двух, с двумя): *двухголовый* (о двух головах), *двухбашенный* (о двух башнях), *двухколесный* (с двумя колесами), *двухкомнатный* (с двумя комнатами), *двухлитровый* (с двумя литрами); 3) и *двое-* (< двойной): *двоеборье* (двойная борьба), *двоеверие* (двойная вера), *двоебрачие* (двойной брак), *двоевластие* (двойная власть), *двоемыслие* (двойная мысль) и т. п. Эти исконно разные формы впоследствии смешались, отсюда нередкие параллельные образования типа *двуголовый* и *двухголовый*, *двоедушие* и *двудушиник*, *двухмерный* и *двумерный* и т. п. Такие сложения могут иногда репрезентировать другой тип, например, в слове *двоеженец* первый член может соотноситься не с самим числительным *два*, а с наречием *дважды* (дважды женатый, буквально вдвойне женатый).

То же самое можно сказать о числительном *три*, которое в сложных словах имеет формы *тре-*, *трёх-* и *трое-*: 1) *трезубый*, *треногий*, *треугольный*, *треххвостка*; 2) *трёхаршинный*, *трёхбашенный*, *Трёхгорка*, *трёхдневный*, *трёхлетний*, *трёхмерный*, *трёхтомный*, *трёхцветный* и т. п.; 3) *троеборье*, *троебрачие*, *троекратный*, *троеперстие*, *троеручица*. Здесь также нередки параллельные образования: *треногий* и *трёхногий*, *трезубец* и *трёхзубый*, *троекратный* и *трёхкратный*.

Дериваты с первым членом *четыре* представлены в двух вариантах – 1) *четырёх-*: *четырёхактный*, *четырёхведёрный*, *четырёхгодовалый*, *четырёхзначный*, *четырёхканальный*, *четырёхлитровый*, *четырёхугольный*, *четырёхъярусный* и т. п. и (реже) 2) *четверо-*: *четвероевангелие*, *четвероногий*, *четверостишие*, *четвероюродный*, *четверокурник*; второй тип довольно редок и может смешиваться с более продуктивным первым, ср. *четверодневный* и *четырёхдневный*, *четвероглавый* и *четырёхглавый*.

Числительные *пять* и далее не имеют вариантов в сложениях и сочетаются исключительно с субстантивными основами: *пятиалтынный*, *пятиаршинный*, *пятиведёрный*, *пятигодовалый*, *пятигранник*, *пятикратный*, *пятистенка*, *пятитомный*, *пятистенный* и т. п.

4.2. Слово *пол* выступает в сложениях либо в своем исходном виде со значением ‘половина’ при словоформе Род. п. существительного (*полмира*, *полночи*, *полсекунды*, *полтирога*), либо в форме *полу-* в сочетании с разными основами (*полузащита*, *полумера*, *полукруг*, *полузабытьё*, *полузаброшенный*, *полудремота*, *полукочевой*, *полузрелый*, *полукруглый*, *полуминутный*, *полумёртвый* и т. п.). При этом сложения с *полу-* могут быть 1) дериватами от сложных

имен с *пол-*: *полкруга* – *полукруглый*, *полметра* – *полуметровый*, *полминуты* – *полуминутный* и т. д., 2) обстоятельственными актантами при предикативных основах и иметь значение ‘наполовину, вполювину’: *полумёртвый* ‘мертвый наполовину’, *полузаброшенный* ‘заброшенный наполовину’, *полукочевой* ‘кочующий наполовину’, *полукрытый* ‘крытый наполовину’, *полупрозрачный* ‘прозрачный наполовину’ и т. д. Для таких слов, как *полушубок*, *полушалок*, возможны двоякие трактовки – по первому или по второму типу: 1) от не существующих реально производящих **полишубы*, **полшали* или как 2) ‘шуба наполовину’, ‘шаль наполовину’. Особый тип составляют слова *полдень*, *полночь*, в которых *пол-* сочетается не с Род. п., а с Им. п. существительного.

Числительное *полтора*, *полторы* в сложных словах имеет форму *полутора-* и сочетается с субстантивными основами: *полторавековой*, *полторакилометровый*, *полторамесячный*, *полторамилионный* и др. (соответственно от *полтора века*, *полтора километра* и т. д.).

4.3. Сложные слова с начальным *мало-* (всего около 350, согласно РОС) принадлежат к двум типам в зависимости от того, является ли этот начальный член количественным наречием или редуцированной основой прилагательного *малый*. Они могут соотноситься с отсубстантивными словосочетаниями – 1) с наречно-предикативной семантикой: *малоароматный* (мало аромата), *малолюдный* (мало людей), *малолетний* (мало лет), *маломестный* (мало мест), *малоплодный* (мало плодов), *малоречивый* (мало речей), *малокровный* (мало крови), *маложирный* (мало жира), *малоквартирный* (мало квартир) и т. п. и 2) с адъективной семантикой: *малодоходный* (малый доход), *малобюджетный* (малый бюджет), *малогабаритный* (малые габариты), *малоразмерный* (малый размер), *малообъёмный* (малый объем), *малометражный* (малый метраж), *малоголовый* (малая голова), *маломощный* (малая мощь), *малоазиатский* (Малая Азия) и т. п., при этом второй компонент сложения либо вообще неупотребителен в качестве самостоятельного слова (*-размерный*, *-головый*, *-метражный*), либо употребителен в другом значении (*габаритный*, *азиатский*, *бюджетный*). Некоторые сложения допускают двоякое толкование: *малосильный* (< мало сил или малая сила), *малоопытный* (< мало опыта или малый опыт), *малоотходный* (< мало отходов или малые отходы), *маловетренный* (< мало ветра или малый, т. е. слабый ветер) и т. п.

Еще одна модель сложных слов этого типа – сложение *мало-* в наречном значении с прилагательными: *маловероятный*,

малоактуальный, малограмотный, малозначительный, малонадёжный, малопопулярный, малоспособный, малореальный и т. п.

В отглагольных сложениях эти слова выступают в функции обстоятельства (наречия): *малозатратный* (затратить мало), *малодойный* (дойть мало), *малоповоротливый* (мало поворачиваться), *маловлиятельный* (мало влиять), *малозначительный* (мало значить), *малоощутимый* (мало ощущать), *малообеспеченный* (мало обеспечить), *малоношенный* (мало носить), *малопосещаемый* (мало посещать), *малобудительный* (мало убедить) и т. д. Некоторые из них одновременно соотносятся с вторичными по отношению к глагольным субстантивными или адъективными словосочетаниями: *малозатратный* (малые затраты), *малосъедобный* (съедобный в малой степени). Т. е. они фактически относятся к типу Adv+V.

4.4. Сложения с начальным *много-* (числом также примерно 350) соотносятся преимущественно с субстантивными словосочетаниями (Num+S): *многоактный* (много актов), *многоаспектный* (много аспектов), *многобожие* (много богов), *многобрачный* (много браков), *многовагонный* (много вагонов), *многовалентный* (много валентностей), *многоборье* (много видов борьбы), *многовариантный* (много вариантов), *многовековой* (много веков), *многовёрстный* (много верст), *многоглавый* (много голов), *многогранный* (много граней), *многодетный* (много детей), *многоземельный* (много земель), *многоплодный* (много плодов), *многоканальный* (много каналов), *многоклеточный* (много клеток), *многокрасочный* (много красок), *многоместный* (много мест), *многопудовый* (много пудов), *многорядный* (много рядов), *многословный* (много слов), *многосторонний* (много сторон), *многочленный* (много членов) и т. п.

Сравнительно слабо представлены сложения других типов с начальным *много-*, в частности с предикативными вторыми элементами и наречной или объектной семантикой первого члена ('много' и 'многое'): *многоговoreние* (много говорить), *многознание* (многое знать), *многообещающий* (многое обещать), *многообъемлющий* (многое обнимать), *многообязывающий* (обязывать ко многому), однако *многохоженный* выражает только наречную семантику (ходить много). В некоторых сложениях *много-* имеет значение степени: *многомудрый* 'очень мудрый', *многоучёный* 'очень учёный', *многоценный* 'очень ценный' (Num+A), а также значение большого размера (Num+S): *многосемейный* производно не от *много семей*, а от *большая семья* (многочисленная семья); *многотиражный* – не от *много тиражей*, а от 'большой тираж'

(множественный или многочисленный тираж); *многочисленный* соотносится не с *много чисел*, а с *большое число* (так сказать, ‘большой числом’ или ‘многий числом’).

Предложенный выше весьма сжатый и схематичный обзор основных типов сложений (непосредственных результатов словосложения) реконструирован из большого числа сложных слов русского языка, относящихся к разным частям речи и разным словообразовательным моделям. Каждый из них, конечно, требует специального обстоятельного изучения. Мне важно было показать, что синтаксические и семантические отношения между компонентами, характерные для производящих словосочетаний, сохраняют свое значение и в структуре производных сложных слов, более того – они сохраняют свое значение и во вторичных дериватах, т. е. в сложных словах второй, третьей и т. д. степени производности. Очевидно, во многих случаях конкретные примеры можно было бы истолковать как-то иначе. Сложное слово в принципе может иметь более чем один источник среди словосочетаний. На это обращал внимание уже Срезневский:

Нередко трудно угадать, что именно выражает слово: слово *ветрогон* могло произойти из выражений: *гнать по ветру*, *гнать ветер* и *гнать ветром*; *ратиборец* могло произойти из выражений: *бороть рать*, *бороться ратью*, *бороться с ратью*; злодей может означать и того, кто делает зло, и того, кто делает злобно, со злостью и т. п. [Срезневский 1873: 8 отд. оттиска].

В таких случаях источник реального словосложения должен определяться исходя из семантических и словообразовательных моделей, характерных для каждого компонента сложения. Если речь идет о слове *ветрогон*, то поскольку другие слова со вторым компонентом *-гон* (*медогон*, *макогон*, *смологон*, *слюногон*, *лисогон*, *скотогон*, *плотогон*, *чертогон*, *глистогон*) показывают объектную семантику первого компонента, можно предположить, что и в слове *ветрогон* первый компонент имеет значение объекта действия *гнать*, и следовательно источником этого сложения будет не *гнать по ветру* с локативной семантикой первого члена и *не гнать ветром* с инструментальной семантикой, а именно *гнать ветер* (ср. в словаре Даля: *французский ветер*, *ветрогон* [Даль 1: 821]). В случае слова *ратиборец* по тем же соображениям можно предполагать

в качестве исходных словосочетания с объектным значением первого компонента (*бороть рать* или *бороться с ратью*), ср. *богоборец*, *иконоборец*, *тираноборец*), а не *бороться ратью* с орудийной семантикой. То же объектное значение первого компонента в сложениях на *-дей* (*чудодей*, *лиходей*, *прелюбодей*) заставляет предпочесть для *злодей* модель с объектным значением первого члена сложения: ‘делать зло’. Словосложение, таким образом, имеет двойную ориентированность – на синтаксис и семантику словосочетаний и на семантику и структуру словообразовательных моделей имеющих сложных слов.

К ПРОБЛЕМЕ СЛОЖНЫХ СЛОВ В ПРАСЛАВЯНСКОМ

Вводные замечания

Прежде чем обратиться к анализу праславянских сложных слов, необходимо сказать о композитах в древнейшем и ближайшем по времени к праславянскому состоянию старославянском языке. Старославянским сложным словам посвящено немало специальных исследований, в которых композиты, содержащиеся в памятниках письменности, рассматриваются преимущественно в их отношении к греческим оригиналам или почти исключительно в связи с калькированием греческих композитов (см. прежде всего [Zett 1970; Цейтлин 1977: 186–284; Ефимова 2018; Záborský 2010]). При этом существование исконных сложных слов праславянского происхождения в старославянском языке не отрицается, однако они оцениваются в целом (и в количественном, и в структурном, и в функционально-культурном отношении) как весьма незначительная часть старославянского лексикона. Анализ реконструируемых в этимологических словарях праславянских композитов должен пролить свет на лексический объем и структурную типологию этого разряда праславянской лексики, что, во-первых, поможет заново оценить соотношение «своего» и «чужого» в старославянских композитах, во-вторых, сможет послужить основой для оценки как праславянского, так и книжного (старославянского и церковнославянского) слоя в корпусе композитов отдельных славянских языков.

В вышедших томах «Этимологического словаря славянских языков» [ЭССЯ 1–41] содержится значительное число композитов (более 650). Подсчеты здесь и далее носят приблизительный характер – во-первых, потому, что некоторые слова снабжаются в словаре знаками вопроса или выражениями сомнения по поводу их принадлежности к праславянскому лексикону, а во-вторых, потому, что при подсчетах не учитываются приставочные образования,

которые в ЭССЯ трактуются как сложения¹; не учитываются также вторичные производные от композитов. Композиты в ЭССЯ распадаются на две группы: 1) ономастические сложения – двусоставные личные имена типа **bogoľubъ*, **bronimirъ*, **ľuboslavъ* и топонимы типа **bĕlogordъ*, **dorgobŏdjъ*; 2) апеллятивные сложения разной структуры. По численности эти группы соотносятся следующим образом: из общего числа композитов примерно 650 (считая варианты типа **bogodanъ* / **bogъdanъ*, **čьrtoryjъ* / **čьrtoryja* / **čьrtoryje* за одну единицу) на ономастику приходится около 200 сложных слов, на апеллятивы более 450. В соответствии с концепцией ЭССЯ, к праславянским отнесены композиты, известные или реконструируемые в нескольких славянских языках, принадлежащих к разным группам (восточно-, западно- и южнославянской), однако в некоторых (довольно многочисленных) случаях в словарь включаются и композиты, засвидетельствованные лишь в одном языке или в языках одной группы, – при условии, что они репрезентируют старые модели сложения.

Ономастика первых 13 выпусков ЭССЯ (от А до К, примерно 115 имен) была специально рассмотрена в статье О.Н. Трубачева [Трубачев 1988], где было высказано несколько очень важных положений о соотношении двух названных выше категорий сложных слов, т. е. онимов (антропонимов и топонимов) и апеллятивов. По мнению автора, антитеза «имя нарицательное – имя собственное» для праславянского языка «во многом снимается», поскольку «речь идет об эпохе или эпохах, когда исконнославянская ономастика (топонимия, особенно антропонимия) еще не образует четкой антитезы, оппозиции, противостояния

¹ Приставочные сложения требуют отдельного рассмотрения, во-первых, в силу их большой продуктивности и численности (так, только образований на **bez-* насчитывается в ЭССЯ 165, не считая нескольких онимов), а во-вторых, по причине их особой словообразовательной структуры, избирательности по отношению к присоединяемым основам (если **bez* носит «исключительно приименной характер» [ЭССЯ 2: 10], то **jъz* – преимущественно приглагольный; **ne* присоединяет как субстантивные, так и адъективные и глагольные основы и т.д.), наконец, у них практически отсутствуют стандартные морфологические механизмы сочетания основ. Их синтаксические и семантические свойства также во многом отличаются от внутреннего синтаксиса и семантики сложений с полнозначными лексическими компонентами.

в отношении к апеллативному лексикону (сейчас это остаточно сохраняется только в микропонимии), и это типологически очень интересно» (с. 3).

В данном очерке рассматриваются включенные в ЭССЯ праславянские апеллативные сложения со стороны их структуры и «внутреннего синтаксиса», т. е. синтаксической и семантической связи между их компонентами. При этом компоненты сложного слова неравноценны по своей роли в формировании целого сложения: основа, занимающая первую позицию, хотя и претерпевает определенные трансформации при словосложении, не является самостоятельным объектом деривации (т. е. не определяет семантику и морфологию всего сложения), тогда как вторая основа служит подлинным объектом формальной деривации, изменяясь по тем же правилам, что и основы мотивирующих слов при однословной деривации, и порождая новую семантическую и морфологическую единицу лексикона.

Между тем в грамматиках и традиционных описаниях славянских композитов зачастую словосложение понимается как механическое присоединение готового и полностью оформленного второго члена сложения к первому, преобразованному (посредством усечения или чередований) компоненту. Но такие «готовые», лексически полноценные компоненты сложных слов обнаруживаются далеко не во всех случаях; они характерны прежде всего для сложных слов с неизменяемым первым компонентом, например, наречием, ср. *малоприметный*, *труднодоступный*, *вечнозеленый* и т. п. В большинстве же примеров второй компонент не является полноценной лексической единицей, часто он неупотребителен в качестве самостоятельной лексемы (ср. рус. сложные слова со вторым, глагольным, компонентом *-пой*, *-сед*, *-пас*, *-мер*, *-лаз*, *-тёс*: *водопой*, *домосед*, *свинопас*, *глазомер*, *скалолаз*, *камнетёс* и т. д.), а представляет собой ту или иную трансформацию второй основы по регулярным правилам словообразовательной деривации (в данном случае с редукцией основообразующей глагольной финали). Это заставляет считать и многие другие случаи, когда второй элемент сложения совпадает с реальной лексемой, случайными совпадениями. Например, в прилагательном *прямолинейный* второй компонент – не самостоятельное слово (хотя прилагательное *линейный* в русском языке существует), а формально с ним совпадающий дериват словосочетания *прямая линия*, на что указывает иное значение компонента *линейный* по сравнению со значением самостоятельного

прилагательного *линейный*; соответственно, первый компонент сложения *прямо* является не неизменяемым наречием, а усеченной основой прилагательного *прямой* плюс соединительная гласная *-о-*. Подробнее см. выше, а также [Толстая 2020b].

Важно еще иметь в виду, что установление морфологической структуры сложных слов для праславянского языка осложнено тем, что некоторые классы слов (основ) не имеют жесткого формального выражения, и их принадлежность к той или иной части речи определяется на основе их синтаксической функции. Так, не разграничены четко существительные (S) и прилагательные (A): ср. S **osminogъ* и A **osminogъjь*, или даже существительные, прилагательные и наречия (Adv): ср. основа **dobr-* как A **dobro*, S **dobro*, Adv **dobro* (см. [ЭССЯ 2: 11–12]); не всегда очевидно различие между основами глагола (V) и существительного (S): ср. **vid-* как основа глагола **viděti* и имени **vidь*.

В ЭССЯ эта проблема разграничения типов основ решается несколько неожиданно – в духе признания за такими разными («омонимичными») видами основ, в частности, субстантивными и адъективными или глагольными и адъективными, гипотетической лексической самостоятельности. Например, существительное **dobrodějь* объясняется не как сложение основ A+V или S+V с последующим оформлением целого сложения по субстантивному типу, а как «сложение **dobrъ* и именного производного **dějь* от глагола **dějati*» [ЭССЯ 5: 42]; прилагательное **krivogolvъjь* трактуется не как сложение основ A+S, оформленное по адъективному типу, а как «адъективное сложение **krivъ* и **golva*, точнее безаффиксного прилагательного древнего типа **golvъ*, обычно выступающего в сложениях, ср. **bezgolvъ*» [ЭССЯ 12: 165]. Допущение существования субстантивных отглагольных дериватов типа **dějь* (< **děti* / **dějati*), **točь* (< **točiti*), **jědь* (< **jěsti*), **varь* (< **variti*), **rqbь* (< **rqbati*) и т. п. или «адъективных» форм существительных типа **golvъ*, **rqbь*, **nogъ*, **nosъ* и т. п. как самостоятельных лексических единиц не находит поддержки ни в праславянском лексиконе, ни в лексике отдельных славянских языков, и по существу такие формы являются искусственными конструкциями и своего рода данью представлению о композитах как продуктах сложения первого компонента в виде основы, а второго – в виде цельнооформленной лексической единицы².

² Ср. о словосложении в старославянском языке: «При определении словообразовательных моделей композитов здесь возникает та же

Ниже предлагается анализ праславянских сложений по типам составляющих их основ, независимо от того, к какому классу слов (субстантивам, адъективам, наречиям и т.д.) относится сложение в целом. Как и во всех славянских языках, в праславянском подавляющее большинство сложных слов составляют существительные, второе место занимают прилагательные и значительно меньшую часть составляют глаголы. Сложения-существительные не только преобладают численно, но и отличаются наиболее широким репертуаром структурных типов (т. е. составом сочетающихся основ): S+V (**čъrvojědъ*, **kamenolomъ*); S/A/Adv+V (**dobroхъtъ*); Adv+V (**darъmojědъ*); S+S (*bratъsestra*); V+S (**boligolva*); A+S (**kosogorъ*); Num+S (**devesilъ*). Сложения-прилагательные представлены следующими типами: A+S (**bělogrivъ(jъ)*, **lbgъkosъrdъ(jъ)*); A/Pron+S (**jъnočedъ(jъ)*); S+A (**ludomilъ(jъ)*); Num+S (**edъnonogъ(jъ)*); V+A (**тъrgoslěpъjъ*). Наименее разнообразны сложения-глаголы: S+V (**kostolomiti*); Adv+V (**lbgostojiti*, **jarěpeniti*); V+V (**mъtovъrěti*); Num+V (**dъvogubъ(jъ)*).

Если расположить структурные типы сложений всех морфологических типов по мере убывания количественных показателей (с учетом их неизбежной условности и приблизительности), мы получим следующую картину: **S+V (194)**, **A+S (134)**, S+S (33), V+S (20), Adv+V (17), A+V (13), Num+S (9), Num+V (5), S+A (5), A+A (2), Pron+S (2), Pron+V (2), V+A (1), V+V (1), Num+Num (1). Из этих данных видно, что в сущности только две первых

проблема существования в узусе языка вторых компонентов композитов в качестве самостоятельных слов – проблема, одинаковая для изучения словообразования как для греческого византийского периода, так и для старославянского языка, поскольку лексический инвентарь обоих языков известен нам хотя и по довольно широкому, но все же ограниченному кругу памятников письменности и в принципе знания о нем могут быть впоследствии расширены благодаря новым находкам» [Ефимова 2020: 78–79]. Дело не в том, что какие-то лексические единицы, занимающие в сложных словах вторую позицию, могли не быть засвидетельствованными в памятниках письменности, а в том, что они в принципе должны трактоваться не как самостоятельные лексемы, механически присоединенные к первому компоненту (который в свою очередь представляет собой не самостоятельную лексему, а лишь ее основу), а как продукты деривации от соответствующих словосочетаний. Иначе говоря, морфологическое оформление вторая часть композитов получает не до сложения, а именно в результате сложения.

модели (S+V и A+S) могут претендовать на статус продуктивных для праславянского языка³. Рассмотрим далее эти модели композитов подробнее.

1. Сложные слова с глагольным управлением

Количественно композиты, производные от словосочетаний с управляющим глаголом, намного превосходят все остальные типы сложений. Сюда относится самая распространенная модель S+V (169 слов), а также менее частотные модели V+S (20), Adv+V (17), A+V (13), Num+V (5), Pron+V (2), V+A (1), V+V (1) – всего 234 композита, т. е. более половины от общего числа. Начнем с моделей, в которых глагольная основа занимает первое место (V+S, V+V и V+A).

Тип V+S представлен сравнительно небольшим числом слов (20), однако эта модель сложения относится к архаическим и обладает несколькими характерными особенностями. Во-первых, она весьма распространена в древнейших двусоставных антропонимических сложениях (**Budi-mirъ*, **Dьrži-mirъ*, **Sqdi-mirъ*, **Sъpasi-mirъ*, **Sterži-mirъ*, и т. п. [Топоров 1993: Толстая 2021a], ср. также др.-рус. имена *Бориславъ*, *Брячиславъ*, *Будиславъ*, *Воротиславъ*, *Держиславъ*, *Желиславъ*, *Мстиславъ*, *Станиславъ*, *Судиславъ*, *Твердиславъ* [Тупиков 2005]), а во-вторых, глагольная основа выступает в них не в своем чистом виде, а в форме императива 2 л. ед. ч. (для *i*-глаголов она совпадает с чистой основой), т. е. представляет собой реликт словосочетания императива с управляемым объектом [Толстая 2020a]; в-третьих, в этих композитах, в отличие от других, глагольная основа занимает первую позицию, тогда как в остальных – субстантивная основа предшествует глагольной. Этот древний тип композитов сохраняется и в современных славянских языках, ср. рус. *вертихвостка*, *горицвет*, *сорви-голова*, *держи-трава* (растение), *вырви-глаз* [Толстая, в печати]. Однако синтактико-семантические отношения между компонентами таких слов остаются не вполне ясными.

³ Иначе говоря, словосочетания именно таких типов (глагол с управляемым существительным-объектом или субъектом и существительное с управляемым прилагательным) в наибольшей степени подвержены словосложению (универбации). Это характерно и для остальных славянских языков.

Среди композитов этого типа большая часть имеет *i* между глагольной и именной основами, представляющее собой флексию императива: **boligolva* / **boligolvъ*, **boliočъ* / **boliočъko*, **derigqъъ*, **gorikvēтъ*, **kazibrodъ*, **krq̇tigolvъ*, **kudibaba*, **l̥žikvēтъ*, **l̥žitrava* / **l̥žitravъ*, **meligq̇ba*, **močigq̇bъ* / **močigq̇ba*, но в некоторых композитах этой модели мы находим коннектор *o/e*. Эти отступления имеют свое объяснение: в части примеров можно усматривать позднейшую инверсию основ, которая вообще свойственна как антропонимическим, так и апеллятивным сложениям: например, **padolistъ* < **listopadъ*, **lomokostъ* < **kostolomъ* (ср. **Mirolubъ* и **Lubomirъ*). Если в исходных сложениях соединительная гласная *o/e* между именной и глагольной основой стандартна, то в инверсированных формах такой коннектор между глагольной и именной основой аномален. В части случаев появление «именного» коннектора *o/e* могло объясняться аналогией с более продуктивными моделями, причем нередко сосуществовали оба варианта – со стандартной и аномальной соединительной гласной (ср. **lupogolva* и **lupigolva*); наконец, возможны и просто ошибочные или ненадежные этимологии некоторых основ, если они единичны и не позволяют опереться на какие-то параллели (ср. композит **bьrlookъjъ* ‘пучеглазый’, реконструируемый в своей первой части на основе соотнесения с глаголом **bьrlati* [ЭССЯ 3: 170], или композит **dropъty* ‘дрофа’, в первой части которого усматривается продолжение и.-е. глагольной основы **dr-/ *der-* ‘драть’ [ЭССЯ 5: 125] и т. п.).

Второй, субстантивный, компонент сложений этого типа, часто трактуется как цельнооформленное слово, механически присоединенное к глагольной основе, но на самом деле это не так, ср. в приведенных выше примерах разные морфологические оформления одного и того же исходного компонента сложения: **-golva* и **-golvъ* (< **golva*), **-trava* и **-travъ* (< **trava*), **-gq̇bъ* и **-gq̇ba* (< **gq̇ba*).

Единичны композиты, представляющие типы **V+A** и **V+V**. К первому, вероятно, принадлежит слово **mьrgoslēpъjъ*, в котором предлагается видеть сложение корня глагола **mьrgati* и прилагательного **slēpъ* [ЭССЯ 21: 239]; ко второму – два глагола: **gutoriti* (сложение основы **gu-*, родственной **govoriti*, и глагола **-toriti*, родственного лит. *tar̃ti* ‘сказать’ [ЭССЯ 7: 179]), и **mq̇tovъrēti* – «сложение корня **mq̇tъ*, **mq̇titi* и **vъrēti*» [ЭССЯ 20: 145].

Значительно больше сложных слов, где глагольная основа занимает не первую, а вторую позицию (211). Такие сложения принадлежат нескольким количественно неравным типам в зависимости от природы первого компонента, управляемого глаголом. Эти же

модели сохраняют свою продуктивность в истории и современном состоянии отдельных славянских языков.

Тип **S+V** восходит к предикативным словосочетаниям, в которых зависимый от глагола компонент **S** может исполнять роль разных его актантов: субъекта действия или состояния, прямого или косвенного объекта, адресата, локативного обстоятельства и др. [Толстая 2020b].

К композитам модели **S+V** с субстантивом-**субъектом** может быть отнесено всего несколько примеров: **bur'elomъ* / **burolomъ*, **čьrtoryjъ* / **čьrtoryja* / **čьrtoryje* (< **čьrtъ ryje*), **čьrvotočъ* / **čьrvotočina*, **golvobolъ* / **golvobol'a*, **gradobitъ* / **gradobitъ* 'то, что побито градом', **kostobolъ*, **kuropěnje*, **kurosěstъ* / **kurosěstъ*, *krъtoryja*, **krъvotoкъ* / **krъvotoka*, **krъvotočiti*, **ledostavъ*, **listopadъ*, **listopokъ*, **mol'etoča*, **mol'etočina*. Как и в современных языках, в праславянском, по-видимому, такие сложения могли восходить как к предикативным конструкциям с субстантивом-подлежащим типа **čьrtъ ryje* > **čьrtoryjъ* / **čьrtoryja* / **čьrtoryje*, **gradъ bъje* > **gradobitъ* / **gradobitъ*, так и к производным от них именным словосочетаниям с зависимым субъектом типа **pěnje kurъ* > **kuropěnje*, **tokъ krvi* > **krъvotoкъ*, т. е. репрезентировать другую модель сложения (**S+S**).

Самый продуктивный тип сложений представлен дериватами от предикативных словосочетаний с субстантивом в роли **объекта**, в большинстве случаев – прямого объекта. Эти композиты оформляются почти исключительно по типу существительных (**drъvosěкъ*, **konovъzъ*, **maslobojъn'a*), в редких случаях – прилагательных (**laxudъra* / **laxudъrъ(jъ)*, **medotočъnъ(jъ)*) или глаголов (**kolotoriti*, **kolomotiti*, **lixojъmati*, **motoviti*).

К типу **S+V** с субстантивом в роли **прямого объекта** (лица, животного, растения, природного явления, предмета, над которым производится действие, обозначенное глагольным компонентом) или, локуса, в котором происходит действие, и др. относится основной массив сложений: **berme(no)noša* (< **nositi*), **boligojъ* 'растение' (< **gojiti*), **bьrtodějъ* 'пасечник' (< **děti, dějati*), **čelopeкъ* / **čelopokъ* (< **pekti*), **čьrtopolъxъ*, (< **polšiti*), **dervoděla* (< **dělati*), **dervotočъ* / **dervotočina* (< **točiti*), **drъvorobъ* (< **rqbiti*), **drъvosěкъ* (< **sěkti*), **drъvotonъ* (< **tęti*), **drъvotъna* (< **tęti*), **dъnъgubъ* / **dъnъguba* (< **gubiti*), **xlěbojъděđъ* (< **jěsti*), **kamenolomъ* < **lomiti*, **koldorobъ* (< **rqbiti*), **kolomazъ* (< **mazati*), **konokradъ* / **konokradъсь* (< **krasti*), **konopasъ* (< **pasti*), **konošćipъ* (< **šćipati*), **konotorъ* (< **topiti*), **konovalъ* (< **valiti*), **konovъzъ* / **konovъzъ* (< **vęzati*),

*konovodъ / *konovodьсь (< *voditi), *korkotočъ (< *točiti), *korojědъ / *korojěda (< *jěsti), *korolupъ (< *lupiti), *korolušča (< *luščiti), *kostiivalъ (< *valiti), *kostogryzъ / *kostogryza (< *gryzti), *kostolomъ / *kostilomъ (< *lomiti), *kostopravъ (< *praviti), *kostožerъ / *kostižerъ (< *žerti, žbrati), *košepletъ (< *plesti), *kozodъra (< *dъrati), *korojědъ (< *jěsti), *kozolupъ (< *lupiti), *kozopasъ (< *pasti), *kozorězъ (< *rězarti), *kožemęka (< *męti), *krъvodojъ (< *dojiti), *krъvolokъ (< *olkti), *krъvopija / *krъvopijьca / *krъvopijьсь (< *piti), *krъvosmokъ (< *smokti), *krъvosъсь (< *sъsati), *ledolomъ (< *lomiti), *liceměrъ (< *měriti?), *lixodějъ (< *děti, dějati), *lixojъmъ (< *jъmati), *listognojъ (< *gnojiti), *listogryzъ (< *gryzti), *listojědъ (< *jěsti), *lъžьkomуjъ / *lъžьkomуja (< *myti), *lykogubъ (< *gubiti), *lykoderъ, *lykodъra (< *dъrati), *lykojědъ (< *jěsti), *lykotręsъ (< *tręsti), *lykožъrōtъ (< *žъrōtъ, старое причастие от *žъrati), *makodera (< *dъrati), *makogonъ (< *gъnati), *makoluskъ / *makolušчъ (< *luskati, *luščiti), *makoterъ (< *terti), *makotręsъ, *makotręsъ (< *tręsti), *medoberъ (< *bъrati), *medojědъ (< *jěsti), *medolazъ (< *laziti), *medonosъ (< *nositi), *medostavъ (< *stati, staviti), *medovarъ / *medovarьсь (< *variti), *medvědъ (< *jěsti), *melkosъrbъ (< *sъrbati), *męxonošъ / *męxonošъ / *męxonoša (< *nositi), *męsojědъ (< *jěsti), *moļejědina (< *jěsti), *moltobojъ, *moltobojьсь (< *biti), *motovežъ (< *vęzati), *mōdorězъ (< *rězati), *mōkomolъ (< *melti), *mōkosějъ / *mōkosějja (< *sěj(ja)ti), *mioxobojъ / *mioxobojьka (< *biti), *mioxojědъ / *mioxojěda, *mioxojědъka, *mioxojědica (< *jěsti), *mioxolonъ, *mioxolonъka (< *loviti), *mioxomorъ / *mioxomora (< *moriti), *mioxorazъ (< *raziti), *mioxotravъ (< *traviti), *mydlovаръ (< *variti), *nogъtojěda / *nogъtojědъ (< *jěsti), *oglekorъ (< *kopati). В сложениях *nokt'etъrža, *nokt'etъrža 'ночной заморозок' (< *mъrznōti, *mъrзti), *nokt'evidъ, *nokt'evidъ 'ночное видение' (< *viděti) первый член обозначает косвенный объект или обстоятельство времени.

За редкими исключениями соединение субстантивной и глагольной основы в композитах типа S+V производится посредством **коннектора** o/e, причем распределение между этими вариантами не всегда соответствует твердости–мягкости исхода субстантивной основы. В основах на мягкий согласный, шипящий и с может выступать не только ожидаемый вариант e (*oglekorъ, *košepletъ, *liceměrъ), но и вариант o (*čъrvotočъ и *čъrvotočina, *konokradъ, *konopasъ, *konovalъ, *kostožerъ, *krъvosъсь, *nogъtojěda), или же могут сосуществовать оба варианта, например, *bur'elomъ и *birolomъ (< *bur'a), ср. рус. конокрад и коневодство, кровосос и кровеносный, костоправ и т. п. С другой стороны,

в этих же условиях может появляться соединительный гласный *i* (часто параллельно с *e/o*): **kostižerъ* / **kostožerъ*, **myšlovъ* / **myšilovъ*, **očividьсь* / **očevидьсь*, **boligojъ* (< **bolъ*), ср. также дериваты от **ognь*: **ognimetъ*, **ognimetъкъ*, **ognimetъка*, **ognimetъje*, **ognipalъ* ('воспаление' и личное имя), **ognipara*, **ogniparъ*, **ognipera*, **ogniperъ*⁴, но **ogn'epalънь(jь)* с коннектором *e*. В слове **dъnъgubъ* / **dъnъguba* первый компонент представляет собой не основу существительного **dъnъ*, а словоформу Им.-Вин. (ср. **nokt'ьmъrža* наряду с **nokt'etъrža*; **nokt'ъvidъ* наряду с **nokt'evидъ*; подобные падежные словоформы обнаруживаются и в других типах сложений). Наконец, в некоторых древнейших композитах сложение происходит способом непосредственного примыкания корней, без соединительного гласного или финали основы: **medvѣdъ* наряду со сложениями, содержащими коннектор *o*: **medojѣdъ*, **medolazъ*, **medonoшъ*, **medostavъ*, **medovarъ*.

Что касается вторых, глагольных компонентов сложений типа S+V, то они представляют собой, за редкими исключениями, безаффиксные дериваты соответствующих глагольных основ, как правило, неупотребительные в качестве самостоятельных лексических единиц и закрепленные именно за деривацией сложных слов (или за деривацией приставочных глаголов). Эта морфонологическая особенность отпредикативных сложений сохраняется в словообразовании всех славянских языков.

Если объектные отношения между компонентами сложений типа S+V представляются для праславянского состояния регулярными (продуктивными) и реконструируются достаточно надежно, то другие виды синтаксической и семантической связи между субстантивной и глагольной основой подтверждаются единичными примерами, поэтому их нелегко идентифицировать однозначно. Так, в сложениях **očividomъ(jь)*, **očividьсь* / **očevидьсь*, **očivistъ* первый компонент (в форме основы множ. числа) и **okojътъ* (в стандартном морфонологическом оформлении) может пониматься либо как инструмент действия ('видеть оком, очами'), либо как субъект действия ('око, очи видят').

⁴ В ЭССЯ соединительная гласная *i* в сложениях с начальным **ognь* объясняется в статье **ognipalъ*/**ognъpalъ*: «По-видимому старое образование, характер примыкания компонентов в котором (-i- вместо более продуктивной модели с соединит. -o-) повлиял и на наши представления о реконструкции других сложений с первым членом **ognъ*» [ЭССЯ 32:24].

Более 20 слов трактуются в ЭССЯ как сложения адъективной и глагольной (или отглагольной) основ (тип A+V): **golomylza*, **xaropqđiti*, **xavotъnъjъ*, **xudolazъ*, **krivolękъjъ*, **krqtovejъ*, **krqtorъja*, **kъrnoбръдъnъjъ*, **lъbodęjъ*, **luto(j)ędъ* / **luto(j)ęda* / **luto(j)ędъjъ*, **lъgostajъ*, **mokroteča*, **novočistъ* / **novočistъ*, **novodělъ*, **novosadъ*, **novosedlъ*, **novoterbъ*, **novoukъ*, **novoženъ*, **novožilъ*, **novožirъ*. Однако в действительности в этих случаях речь идет об адъективной основе, выступающей в роли наречия или существительного, т. е. репрезентирующей модели Adv+V или S+V.

Безусловно наречную форму имеют первые части композитов **jarępeniti*, **jarępetiti se*, **darъmoјędъ*, **domasędъ*, тогда как в других сложениях первый компонент может быть идентифицирован и как адъективная, и как наречная основа, в зависимости от того, восходит ли композит к предикативному словосочетанию или к атрибутивно-субстантивному: например, **krasъnopęvъcsъ* может быть дериватом предикативного словосочетания **krasъno pęti*, а может быть дериватом адъективно-субстантивного словосочетания **krasъnъ pęvъcsъ*. В некоторых случаях решение в пользу модели Adv+V подсказывает второй, глагольный, компонент, например, **krivoględъ(jъ)*, **krivolękъjъ*, **krivotokъjъ*, **luto(j)ędъ* / **luto(j)ęda* / **luto(j)ędъjъ*, **lъgostajъ*, **lъgostojiti*, **maloorstъlъ(jъ)*, **malovidъnъ(jъ)*, **novočistъ* / **novočistъ*, **novodělъ*, **novoterbъ*, **novoukъ*, **novoženъ*. Однако и в таких композитах первый, зависимый компонент может быть не наречием, а омонимичным ему существительным или субстантивированным прилагательным, т. е. представлять другую модель сложения (S+V, A+V, Pron+V), ср. **xudolazъ*, **jъnoходъ* / **jъnoходъ*, **lъbodęjъ*, **novosadъ*, **ničъvoldъ* / **ničъvoldъ*, **novožilъ(jъ)*.

Не всегда удастся с уверенностью определить внутренний синтаксис и семантические отношения в сложениях с первым компонентом **dobro-* (**dobrodęjъ*, **dobroхътъ* / **dobroхотъ*), поскольку он может репрезентировать как субстантивную, так и адъективную или наречную основу. Первый компонент композитов **kolo-*, **krqg-* может соотноситься как с субстантивной основой со значением 'круг, колесо', так и с наречной (или предложной) основой со значением 'вокруг, кругом' (**kolobrodъ*, **kolomqđiti*, **kolomyja* 'колея', **kolotokъ* 'круговорот', **kolotoriti* 'тараторить', **kolovęjъ* 'рогоз' и имя, **kolovodja* / **kolovodъjъ* / **kolovadja*, **kolovortъ* 'водоворот', **kolovozъ* 'колея', **kolovъrtъ* / **kolovъrtъ* 'водоворот', **krqgovortъ* 'то же' и т. п.).

2. Сложные слова с субстантивным управлением

Большая часть сложений этого типа представлена дериватами от атрибутивных словосочетаний типа A+S (числом более 130), которые могут быть оформлены как существительные разных морфологических классов или прилагательные (в краткой форме не отличающиеся от существительных): *bēlobokъ(jь), *bēlogolъ(jь), *bēlogozъ / *bēlogoza, *bēlogrivъ(jь), *bēlogyrdlъ(jь), *bēloxvostъ(jь), *bēlolikъ, *bēlolistъ(jь), *bēlonogъ(jь), *bēlookъ(jь), *bēloqsъ(jь), *bēloperъ(jь), *bēloprъrstъjь, *bēloreръ, *bēloritъ, *bēlorqкъ(jь), *bēlorunъ, *bēlosъrstъjь, *bēlovolsъ(jь), *bēlozozъ(jь), *bēlozqbъ(jь), *blizozorkъ(jь), *bosonogъ, *čęstokolъ, *čъrnobyлъ / *čъrnobyлъ / *čъrnobyлe, *čъrnogolъ, *čъrnoklenъ, *čъrnokosъ, *dobrovoyъ, *dobrovola, *dbl-govęzъ(jь), *galovornъ, *golobordъ(jь), *gologolъ(jь), *gologozъ(jь), *gologumъно, *gololedъ / *gololedъ, *golomorzica, *golomqdbъ, *xarobyлъje, *xromonogъjь, *kortonogъ, *kortošъjъjъ, *kortъkonogъjь, *kortъkonosъ(jь), *kortъkookъ(jь), *kortъkorqкъ(jь), *kortъkověкъ(jь), *kosobokъ(jь), *kosogorъ, *kosolapъjъ, *kosonogъ(jь), *kosookъ(jь), *kosorogъ(jь), *kosorqкъjъ, *kрасъnopеръjъ, *kрасъnoslovъ, *kрасъnozobъ, *krivobokъjъ, *krivodolъ, *krivogolъ(jь), *krivogozъ, *krivokorkъ(jь), *krivokъrkъjъ, *krivonogъ(jь), *krivonosъ(jь), *krivookъjъ, *krivopętъ(jь), *krivopъrstъ(jь), *krivorqкъ(jь), *krivorъtъjъ, *krivosqdbъ, *krivošъja / *krivošъjъ, *krivoustъ(jь), *krivovortъ(jь), *krivozorkъjъ, *krivozqbъ(jь), *krqtobergъ(jь), *krqtogolъ(jь), *krqtorogъjъ, *kukonosъ(jь), *kъrnodupъjъ, *kъrnogozъjъ, *kъrnoxvostъjъ, *kъrnokridlъjъ, *kъrnolapъjъ, *kъrnonosъ(jь), *kъrnopalaъjъ, *kъrnorogъ, *kъrnorqкъ(jь), *kъrnorъzъ (?), *kъrnouxъ(jь), *kъrnoszqbъ, *lēpodrъnъ, *lēvorqкъjъ, *lixolětъje, *lixomirъ, *lixomqdbъ, *lixomyслъnъjъ, *lixopъrstъ, *lixosloviti, *lutosъrdъ(jь), *loxmonogъjъ, *loxmouxъjъ, *loxouxъjъ, *ludogolъ, *lъgosъrdъjъ, *lъgoutъje, *lъgъko(s)kridlъ(jь), *lъgъkosъrdъ(jь), *lъgъkověръnъ(jь), *malogolъ(jь), *malolětъ(jь), *malomogtъ, *mělkovodъje, *milokръnъ(jь) / *milokръnъnъ(jь), *milolikъ(jь) / *milolicъjъ, *milomqža, *milosъrdъ(jь), *milovidъ(jь), *modrodervъ, *modrookъ(jь), *mokroqsъ, *mokrostopy, *moldolikъjъ, *moldoženъ / *moldožen'a, *orъnъnopolъje, *orznoликъ(jь), *novomēsъcъ, *onolikъ(jь).

Название растения *kuroslěpъ может пониматься двояко – как сложение типа A+S (учитывая распространенное двучленное наименование «куриная слепота»), и как сложение типа S+V, т. е. 'растение, от которого слепнут куры'.

Композиты *malolistъjъ, *malovodъnъ(jь) скорее производны не от словосочетаний с прилагательным *maлъ, а от конструкций

с предикативом **malo* (‘мало листьев’, ‘мало воды’), тогда как **malolětnъjъ* может предполагать обе конструкции: со значением ‘малые лета’ и со значением ‘мало лет’.

Вторую, гораздо более скромную группу сложений с управляющим существительным составляют композиты модели S+S (33), в которых первый субстантивный компонент представляет собой косвенное определение ко второму (на основе уподобления, принадлежности, локативного, временного или иного уточнения): **asokorъ / ъ*, **domočędъsъ*, **ga(jъ)vornъ / *gavorna*, **kларouxъ(jъ)* (< **loro-uxъ*) ‘вислоухий’, **klęrouxъ(jъ) / *klęrouxъ*, **kologrivъ(jъ)*, **kolovirъ*, **kolozrbъ(jъ)*, **kozorogъ* (< **kozijъ rogъ*), **kuropatъ*, **kuroritъ / *kurъja ritъ*, **kъrponosъjъ*, **laskosъrdъ(jъ)*, **lěnъgozъ / *lěnъgoza*, **lopatonogъjъ*, **loronogъjъ*, **lorouxъjъ*, **lqkomorъje*, **lqkonosъ(jъ)*, **mqdonvъšъka*, **mišęčervъ / ъ*, **noktъvidъ*, **noktęvidъ*, **ognikvętъ*. К этой группе близки сложения с **medje-* / **medji-* / **medju-* (Praep+S, Praep+V): **medjekridlъca*, **medjelěšъkъ*, **medjigorъje / *medjugorъje*, **medjimelztъ*, **medjiměšęčъje*, **medjimorъje*, **medjinožъje / *medjunožъje*, **medjipъrstъnica / *medjupъrstъnica*, **medjujъtъkъ*, **medjuložъje*, **medjupъnъje*, **medjuvodъje*, в которых первый компонент представляет собой «рано адвербализированный мест. п. ед. ч. от **medja*, употребленный в роли предлога» [ЭССЯ 18: 49].

Среди субстантивных сложений выделяется небольшая группа слов, представляющих собой архаический тип сложений **двандва**, в которых обе основы равноправны, т. е. связаны не подчинительными, а сочинительными отношениями, и не имеют соединительных гласных: **bratъsestra*, **čelъustъ*, **čelъustъe*, **čelovękъ*, **gavęzъ / *gavęzъ* (< **gav-ęzъ*), **gospodъ / *gospodinъ* (< **gostъ* + и.-е. **pot-*), **malъžena* (> **malъženъ*).

В нескольких композитах субстантивная основа, занимающая первую позицию, синтаксически и семантически управляется основой прилагательного: **lъskobělъjъ* ‘блестящий’ (букв. ‘белый с лоском, лоснящийся’), **lъdomilъ(jъ) / *lъdumilъ(jъ)*⁵ (букв. ‘милый людям’), возможно, также **berzozolъ* ‘апрель’ (< **berza* + **zol-*, родственный **zelenъ*, букв. ‘зеленый, зеленеющий березами’ или ‘с зелеными березами’).

⁵ «Вариант **lъdumilъ(jъ)* содержит в качестве первого элемента сложения форму дат. п. ед. ч., что характеризует этот компонент как архаичный, см. об этом типе в собственных именах <...> Вариант **lъdumilъ(jъ)* соответствует наиболее продуктивной модели сложений с соединительным -о- и может быть более поздним, чем **lъdumilъ(jъ)*» [ЭССЯ 15: 194].

3. Сложения с числительными

Композиты, в которых основы числительных занимают первую позицию, а основы существительных – вторую (**Num+S**), восходят к соответствующим словосочетаниям с подчинительной связью. В них представлены те же морфонологические механизмы, что и в композитах типа **A+S**, т. е. используется стандартный коннектор *o* между основами: **edьnonogъ(jь)*, **edьnookъ(jь)*, **edьporogъ(jь)*, **edьporokъ(jь)*, а после мягкой основы выступает коннектор *i*: **osminogъ(jь)* наряду с **osmonogъ(jь)*; усечение основ: **devęsilъ* (< **devęť* + **sila*)⁶; присоединение чистой основы без коннектора: **d(ь)vigo* (< **d(ь)va* + **jьgo*). Тип композитов, в которых основа числительного сочетается с основой другого числительного (**Num+Num**), представлен примером с эффектом чистого сложения: **osmьdesęťъ(jь)* (< **osmь desęťъ*). Наконец, следует отметить редкие отглагольные композиты с числительным в качестве первого члена (**Num+V**), в которых основа числительного может играть роль зависимого прилагательного (в том числе субстантивированного) или наречия: **edьnostajьньъ(jь)* (< **stati*), **edьnostavьньъ* (< **staviti*), **d(ь)vęgubъ* наряду с **d(ь)vogubъ(jь)* (< **d(ь)va* + **gubiti*), **d(ь)vojьti* (**d(ь)va* + **jьti*), **edinošъdy* / **edьnašъdy* (< основа -šъd- глагола **jiti*), **edьnojьti* (< **jьti*).

4. Сложения с частицами, ономатопеями, экспрессивными элементами

Эти неизменяемые лексические единицы вступают в соединение как друг с другом, так и с лексически полноценными изменяемыми основами разных морфологических классов, занимая как первую, так и вторую позицию и не претерпевая морфонологических изменений: **balagovati*, **balaguriti*, **balaмѣtiti* (**bala* – ономатопический элемент), **jegъda* / **jegъdy* (частицы -гъ, -da), **jѣdu* / **jѣdy*, **jьnogъda* / **jьnogъdъ* / **jьnokъda* / **jьnokъdy*, **kogъda* / **kogъdy* (энклитики -du, -dy, -dъ), **jьzpodъ*, **jьzokъ(jь)*, **knigalъka* (*kni* – экспрессивный элемент), **kukumora* (**kuku* – экспрессивный элемент?), **kykumora* (*kyku* – ?).

⁶ Первый член этого сложения может пониматься и как сложение чистой основы числительного **devę-* (до расширения посредством *t*) с субстантивной основой [ЭССЯ 4: 221].

* * *

Реконструированные в ЭССЯ композиты дают представление не только об одной довольно значительной категории праславянского лексикона, но и о развитой системе словосложения в праславянском языке, о его словообразовательных и морфонологических механизмах (выбор вида основы, усечение, способы соединения основ, соединительные гласные, специфические средства словосложения и т. п.). На этом фоне легче объяснить свободу передачи греческих композитов и словосочетаний в старославянских текстах собственными средствами (в частности, и те нередкие случаи, когда старославянским сложным словам соответствуют в греческом не композиты, а словообразовательные дериваты или двучленные конструкции).

Более того, на основе анализа сложных слов появляется возможность реконструировать и элементы праславянского синтаксиса (точнее, микросинтаксиса, т. е. глагольного и именного управления, порядка слов и т. п.) и, что исключительно важно, минимальные текстовые единицы – словосочетания, лежащие в основе композитов, ср. приводимые в статьях ЭССЯ конструкции: **biti maslo* (**maslobojъn 'a*), **dъnъ gubiti* (**dъnъgubъ*, **dъnъguba*), **koni pasti* (**konopasъ*), **kostъ lomiti* (**kostolomъ*), **kostъ praviti* (**kostopravъ*), **kostъ žerti*, *žъrati* (**kostožerъ*), **kozijъ rogъ* (**kozerogъ*), **krъvъ piti* (**krъvopija*), **krъvъ točiti* (**krъvotočiti*), **listъ gnojiti* (**listognojъ*), **medъ laziti* (**medolazъ*), **medъ staviti* (**medostavъ*), **medъ točiti* (**medotočъnъ(jъ)*), **ne znati boga* (**neznabogъ*)⁷.

⁷ Ср. «Восстановленные праславянские словосложения и лежащие в их основе более ранние сочетания лексем часто отсылают непосредственно к фрагментам праславянских текстов, являясь выражением существенных или значимых элементов сюжета» [Иванов, Топоров 1983:153].

Index. Композиты-апеллятивы в ЭССЯ 1–41

(585 слов с учетом вариантов)

*asokorъ	*boligojъ	*dervoděfa
*asokorъ	*boligolva	*dervotočina
*balagovati	*boligolvъ	*dervotočъ
*balaguriti	*boliočъ	*devęsilъ
*balaṃṡiti	*boliočъko	*děvosnubъ
*balaṃъčъ	*borotina	*divokъjъ
*berme(no)noša	*bosonogъ	*divověda
*berzozolъ	*bratъsestra	*divovidja
*bělobokъ(jъ)	*bur'elomъ	*dobrodějъ
*bělobordъ(jъ)	*burolomъ	*dobroxotъ
*bělobrvъ(jъ)	*bъrtodějъ	*dobroxъtъ
*bělogolvъ	*bъrlookъjъ	*dobrovojъ
*bělogъza	*čarodějъ	*dobrovofa
*bělogъzъ	*čarodějъstvo	*domasědъ
*bělogrivъ(jъ)	*čeľustъ	*domočeďъcъ
*bělogъrdlъ(jъ)	*čeľustъe	*domosědъ
*běloxvostъ(jъ)	*čelopekъ	*dopъty
*běloklenъ	*čelopokъ	*dъgkolъ
*bělokridlъ(jъ)	*čelověkъ	*dъgkolъ
*bělokvětъ(jъ)	*čęstokolъ	*dъgkolъna
*bělolicъjъ	*čъgnobyľ	*dъgkolъje
*bělolikъ	*čъgnobyľ	*dъgvokolъ
*bělolistъ(jъ)	*čъgnobyľe	*dъgvorqъbъ
*bělonogъ(jъ)	*čъgnogolvъ	*dъgvosěkъ
*bělookъ(jъ)	*čъgmoklenъ	*dъgvotonъ
*běloqъsъ(jъ)	*čъgmokosъ	*dъgvotъna
*bělopegъ(jъ)	*čъgtorolъxъ	*d(ъ)vęgubъ
*bělorъgsъjъ	*čъgtoryja	*d(ъ)vigo
*bělorępъ	*čъgtoryje	*d(ъ)vogubъ(jъ)
*běloritъ	*čъgtoryjъ	*d(ъ)vojъti (sę)
*bělorqъkъ(jъ)	*čъgvvojědina	*dymokurъ
*bělorunъ	*čъgvvojědъ	*dymovolkъ
*bělosъrsъjъ	*čъgvvotočina	*dъlgovęzъ(jъ)
*bělonovsъ(jъ)	*čъgvvotočъ	*dъnъguba
*bělozorgъ(jъ)	*čъgvvotoka	*dъnъgubъ
*bělozqъbъ(jъ)	*daгъmojědъ	*edinošъdy
*blizozorkъ(jъ)	*derigъzъ	*edъnašъdy

*edьnojъti	*jaręřetiti se	*konodogъ
*edьnonogъ(jъ)	*jegъda	*konodъra
*edьnookъ(jъ)	*jegъdy	*konokradъ
*edьnorigъ(jъ)	*jodu	*konokradъсь
*edьnorokъ(jъ)	*jody	*konopasъ
*edьnostajъnъ(jъ)	*jъnočedъ(jъ)	*konoščirъ
*edьnostavъnъ	*jъnogъda	*konotorъ
*ga(jъ)vornъ	*jъnogъdъ	*konovalъ
*galovornъ	*jъnoxodъ	*konovęzъ
*gavęzъ	*jъnoxodъ	*konovęzъ
*gavorna	*jъnokedy	*konovodъ
*glqbokъ	*jъnokъda	*konovodъсь
*gnęzdo	*kamenolomъ	*korkotočъ
*golobordъ(jъ)	*kazibrodъ	*korojъda
*golologъnъ(jъ)	*klarouxъ(jъ)	*korojъdъ
*gologozъ(jъ)	*klęrouxъ	*korolurъ
*gologumъno	*klęrouxъ(jъ)	*korolušča
*gololedъ	*knigalъka	*kortonogъ
*gololedъ	*koldorqbъ	*kortošъjъjъ
*golomorzica	*kolobrodъ	*kortъkonogъ
*golomqdъ	*kolodějъ	*kortъkonosъ(jъ)
*golomъlza	*kolognatъ	*kortъkoockъ(jъ)
*gološčekъ	*kologrivъjъ	*kortъkorokъ(jъ)
*golvoboľa	*kolomazъ	*kortъkoněkъ(jъ)
*golvobolъ	*kolomazъ	*kosobokъjъ
*gorikvętъ	*kolomqtiti	*kosogogъ
*gospodinъ	*kolomyja	*kosolarъjъ
*gospodъ	*kolotokъ	*kosonogъ(jъ)
*gradobitъ	*kolotoriti	*kosookъ(jъ)
*gradobitъ	*kolovadja	*kosorogъ(jъ)
*guščerica	*kolovějъ	*kosorokъjъ
*guščerъ	*kolovirъ	*kostivalъ
*gutoriti	*kolovodja	*kostižerъ
*xarobylъje	*kolovodjъ	*kostobolъ
*xaropqditi	*kolovortъ	*kostogryza
*xavotъnъjъ	*kolovozъ	*kostogryzъ
*xlěbojъdъ	*kolovъrtъ	*kostojъda
*xomęstogъ	*kolovъrtъ	*kostojъdъ
*xromonogъjъ	*kolozqbъ(jъ)	*kostolomъ
*xudolazъ	*koložegъ	*kostopravъ
*jarępeniti	*konoderъ	*kostožerъ

*košerpletъ	*krǫtověja	*laxudьra
*kozodьra	*krъtoryja	*laxudьгъjь
*kosojědъ	*krъvodojъ	*laskosьrdъ(jь)
*kozolurъ	*krъvolitъje	*ledoxodъ
*kozopasъ	*krъvolokъ	*ledolomъ
*kozorězъ	*krъvorija	*ledostavъ
*kozorogъ	*krъvorijьsa	*ležeboкъ(jь)
*kozorožьсь	*krъvorijьсь	*lěньgъza
*kožemęka	*krъvosmokъ	*lěньgъzъ
*krasnopereгъjь	*krъvosъсь	*lěpodъgvъ
*krasъnopěvъсь	*krъvotočiti	*lětoorstlъ
*krasъnoslovъ	*krъvotoka	*lětoorstъ
*krasъnozobъ	*krъvotokъ	*lětoorstъ
*krivobokъjь	*kudibaba	*lěto se
*krivodolъ	*kukonosъ(jь)	*lěvorqкъjь
*krivoglědъ(jь)	*kukumora	*licedějъ
*krivogolъ(jь)	*kurojědъ	*licemęгъ
*krivogъzъ	*kuropaty	*lixodějъ
*krivokorkъ(jь)	*kuropěньje	*lixojъmati
*krivokъrkъjь	*kuropolxъ	*lixojъmъ
*krivolękъjь	*kuroritъ	*lixolětъje
*krivonogъ(jь)	*kurosadъ	*lixomanъ
*krivonosъ(jь)	*kurosěstъ	*lixomqđъ
*krivookъjь	*kurosěstъ	*lixomyslъньjь
*krivorętъ(jь)	*kurosěstъje	*lixopъrstъ
*krivopъrstъ(jь)	*kurosłępъ	*lixoradъ
*krivorqкъ(jь)	*къmnobъrdъньjь	*lixosloviti
*krivorъtъjь	*къmnodupъjь	*listognojъ
*krivosqđъ	*къmnogъzъjь	*listogryzъ
*krivošъja	*къmnoxvostъjь	*listojědъ
*krivošъjъ	*къmnokridlъjь	*listoradъ
*krivotokъjь	*къmnoларъjь	*listorqкъ
*krivoustъ(jь)	*къmnoposъ(jь)	*ľubodějъ
*krivovortъ(jь)	*къmnopalъjь	*ľudijědъ
*krivozorkъjь	*къmnorogъ	*ľudižerъ
*krivozqbъ(jь)	*къmnorqкъ(jь)	*ľudojědja
*krqgovortъ	*къmnorъzъ	*ľudojědъ
*krqtigolъvъ	*къmnouxъ(jь)	*ľudomilъ(jь)
*krqtobergъ(jь)	*къmnozqbъ	*ľudožerъ
*krqtogolъvъ(jь)	*къmnoposъjь	*ľudumilъ(jь)
*krqtorogъjъ	*kykymora	*ľuto(j)ěda

*ġuto(j)ědġ	*ġgъkověgъnъ(jъ)	*medġurъnъje
*ġuto(j)ědġ	*makodera	*medġurъrstъnica
*ġutosъrdġ(jъ)	*makogonъ	*medġurečъje
*loxmonogъjъ	*makoluskъ	*medġuvodъje
*loxmouxъjъ	*makoluščъ	*medoberъ
*loxouxъ(jъ)	*makoterъ	*medojědġ
*lomokostъ	*makoterъ	*medolazъ
*lomonosъ	*makotrěsъ	*medonosъ
*loratopogъjъ	*makotrqsъ	*medonosъnъ(jъ)
*lorěnopasъ	*makotъra	*medostavъ
*loronogъjъ	*makotъrtъ	*medotočъnъ(jъ)
*lorouxъjъ	*makotъгъ	*medovagъ
*loskomуja	*makovъrtъ	*medovagъсъ
*lqkomogъje	*malogolъ(jъ)	*medvděġ
*lqkonosъ(jъ)	*malolětъ(jъ)	*medvdědica
*lqkovětъ	*malolětъnъjъ	*medvdědina
*luboġědġ	*malolistъjъ	*medvdějina
*lubošъja	*malol'udъnъ(jъ)	*medvdědonъ(jъ)
*ludogolъ	*malomogġъ	*medvděčъkъ
*lurigolva	*maloorstъlъ(jъ)	*medvděġ
*lurogolva	*malovidъnъ(jъ)	*medvděġ(jъ)
*lurookъjъ	*malovodъnъ(jъ)	*meligqba
*ġbotrěsъ	*malъžena	*melkoġědġ
*ġskoběġъjъ	*malъženъ	*melkoġědġ
*ġžikvětъ	*masloboġъnъ'a	*melkosъsъ
*ġžitrava	*matogolъjъ	*melkosъгъ
*ġžitravъ	*matopogъjъ	*mělkovodъje
*ġžъkomуja	*matovidlo	*męsoġědġ
*ġžъkomуjъ	*matovqzъ	*męsozobъ
*lykoderъ	*medjekridlica	*męxonosъ
*lykodъra	*medjelěsъkъ	*męxonoša
*lykogubъ	*medġigogъje	*męxonošъ
*lykoġědġ	*medġimelztъ	*milokъгъnъ(jъ)
*lykotrěsъ	*medġiměsěčъje	*milokъгъnъnъ(jъ)
*lykožrqtъ	*medġimogъje	*milolicъjъ
*ġgostajъ	*medġinožъje	*milolikъ(jъ)
*ġgostojiti	*medġirъrstъnica	*milomqža
*ġgosъrdġjъ	*medġirečъje	*milosъrdġ(jъ)
*ġgoumъje	*medġjugogъje	*milovidъ(jъ)
*ġgъko(s)kridġ(jъ)	*medġujъmъkъ	*milъdorgъ
*ġgъkosъrdġ(jъ)	*medġunožъje	*močigqba

*močigorbъ	*muxojědъka	*novoměšesъ
*modrodervъ	*muxolonъ	*novosađъ
*modrookъ(jъ)	*muxolonъka	*novosědlъ
*mokraoъ	*muxomora	*novoterbъ
*mokrostopy	*muxomogъ	*novoukъ
*mokroteča	*muxogazъ	*novoženъ
*moldolikъjъ	*muxotravъ	*novožilъ(jъ)
*moldožen'a	*muxonogъ	*novožigъ
*moldoženъ	*mušečervъ	*očevidъ
*moldoženъka	*mušečervъ	*očevidъsъ
*moldoženъsъ	*mъnogovoja	*očividomъ(jъ)
*moľečina	*mъrgoslěrъjъ	*očividъsъ
*moľetoča	*mydlovagъ	*očivistъ
*moľetočina	*myšejadina	*ognikvětъ
*moltobojъ	*myšejadja	*ognimetъ
*moltobojъsъ	*myšejadъ	*ognimetъka
*motověгъ	*myšejadъ	*ognimetъkъ
*motovęzъ	*myšelorpъ	*ognimetъje
*motovęzъkъ	*myšelovъ	*ognipaľъ
*motovęzъ	*myšemogъ	*ognipara
*motovidlo	*myšepođъ	*ognipagъ
*motoviti	*myšepolxъ	*ognipera
*motovqъ	*myšerězъ	*ognipergъ
*motovqъka	*myšilovъ	*ogn'epaľnъjъ
*motъloxъ	*mъrkobordъ	*okojъmъ
*mqdoręzъ	*mъzdoyъmъsъ	*olkoměđъ
*mqdonъšъka	*neznabogъ	*opolikъ(jъ)
*mqkodělъ	*ničъvoldъ	*orvъnopolъje
*mqkomolъ	*ničъvoldъ	*orъnpokvětъnъ(jъ)
*mqkosěja	*nogъtojěda	*orъnpolikъ(jъ)
*mqkosějъ	*nogъtojěđъ	*orъnpogodъnъ(jъ)
*mqkovoъ	*nokt'emyrža	*orъnpomyrсты(jъ)
*mqtovrěti	*nokt'evидъ	*osminogъ(jъ)
*muxobojъ	*nokt'ьmyrža	*osmonogъ(jъ)
*muxobojъka	*nokt'ьvidъ	*osmъdesętъ(jъ)
*muxojěda	*novočistъ	*osmъdesętъ(jъ)
*muxojědica	*novočistъ	*qglekopъ
*muxojěđъ	*novodělъ	*padolistъ

Index a tergo⁸

*kudibaba	*krɔtoryja	*muxomora
*močigoba	*čɣrtoryja	*kukumora
*meligoba	*lubošɣja	*kykumora
*dɤnɣguba	*krivošɣja	*bratɣsestra
*muxojɛdica	*kožemɛka	*lykodɣra
*medvɛdica	*čɣrvotoka	*konodɣra
*medjekridlica	*krɣvotoka	*kozodɣra
*medjɣrɣstɤnica	*muxojɛdɣka	*laxudɣra
*medjɣrɣstɤnica	*knigaɣka	*makotɣra
*gušɛerica	*molodoženɣka	*mɛxonoša
*golomorzica	*ognimetɣka	*berme(no)noša
*krɣvorijɣsa	*muxolovɣka	*lɣžitrava
*mokroteča	*motovɔzɣka	*boligolva
*moɣetoča	*muxobojɣka	*lupigolva
*korolušča	*mɔdovɤšɣka	*lupogolva
*muxojɛda	*dervodɛɣa	*golomɣlza
*korojɛda	*golvoboɣa	*bɛlogɔza
*kostojeɛda	*dobrovɔɣa	*lɛnɣɔza
*ɣuto(j)ɛda	*maɣžena	*kostogryza
*nogɣtojeɛda	*moɣetočina	*milomɔza
*divovɛda	*dervotočina	*nokt'ɛmɣza
*jegɣda	*čɣrvotočina	*nokt'ɛmɣza
*jɣnogɣda	*myšejadina	*čɣrtoryje
*jɣnokɣda	*moɣeɛdina	*medjirečɣje
*myšejadja	*čɣrvojɛdina	*medjirečɣje
*kolovadja	*medvɛdina	*medjimɛšɛčɣje
*ɣudojɛdja	*medvɛdjina	*mɛlkovodɣje
*divovidja	*borotina	*medjuvodɣje
*kolovodja	*gavorna	*dɣkɔlɣje
*mɔkosɛja	*dɣkɔlɣna	*ogɣnpɔrolɣje
*krɔtovɛja	*dɣvɔtɣna	*čɣgnobyulɣje
*krɣvorija	*molodožen'a	*xagobuyɣje
*mɣnogovoja	*maslobojɣn'a	*lɣgoutɣje
*loskomuɣa	*ognipara	*kuɣopɛnɣje
*lɣžkomuɣa	*makodera	*medjɣrɣnɣje
*kolomyɣa	*ognipera	*medjigorɣje

⁸ Составил Ю. Штейнгарц.

*medjugorъje	*meşozobъ	*jъnoходъ
*medjimorъje	*къmozobъ	*lixomqдъ
*lqkomorъje	*novoterбъ	*golomqдъ
*lixolětъje	*melkosъrbъ	*myşepqдъ
*ognimetъje	*lykogubъ	*kazibrodъ
*кгъvolitъje	*d(ъ)vogubъ(jъ)	*kolobrodъ
*kurosěstъje	*дньgubъ	*krivosqдъ
*čeŕustъje	*děvosnubъ	*konovodъ
*medjinožъje	*moldoženъcъ	*мыrkobordъ
*medjunožъje	*myşejadъ	*jъnogъдъ
*medvėdę	*listopadъ	*koložegъ
*jaręřetiti sę	*konokradъ	*neznabogъ
*lęto se	*lixoradъ	*bosonogъ
*lixoъmati	*kurosadъ	*kortonogъ
*balagovati	*novosadъ	*къmnorogъ
*mqotvręti	*ŕudijędъ	*kozorogъ
*кгъvotočiti	*xlębojędъ	*myşepolxъ
*xapopqđiti	*lubojędъ	*kuropolxъ
*lъgostojiti	*medojędъ	*cъŕtorolxъ
*jarępeniti	*ŕudojędъ	*motъloxъ
*kolotoriti	*muxojędъ	*klęrouxъ
*gutoriti	*melkojędъ	*gološčekъ
*balaguriti	*lykojędъ	*čelopekъ
*balamqđiti	*darъmojędъ	*dъŕvosękъ
*kolomqđiti	*korojędъ	*čelovękъ
*lixosloviti	*meşojędъ	*bělolikъ
*motoviti	*listojędъ	*dymovolkъ
*edъnoъti	*kostojędъ	*bělobokъ
*d(ъ)voъti (sę)	*ŕuto(j)ędъ	*glqbokъ
*gnęzdo	*nogъtojędъ	*кгъvolokъ
*d(ъ)vigo	*kzojędъ	*кгъvosmokъ
*boliočъko	*cъŕvnojędъ	*čelopokъ
*matovidlo	*gololedъ	*listopqkъ
*motovidlo	*olkomędъ	*kolotokъ
*gologumъno	*domasędъ	*кгъvotokъ
*čarodějъstvo	*domosędъ	*makoluskъ
*jqdu	*očevidъ	*novoukъ
*močigqбъ	*nokŕevidъ	*medvędъkъ
*koldorqбъ	*nokŕъvidъ	*medjuъmъkъ
*dъŕvoroqбъ	*ničъvoldъ	*medjelęsъkъ
*krasъnozobъ	*ledoxodъ	*ognimetъkъ

*motovęzъkъ	*ogniparъ	*košepletъ
*ognipalъ	*medovarъ	*ognimetъ
*kostivalъ	*mydlovаръ	*ognikvētъ
*konovalъ	*medoberъ	*gorikvētъ
*novosēdlъ	*guščerъ	*lъžikvētъ
*mqkodēlъ	*lykoderъ	*gradobitъ
*novodēlъ	*konoderъ	*dobroxotъ
*devęsilъ	*licemērъ	*lykožrqtъ
*krivodolъ	*ogniperъ	*krqogovortъ
*čęstokolъ	*makoterъ	*kolovortъ
*drъvokolъ	*ludižerъ	*kolovъrtъ
*drъkolъ	*kostižerъ	*kurosęstъ
*mqkomolъ	*ludožerъ	*novočistъ
*berzozolъ	*motovērъ	*padolistъ
*čъgnobylъ	*kostožerъ	*očivistъ
*bur'elomъ	*kolovirъ	*lętoorstъ
*ledolomъ	*novožirъ	*lixopъrstъ
*kamenolomъ	*konodogъ	*dobroxъtъ
*burolomъ	*kosogorъ	*medolazъ
*kostolomъ	*asokorъ	*xudolazъ
*lixojъmъ	*myšemogъ	*kolomazъ
*okojъmъ	*muxomogъ	*muxorazъ
*lixomanъ	*xomęstogъ	*kostopravъ
*čъgnoklenъ	*muxovogъ	*lъžitravъ
*moldoženъ	*dymokurъ	*muxotravъ
*novoženъ	*makotъgъ	*ledostavъ
*malъženъ	*loręnopasъ	*medostavъ
*gospodinъ	*konopasъ	*mqdoręzъ
*makogonъ	*kozopasъ	*kozoręzъ
*galovognъ	*lъbotręsъ	*gavęzъ
*ga(jъ)vognъ	*makotręsъ	*konovęzъ
*bęlogunъ	*lykotręsъ	*motovęzъ
*edъnostavъnъ	*čъgnokozъ	*boligolvъ
*kuroslęrъ	*medonosъ	*krqtigolvъ
*bęlogęrъ	*męxonosъ	*ludogolvъ
*konoščirъ	*lomonosъ	*bęlogolvъ
*qglekorъ	*mokroqъsъ	*čъgnogolvъ
*myšelorъ	*makotrqъsъ	*deriqzъ
*konotorъ	*melkozъsъ	*bęlogqzъ
*korolupъ	*krъvosъsъ	*krivogqzъ
*kozolupъ	*kolognatъ	*lęnъgqzъ

*myšelovъ	*myšejadъ	*kortъkonogъjъ
*myšilovъ	*melkojědъ	*bělonogъ(jъ)
*mixelovъ	*kurojědъ	*loxmonogъjъ
*krasъnoslovъ	*gololedъ	*xromonogъjъ
*mъkovozъ	*medvědъ	*osmonogъ(jъ)
*kolovozъ	*ničъvoldъ	*edъnonogъ(jъ)
*matovъzъ	*jъnoxodъ	*loronogъjъ
*motovъzъ	*gospodъ	*kostonogъ(jъ)
*mušecъervъ	*lъgostajъ	*matonogъjъ
*modroderъvъ	*luto(j)ědъjъ	*loratonogъjъ
*kъrпorъzъ	*kolovodъjъ	*krivonogъ(jъ)
*lěpodъgvъ	*licedějъ	*edъnорogъ(jъ)
*listogryzъ	*lubodějъ	*kosorogъ(jъ)
*kostogryzъ	*lixodějъ	*krъtorogъjъ
*jъnokędy	*kolodějъ	*krъtobergъ(jъ)
*jъdy	*čarodějъ	*loxouxъjъ
*jegъdy	*dobrodějъ	*loxmouxъjъ
*edъnašъdy	*bъrtodějъ	*kъrпouxъ(jъ)
*edinošъdy	*mъkosějъ	*klarouxъ(jъ)
*mokrostъpy	*kolovějъ	*klępouxъ(jъ)
*kuropaty	*muxobojъ	*lorouxъjъ
*dъpъty	*moltobojъ	*kortošъjъjъ
*d(ъ)vęgubъ	*krъvodojъ	*krivolękъjъ
*novoměšęcъ	*boligojъ	*kortъkoněkъ(jъ)
*boliočъ	*listognojъ	*moldolikъjъ
*korkotočъ	*dobrovojъ	*milolikъ(jъ)
*dervotočъ	*malomogъtъ	*onolikъ(jъ)
*čъrvotočъ	*bělozъrbъ(jъ)	*orzъnolikъ(jъ)
*makolušъčъ	*kolozъrbъ(jъ)	*ležebokъ(jъ)
*balamъčъ	*krivozъrbъ(jъ)	*kosobokъ(jъ)
*konokradъčъ	*jъnočędъ(jъ)	*krivobokъjъ
*domočędъčъ	*krivoględъ(jъ)	*kortъkookъ(jъ)
*očęvidъčъ	*milovidъ(jъ)	*bělookъ(jъ)
*očividъčъ	*bělobordъ(jъ)	*bъrlookъjъ
*kopovodъčъ	*golobordъ(jъ)	*edъnookъ(jъ)
*krъvorijъčъ	*lъgosъrdъjъ	*lurookъjъ
*moltobojъčъ	*laskosъrdъ(jъ)	*modrookъ(jъ)
*mъzdojъmъčъ	*lъgъkosъrdъ(jъ)	*kosoокъ(jъ)
*medovagъčъ	*milosъrdъ(jъ)	*krivoокъjъ
*krasъnoprěvъčъ	*lutosъrdъ(jъ)	*kortъkorqkъ(jъ)
*kozorožъčъ	*osminogъ(jъ)	*bělorqkъ(jъ)

inslav

ДВУСОСТАВНЫЕ АНТРОПОНИМЫ В ПРАСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Вводные замечания

В 1988 г. О.Н. Трубачев опубликовал статью, в которой содержался краткий обзор ономастических данных, включенных в «Этимологический словарь славянских языков» [ЭССЯ], вып. 1–13 (А–К) [Трубачев 1988/2004]. В ней были затронуты общие вопросы о месте ономастики в праславянском лексиконе и принципах ее отражения в этимологическом словаре. Имевшиеся к тому времени данные позволили сформулировать исходное для ЭССЯ понимание соотношения имени собственного и имени нарицательного, граница между которыми для праславянского уровня во многих случаях оказывается зыбкой: многие онимы являются дериватами апеллятивов или совмещают в себе апеллятивные и ономастические функции. Вместе с тем в статье выдвинуто положение о том, что многие старые славянские антропонимы, «которые составлены из достоверно апеллятивных лексических основ <...> несут новое качество, поскольку являются тем, что можно назвать *onomata tantum*», они произведены не свертыванием апеллятивных фраз, а в результате «моментального одноактного акта номинации». Основной ономастической категорией, отраженной в ЭССЯ в виде специальных статей, оказываются антропонимы, коих по подсчетам О.Н. Трубачева в первых 13 выпусках насчитывается около 120 (значительно меньше топонимов, гидронимов и этнонимов).

С тех пор появилось почти 30 новых выпусков словаря, и число антропонимов, прежде всего двусоставных, возросло до 270, что позволяет дать предварительный анализ их лексического состава, структурных типов и семантических отношений между их компонентами. Вместе с тем значительно возросло и число источников (словарей общих и ономастических, специальных исследований и т. п.) по разным славянским языкам, которые могут быть использованы для реконструкции праславянских антропонимов и дополнения данных ЭССЯ.

Известно, что праславянские двусоставные личные имена имеют индоевропейское происхождение и в своей морфологической структуре воспроизводят модели, известные в той или иной степени всем группам индоевропейских языков [Milewski 1957; 1969]¹. В настоящей статье рассматривается состав лексических основ, выступающих в каждой из позиций двучленных праславянских антропонимов, правила их оформления (чистая основа, усеченная основа, словоформа) и правила их соединения друг с другом (наличие или отсутствие коннектора). Первая (I) и вторая (II) позиции имеют разные характеристики и свойства: в первой позиции могут выступать глагольные основы (V), субстантивные основы (S), адъективные основы (A), местоименные основы (Pron), наречия (Adv), предлоги / приставки (Praep), тогда как во второй – только глагольные, субстантивные и адъективные. См. табл. 1.

Табл. 1. Примеры моделей двусоставных антропонимов из ЭССЯ

I ▼ II ►	V	S	A	Pron	Adv	Praep
V	*xotibǫdъ	*xvalimīrъ	*lūbidorgъ			
S	*mysliborъ	*nĕgomīrъ	*bogumilъ			
A	*milobǫdъ	*lūtognĕvъ	*milъdorgъ			
Pron	*ničvoldъ	*mojъslavъ				
Adv	*jarobudъ	*domagostъ	*boľemilъ			
Praep	*nevĕrъ	*kromĕžirъ	*nemilъ			

Необходимо учесть, что словарь ЭССЯ не доведен до конца, поэтому некоторые пустующие в таблице клетки можно было бы заполнить примерами из других источников, тогда как какие-то клетки закономерно останутся незаполненными (например, V+Adv, V+Pron, V+Praep и др.).

Кроме того, свойства одних и тех же типов основ различны в разных позициях, например, оформление глагольных основ во второй позиции не совпадает с оформлением тех же основ в первой позиции (см. ниже). Следует также принять во внимание следующие обстоятельства: 1) для праславянского языка разграничение

¹ По данным Т. Милевского [Milewski 1957], примерное соотношение числа двусоставных антропонимов в разных группах восточной ветви и.-е. языков следующее: кельтские – 336, санскрит – 865, авестийский – 180, древнеперсидский – 43, славянские – 220, греческий – 1015.

некоторых из названных видов основ нечетко и неочевидно, например, формы *slav*, *mir*, *vid*, *lom*, *děl* могут представлять собой как именные, так и глагольные усеченные основы (соответственно от **slava* и **slaviti*, **mirъ* и **miriti*, **vidъ* и **viděti*, **lomъ* и **lomiti*, **lubъ* и **lubiti*, **dělo* и **dělati*); *dъlgo* может пониматься и как наречие, и как форма прилагательного **dъlgъ*; *dobro* – как форма существительного, прилагательного и наречия и т. п.; 2) славянские антропонимы, как и антропонимы других и.-е. языков, имеют свойство инверсии (перестановки) частей, что принято объяснять утратой семантического содержания (внутренней формы) сложения и превращением некоторых компонентов в квази-префиксы или квази-суффиксы, способные присоединяться к любым основам.

Далее в статье рассматриваются антропонимы, содержащиеся в ЭССЯ (вып. 1–41), с учетом некоторых параллелей из других источников.

Первый член сложения

В качестве первого члена двусоставных имен могут выступать: 1) глагольная основа или корень, 2) субстантив (основа, усеченная основа или падежная форма), 3) адъективная основа, 3) сравнительная степень адъектива или наречия, 4) местоимение, 5) наречие, 6) предлог, 7) частица.

Глагольные основы

В антропонимах, представленных в ЭССЯ, на месте первого члена выступают следующие глаголы (в скобках указываются основы):

**biti* (*bi-*): **bivojъ*

**borti* / **boroti* (*bori-*): **borigněvъ*, **borimirъ*, **borislava*, **borislavъ*,
**borivojъ*

**borniti* (*borni-*): **bornimirъ*, **bornislavъ*, **bornisqđъ* (*bręti-*): **brętislavъ*²

**buditi* (*budi-*): **budimirъ*, **budislavъ*, **budivojъ*

**bъděti* (*bъdi-*): **bъdigostъ*

**čajati* (*ča-*): **čagostъ*, **čamyslъ*, **časlavъ*

² В [ЭССЯ 3: 24] имя **brętislavъ* снабжено следующим заключением: «Этимология неясна. Возм., из **obręti-slavъ*, двусосновное личное имя, первая часть которого – от **obrěsti*, **obrětjo*, а вторая – от **slava*, **slaviti*».

- *dati (dadjb-): *dadjbbogъ, *nedamirъ*
**gorěti (gori-): *gorislavъ*
**gorditi (gordi-): *gordislavъ³*
**xoditi (xodi-): *xodislavъ, *xodivojъ*
**xorniti (xorni-): *xornimirъ, *xornislavъ*
**xotěti (xoti-): *xotiborъ, *xotibordjъ, *xotibordъ, *xotimirъ, *xotimyslъ,*
**xotislavъ, *xotivojъ*
**xvaliti (xvali-): *xvalibogъ, *xvalibudъ, *xvalimirъ, xvalislavъ*
**jъzbyti (jъzby-): *jъzbygněvъ*
**jъzjěti (jъzjě-): *jъzjeslavъ*
**kaziti (kazi-): *kaziměръ, *kazimirъ*
**kloniti (kloni-): *klonimirъ*
**krěsiti (krěsi-): *krěsimirъ, *krěsislavъ*
**kupiti (kupi-): *kupislavъ*
**ľubiti (ľubi-): *ľubibratъ, *ľubidorgъ, *ľubigostъ, *ľubiměръ, *ľubimirъ,*
**ľubimyslъ, *ľubislavъ *ľubivojъ*
**luditi (ludi-): *ludislavъ*
**ľъgati (ľъži-): *ľъžislavъ*
**maniti (mani-): *manislavъ*
**milěti (mili-): *milislavъ, *milivojъ*
**močiti (moči-): *močigōba, *močigōbъ*
**mōtiti (mōti-): *mōtimirъ, *mōtizirъ*
**mьrčiti (mьrči-): mьrčislavъ*
**mьstiti (mьsti-): *mьstibogъ, *mьstiborъ, *mьstidrugъ, *mьstigněvъ,*
**mьstiradъ, *mьstislavъ, *mьstivojъ, *mьstivujъ*
**načěti (načě-): *načępъlkъ*
**věsti / *vědati (nevě(d)-): *nevěgolsъ⁴*
**orsti (orsti-): *orstislava, *orstislavъ*
**ortiti (orti-): *ortiborъ.*

Глаголы в первой позиции сложений выполняют функцию управляющего члена двусоставной конструкции, в которой управляемым членом служат именные, прежде всего субстантивные (V+S)

³ В [ЭССЯ 7: 34] для первого члена имени **gordislavъ* допускаются две возможности: от имени **gordъ* или от глагола **gorditi*. Второе представляется более вероятным, поскольку именной дериват имел бы форму **gordo-* (с соединительным *-o-*).

⁴ В [ЭССЯ 25: 67] имя **nevěgolsъ* считается сложением *ne-* и **vě(d)golsъ*, т. е. в конечном счете, видимо, дериватом глагола **věsti / *vědati*.

основы, занимающие вторую позицию сложения и выступающие в качестве объекта глагола (ср. **xornimirъ* букв. ‘храни мир’), но возможны и адъективные основы (V+A), в которых, однако, отношения между составляющими не столь очевидны (ср. в приведенном списке **lubidorgъ*, **mьstiradъ*), а также глагольные основы (V+V), где вторые компоненты могут быть связаны с первыми отношением конъюнкции или подчинения (**xotibodъ*, **xotiborъ*, **xvalibudъ*).

Хотя О.Н. Трубачев настаивает на том, что двусоставные антропонимы не являются непосредственными дериватами соответствующих словосочетаний, тем не менее внутренний синтаксис (или микросинтаксис), связывающий компоненты сложного имени, в этих антропонимах не утрачивается полностью. Синтаксическая связь между компонентами имеет не только семантическое, но и морфологическое подтверждение: первые, управляющие, глагольные компоненты во многих случаях имеют форму 2 л. императива, требующую для переходных глаголов выражения прямого объекта.

Еще одним подтверждением синтаксической структуры подобных имен с первым глагольным компонентом является их полное структурное тождество апеллятивным сложным именам (мотивированность которых соответствующими словосочетаниями как будто не подвергается сомнению): **derigozъ*, **gorikvѣтъ*, **kazibrodъ*, **krotigolvъ*, **kudibaba*, **lъžikvѣтъ*, **lъžitrava* / **lъžitravъ*, **meligoba*, **močigobъ* / **močigoba*, ср. рус. *вертихвостка*, *горицвет*, *сорви-голова*, *держи-трава* (растение), *вырви-глаз* и т. п. (подробнее см. [Толстая 2021]).

Приведенный выше перечень отглагольных двучленных антропонимов по данным выпшедших выпусков ЭССЯ, как можно видеть, невелик и включает глагольные компоненты двух видов: 1) в форме чистой глагольной основы (корня) без показателя класса глагола (*bi-*, *ča-*, *jъzbъy-*, *jъzjѣ-*, *načѣ-*, *nevѣ(d)-*), 2) в форме с показателем *-i*, которая представляет собой для *i*-глаголов одновременно чистую основу и основу 2 ед. императива (*budi-*, *gordi-*, *xodi-*, *xorni-*, *xvali-*, *kazi-*, *kloni-*, *krěsi-*, *kupi-*, *lubi-*, *mani-*, *moči-*, *mōti-*, *mьrči-*, *mьsti-*), а для *ѣ*-глаголов – еще и форму презентной основы; для глаголов других классов (атематических, глаголов с *-a*-основой) – основу (форму) императива (*bori-*, *borni-*, *bręti-*, *bъdi-*, *dadъb-*, *xoti-*, *lъži-*, *mili-*, *orsti-*)⁵.

⁵ Формы императива *i*-глаголов в качестве первого компонента сложений не всегда отличимы от производящих для них субстантивных основ мягкого типа, которые в этой позиции в сложениях тоже нередко

В части антропонимов с очевидным глагольным компонентом этот глагольный компонент выступает в виде, не тождественном ни чистой основе, ни императивной, ни презентной основе, а имеет в качестве финали *-o*, т. е. соединительный формант, стандартный для именных основ, занимающих первую позицию в сложениях. Так, наряду с **lubimirь*, имеется имя **lubomirь*, наряду с **lubigostь* имя **lubogostь*. Этот параллелизм может объясняться прежде всего разной морфологической структурой сложений, например, в случае с исходом *-i* мы реконструируем глагольную основу (**lubiti*), а в случае с исходом *-o* – именную основу (**lubь*). Но, как показывает материал других источников, причина такого параллелизма может быть иной, а именно в отглагольных сложениях могут использоваться «именные» коннекторы, благодаря тому, что сложения с первым именным (субстантивным) членом более многочисленны и служат образцом для других морфологических моделей, ср. др.-рус. *Хотѣславъ*, *Хотиславъ*, *Хотьславъ* и – *Хотославъ* (все от глагола **xotěti*), *Видимирь*, *Видемирь* и *Видомирь* (от **viděti*), *Будиславъ* и *Будославъ* (от **buditi*) и т. п.⁶

Хотя и среди антропонимов, и среди апеллятивов двусоставные имена с первым глагольным компонентом уступают по численности другим структурным типам, тем не менее в действительности их число могло быть значительно большим. Так, ряд композитов, реконструированных в ЭССЯ, можно дополнить следующими примерами антропонимов со вторым элементом *-mirь* и с первым глагольным членом, собранных в работе В.Н.Топорова: **Bqdi-mirь*, **Cvěti-mirь*, **Cěli-mirь*, **Družī-mirь*, **Dьrži-mirь*, **Gněvi-mirь*, **Jezdi-mirь*, **Koli-mirь*, **Kراسi-mirь*, **Kруši-mirь*, **Lomi-mirь*, **Nosi-mirь*, **Prosi-mirь*, **Prosti-mirь*, **Rati-mirь*, **Rędi-mirь*, **Rъvi-mirь*, **Seli-mirь*, **Skъrbi-mirь*, **Sqdi-mirь*, **Spasi-mirь*, **Sta-mirь*, **Stani-mirь*, **Sterži-mirь*, **Stoji-mirь*, **Storni-mirь*, **Storži-mirь*, **Straši-mirь*, **Strati-mirь*, **Stroji-mirь*, **Suli-mirь*, **Svēti-mirь*, **Těši-mirь*, **Toli-mirь*, **Tomi-mirь*, **Tuši-mirь*, **Tvori-mirь*, **Tьrpi-mirь*, **Vadi-mirь*, **Voldi-mirь*, **Volsti-mirь*, **Vorti-mirь*, **Zna-mirь*, **Zvъni-mirь*, **Žali-mirь*, **Žьdi-mirь* [Топоров 1993].

имеют финаль *-i*: **gostislavь* (**gostь* – **gostiti*), **čьstimirь* (**čьstь* – **čьsti*), **myslidarь* (**myslь* – **mysliti*).

⁶ Здесь и в дальнейшем тексте древнерусские примеры, приводимые без указания источника, почерпнуты из следующих изданий: [Тупиков 2005; Зализняк 2004, 2011, 2019; Васильев 2005], древнепольские – из [SSpNO; Milewski 1957]; старославянские – из [ССЯ] и [ESJS]; примеры из других источников документируются.

Мы видим здесь те же самые типы глагольных основ и ту же синтаксическую функцию глагольного компонента (предиката) по отношению к субстантивному объекту *-mirъ, что и в антропонимах из ЭССЯ.

Вероятно, не меньшее число сложений этого типа (V+S) можно было бы почерпнуть из анализа антропонимов на -slavъ⁷. Ср. древнейшие древнерусские имена: *Брячиславъ* (1101), *Бориславъ* (1218), *Володиславъ* (1169), *Воротиславъ* (1127), *Держиславъ* (1221), *Желиславъ* (1262), *Звенислава* (1143), *Изяславъ* (980), *Мстиславъ* (1069), *Ростиславъ* (1070), *Станиславъ* (988), *Судиславъ* (988), *Твердиславъ* (1206) [Тупиков 2005]. Антропонимы этой структуры отмечены и в новгородских берестяных грамотах XI–XIII вв.: *Сбиславъ*, *Станиславъ*, *Бориславъ*, *Гориславъ*, *Сдѣславъ*, *Хотѣславъ*, *Держимиръ*, *Станимиръ*, *Творимиръ* [Зализняк 2004: 834–839], и в других древнерусских и старорусских текстах: *Быславъ*, *Братиславъ* (< **Vratislavъ*), *Владимѣръ*, *Владиславъ*, *Володиславъ*, *Воротиславъ*, *Вратиславъ*, *Дажбогъ*, *Изяславъ*, *Казимиръ*, *Мстиславъ*, *Ростиславъ*, *Сбыславъ*, *Станимиръ*, *Станиславъ*, *Стрибогъ*, *Судимиръ*, *Судиславъ*, *Твердиславъ*, *Творимиръ*, *Терпигоръ* (*Терпигоревъ*), *Толигнѣвъ* (*Толигнѣвичъ*) [Зализняк 2011]. Ср. еще древнепольские антропонимы со вторым компонентом -slav: *Bądzisław*, *Bronisław*, *Bręcisław*, *Budzisław*, *Chociesław*, *Chwalisław*, *Ciesz(y)sław*, *Czczisław*, *Dziesław*, *Dzirżysław*, *Dziwisław*, *Godzisław*, *Gromisław*, *Grzymisław*, *Krzesisław*, *Męcisław*, *Mścisław*, *Naczęsław*, *Przybysław*, *Rościsław*, *Stanisław*, *Stojisław*, *Stronisław*, *Strzeżysław*, *Sulisław*, *Tolisław*, *Tomisław*, *Tworzyisław*, *Ubysław*, *Włodzisław*, *Zbysław*, *Zdziesław*, *Żelisław* и др. [SSpNO].

Древние антропонимы с первым глагольным членом присутствуют и в старославянских текстах: *Боривои*, *Владимиръ*, *Вратиславъ*, *Растиславъ*, *Спытигнѣвъ* [ССЯ; ESJS]. Они сохраняются также в образованных от них топонимах. По данным В.Л. Васильева, в составе новгородских топонимов реконструируются следующие имена этой структуры: *Будимерь*, *Будимиръ*, *Будиславъ*, *Бѣдиславъ*,

⁷ Известно, что численно древнеславянские антропонимические сложения на -mirъ и -slavъ намного превосходят имена с другими вторыми компонентами, что имеет своим следствием утрату компонентами -mirъ и -slavъ своей синтактико-семантической функции и превращение их в квази-суффиксы (суффиксоиды), присоединяемые к разным типам глагольных и именных компонентов, занимающих в сложении первую позицию.

Быславъ, Велигостъ, Велимиръ, Видемиръ, Видимиръ, Видимиръ, Владимиръ, Володимѣрь, Держиславъ, Ждамиръ, Желѣгостъ, Желигостъ, Изяславъ, Ладимиръ, Ладимѣрь, Лудиславъ, Манисавъ, Мутижиръ, Ратиславъ, Родиславъ, Растиславъ, Сбыславъ, Сбыслава, Спасимиръ, Станиславъ, Станьмиръ, Стоинѣзь, Судимиръ, Хотъмиръ, Хотѣславъ, Чаславъ и др. [Васильев 2005: индекс].

Субстантивные основы

В качестве первых членов двусоставных антропонимов, включенных в ЭССЯ, выступают основы следующих существительных:

- **bogъ* (*bogo-*): **bogodanъ*, **bogomilъ*, **bogoslavъ*; (*bogu-*): **boguxvalъ*, **bogumilъ*, **boguslavъ*; (*bogъ-*): **bogъdanъ*
 **bojъ* (*boje-*): **bojeslavъ*; (*bojъ-*): **bojъmirъ*
 **bogъ* (*bože-*): **božetěxъ*
 **cělъ*, **cěto* (*cěto-*): **cětolubъ*, **cětogněvъ*, **cětomyslъ*, **cětorađъ*
 **čelo* (*čelo-*): **čelomyjъ*
 **čьstъ* (*čьsti-*): **čьstibogъ*, **čьstiborъ*, **čьstimirъ*, **čьstirađъ*
 **danъ* (*dani-*): **daniborъ*
 **gostъ* (*gosti-*): **gostislavъ*
 **gostъ* (*gosto-*): **gostoslavъ*
 **kurъ* (*kuro-*): **kuropolxъ*
 **ladъ* (*lado-*): **ladoměrъ*, **ladomirъ*
 **ludъ* (*ludi-*): **ludimila*, **ludimirъ*; (*ludo-*): **ludomila*, **ludomilъ*, **ludomira*, **ludomirъ*, **ludomorica*; (*ludъ-*): **ludъmila*, **ludъmilъ*, (*ludъ-*): **ludъmila*
 **lqka* (*lqko-*): **lqkomirъ*
 **mirъ* (*miro-*): **mirogojъ*, **mironěga*, **mironěgъ*, **miroslava*, **miroslavъ*
 **muxa* (*muxo-*): **muxoborъ*
 **myslъ* (*mysli-*): **mysliborъ*, **myslidarъ*, **myslimirъ*
 **myšъ* (*myše-*): **myšepođъ*, **myšetravъ*
 **něga* (*něgo-*): **něgomirъ*, **něgoslavъ*, **něgovojъ*
 **ognъ* (*ogni-*): **ognipalъ*; (*ognъ-*): **ognьpalъ*
 **orstъ* / **rastъ* (*orsto-*): **orstomirъ*
 **ortъ* / **ratъ* (*orti-*): **ortiborъ*; (*orto-*): **ortoborъ*⁸.

⁸ В [ЭССЯ 32] имена **ortiborъ* / **ortoborъ*, засвидетельствованные в нескольких славянских языках (старославянском, чешском, сербско-хорватском), трактуются как дериваты глагола **ortiti* и именной основы **borъ*. Между тем сама вариативность форм с соединительным -i или -o- указывает скорее на субстантивный первый компонент **ortъ/ratъ*

В морфо(но)логическом отношении субстантивные основы, занимающие первую позицию, представляют собой либо чистые именные основы (корни), к которым добавляется соединительный гласный, либо (в относительно редких и наиболее древних сложениях) падежную форму имени (чаще всего форму Дат. ед.), что прямо указывает на синтаксические отношения между исходными именем и глаголом⁹. Так, имя **bogъ* может выступать в следующих видах: *bogo-* (основа с соединительным гласным), *bogu-* (падежная форма Дат. ед.), *bogъ* (падежная форма Им. ед.), *bože-* (падежная форма Зват.). Ср. древнепольские имена с параллельными формами *bog-* (*Bogdaj, Bogdał, Bogdasz, Bogdejcje, Bogmił, Bogslaw, Bogwiedz*), *bogo-* (*Bogodał, Bogodar, Bogodan, Bogodarz, Bogomił, Bogosław*), *bogu-* (*Boguchwał, Bogudan, Bogudar, Bogudarz, Bogumił, Bogumiła, Bogumysław, Bogurad, Bogusqđ, Bogusław, Boguwola*), *bože-* (*Bożeciech*) [SSpNO], а также древнерусские имена: *Богданъ, Богоданъ, Богуславъ*.

В большинстве антропонимов субстантивные *a-* и *o-* основы твердого склонения присоединяются ко второму компоненту имени посредством коннектора *-o-*. В сложениях с первым компонентом **ludъ*, имеющим морфонологические варианты основы (твердая основа в ед. числе и мягкая во множ. числе), возможны четыре формы: *ludi-* (по мягкому типу), *ludo-* (по твердому типу), *ludъ-* (по форме Им. ед.), *ludъ-* (по смешанному типу). Субстантивные основы мягкого *a-* и *o-* склонения и основы *i-* склонения могут иметь форму на *-e* (*boje-, myše-*) или на *-i* (*čъsti-, dani-, gosti-, myśli-, ogni-*), но могут и принимать форму, характерную для твердых основ, т. е. на *-o* (ср. *orti-* и *orto-* от **ortъ*, ср. также др.-рус. имена *Гостомысль*, апеллятивы *коновал*, *костоправ* и т. п. со снятием смягчения у первой основы). Относительно варианта, совпадающего с формой Им. ед., остаются сомнения, поскольку не исключено, что в приведенных выше примерах это лишь способ записи усеченной основы, которая в антропонимических системах многих

с мягкой основой и характерной для многих таких имен меной соединительных гласных *-i-* и *-o-*. Кроме того, второй компонент *-borъ* представляет собой стандартный дериват глагола **borti* 'бороться'. Такое понимание антропонима предполагает более естественный «внутренний синтаксис» сложения: «бороться с ратью или ратью» (ср. рус. *ратоборец*).

⁹ По мнению Т. Милевского, использование в славянских сложениях падежных форм имени могло быть обязано «влиянию иранско-скифской антропонимии» [Milewski 1957: 50].

славянских языков используется весьма часто, как в случае именных, так и в случае глагольных основ, ср. др.-рус. *Мирславъ*, *Людславъ* [Зализняк 2004: 834–839], *Даньславъ* (1118) [Тупиков 2005], *Родславъ* [Васильев 2005: индекс]; др.-пол. *Bogchwał*, *Bogslaw*, *Bogdan*, *Bogmił*, *Radslaw*; *Cieszmir* и т. п. [SSpNO].

Антропонимические сложения с первым субстантивным компонентом построены по моделям трех типов: S+S, т. е. сочетание двух субстантивных основ (**cětogněvъ*, **cětomyślъ*, **gostoslavъ*, **ladomirъ*, **lōkomirъ*, **mironěgъ*, **miroslavъ*, **myslidarъ*, **myslimirъ*), S+A, т. е. сочетание субстантивной основы с адъективной (**bogumilъ*, **ludъmila*, **ludъmilъ*), и S+V, т. е. сочетание субстантивной основы с глагольной (**božetěхъ*, **boguxvalъ*, **daniborъ*, **kuropolъхъ*, **myšerqđъ*, **myšetravъ*, **ortiborъ*). При этом некоторые сложения могут соотноситься одновременно с разными моделями, например, **bogoslavъ* может пониматься и как тип S+S (**bogъ* + **slava*, т. е. ‘слава Богу’), и как тип S+V (**bogъ* + **slaviti*, т. е. ‘славить Бога’ или ‘славящий Бога’). Ср. др.-рус. *Воегость*, *Воймиръ*, *Войнегъ*, *Гостимиръ*, *Даньславъ*, *Ратмиръ*, *Ратиславъ*, *Родославъ* (S+S), *Богумиль*, *Богумила* (S+A), *Нѣгорадъ*, *Бобождъ*, *Богданъ*, *Богоданъ*, *Богуславъ*, *Богухвалъ*, *Звездочетъ*, *Сновидъ* (S+V) [Тупиков 2005; Васильев 2005]; др.-пол. *Bogudar*, *Myślidar*, *Bratomir*, *Dobiemiar*, *Dobiesław* (S+S), *Bratomil*, *Bratumil*, *Bratumila*, *Braturad* (S+A), *Bożeciech*, *Bogudaj*, *Bogdaj*, *Bogdał*, *Bogdan* (S+V) и т. п. [SSpNO].

В семантико-синтаксическом отношении субстантивные основы, занимающие первую позицию в двусоставных антропонимах, являются подчиненными, зависимыми от второго члена сложения и заполняющими одну из валентностей мотивирующего глагола (**ognipaъ*) или имени (ср. **čъstiradъ*) и имеющими объектную функцию.

Адъективные основы

В ЭССЯ включены следующие антропонимы с первым адъективным членом:

**bělъ* (*bělo-*): **bělovoldъ*

**dobrъ* (*dobro-*): **dobrogostъ*, **dobromilъ*, **dobromirъ*, **dobromyslъ*,
**dobroslavъ*, **dobrovoжъ*, **dobrožirъ*

**dorgъ* (*dorgo-*): **dorgomirъ*, **dorgoslavъ*

**jarъ* (*jaro-*): **jaroboжъ*, **jarobudъ*, **jarogněvъ*, **jaroměrъ*, **jaromirъ*,
**jaropъlkъ*, **jaroslavъ*

**lixъ* (*lixo-*): **lixomilъ*, **lixovidъ*

- **ľubъ* (*ľubo-*): **ľubogostъ*, **ľuboměrъ*, **ľubomirъ*, **ľubomyslъ*,
**ľuboradъ*, **ľuboslavъ*
 **ľutъ* (*ľuto-*): **ľutoborъ*, **ľutogněvъ*, **ľutoměrъ*, **ľutomirъ*, **ľutomyslъ*
 **milъ* (*milo-*): **milobōdъ*, **milodanъ*, **milodorgъ*, **milodrugъ*,
**milogostъ*, **miloněgъ*, **miloradъ*, **miloslavъ*; (*mil(ъ)-*):
**milъdorgъ*, **milъdrugъ*, **milgostъ*
 **mokrъ* (*mokro-*): **mokroqsъ*
 **moldъ* (*moldi-*): **moldiměrъ*; (*moldo-*): **moldoměrъ*
 **myrkъ* (*myrko-*): **myrkoborda*, **myrkobordъ*, **myrkomirъ*
 **novъ* (*novo-*): **novosedlъ*
 **ordъ* / **radъ* (*ordo-*): **ordoborъ*, **ordobudъ*, **ordobudъ*, **ordočajъ*,
**ordogostja*, **ordogostъ*, **ordoměrъ*, **ordomila*, **ordomilъ*,
**ordomirъ*, **ordomyslъ*, **ordoněga*, **ordoněgъ*, **ordoslava*,
**ordoslavъ*¹⁰.

Антропонимические сложения с адъективной основой в качестве первого члена относятся к весьма продуктивным (как среди антропонимов, так и среди апеллятивов) моделям **A+S** (**dobrovojsъ*), **A+A** (**dobromilъ*) или **A+V** (**milobōdъ*). При этом первая адъективная основа может иметь как атрибутивное, так и предикативное значение и функцию. Например, **dobrogostъ* может пониматься и как ‘добрый гость’ и как ‘добр(ый) к гостям’; **milodrugъ* – как ‘милый друг’ или как ‘мил(ый) к другу’ или ‘милый другу’. Как уже отмечалось выше, адъективные основы не всегда отличимы от субстантивных и адвербиальных. В именах с первым членом **dobro-* мы можем реконструировать несколько разных моделей: **A+S** (**dobrogostъ*, **dobrožirъ*, **dobrovojsъ*), **A+A** (**dobromilъ*), при этом имена **dobromirъ*, **dobromyslъ*, **dobroslavъ* могут трактоваться и как отсубстантивные (соответственно от **mirъ*, **myslъ*, **slava*), и как отглагольные дериваты (соответственно от **miriti*, **mysliti*, **slaviti*); в последнем случае первый член **dobro-* функционально (и синтаксически, и семантически) оказывается наречием.

Что же касается второй части сложения, то, если это субстантивная основа, то она служит управляющим членом и получает определение по характерному признаку качества или по эмоциональной

¹⁰ Одним из самых продуктивных прилагательных в антропонимических сложениях является **svęťъ* ‘святой’ (ср. *Святослав*, *Святополк*, *Святомир* и т. п.), но оно пока еще не попало в ЭССЯ. О значении этого слова и понятия святости и его роли в терминологии и ономастике см. [Топоров 1989, 1993].

оценке (**dobrovoľъ* букв. ‘добрый воин’); если это адъективная основа, то она присоединяется к первой на основе конъюнкции (**dobromilъ* ‘добрый и милый’); если же это глагольная основа, то она может быть по отношению к первой синтаксически и семантически как управляющей, так и подчиненной (см. ниже).

Модель **A+S**, т. е. сочетание основы прилагательного с основой существительного, относится к наиболее распространенным: **dobrogostъ*, **dobrovoľъ*, **dobromirъ*, **dobromyslъ*, **dobroslavъ*, **dobrožirъ*, **dorgoslavъ*, **jaroboľъ*, **jarogněvъ*, **jaroměrъ*, **jaromirъ*, **jaropylkъ*, **jaroslavъ*, **lixomirъ*, **ľubogostъ*, **ľuboměrъ*, **ľubomirъ*, **ľuboslavъ*, **ľutogněvъ*, **ľutoměrъ*, **ľutomirъ*, **ľutomyslъ*, **malgostъ*, **milodrugъ*, **milogostъ*, **miloněgъ*, **miloslavъ*, **milьdrugъ*, **mokroqъ*, **moldiměrъ*, **moldoměrъ*, **мыrkoborda*, **мыrkobordъ*, **мыrkomirъ*, **ordogostja*, **ordogostъ*, **ordoměrъ*, **ordomyslъ*, **ordoněga*, **ordoněgъ*, **ordoslava*, **ordoslavъ*¹¹. Ср. еще ст.-слав. *Остромиръ*, *Ярославъ*.

Модель **A+A**, т. е. сложение двух адъективных основ, в составе имен ЭССЯ представлена следующими антропонимами: **dobromilъ*, **lixomilъ*, **ľuboradъ*, **milodorgъ*, **miloradъ*, **milьdorgъ*, **ordomila*, **ordomilъ*, в которых адъективные основы сочетаются на основе конъюнкции (‘добрый и милый’, ‘дорогой и милый’ и т. п.).

Модель **A+V**, т. е. сочетание адъективной основы с глагольной, представлена в ЭССЯ следующими примерами: **malobqđъ* (сложение основы прилагательного **malъ* и презентной основы глагола **byti*), **milobqđъ* (сложение основы прилагательного **milъ* и презентной основы глагола **byti*), **jarobudъ* (сложение основ прилагательного **jarъ* и глагола **buditi*), **bělovoldъ* (сложение основ прилагательного **bělъ* и глагола **volsti* / **volděti*)¹², **lixovidъ* (сложение основ прилагательного **lixъ* и глагола **viděti*). В этих сложениях прилагательное может быть зависимым членом (например, **milobqđъ* ‘быть милым’) или, наоборот, синтаксически и семантически подчинять себе глагол (например, **lixovidъ* ‘лихой видеть’).

¹¹ Имена на *-*mirъ* (*-*měrъ*) включаются в эту группу условно, поскольку в них вторые члены очень рано превратились в продуктивные суффиксоиды, утратившие свою связь с субстантивом **mirъ* и употреблявшиеся по аналогии с популярным именем **Voldimirъ* (см. подробнее [Толстая 2020a]).

¹² В ЭССЯ это имя характеризуется следующим образом: «Сложение прилаг. **bělъ* и именной отглагольной основы *-*voldъ* (см. **volděti*). Семантика этого, видимо, раннего антропонимического образования ясна недостаточно» [ЭССЯ 2: 75–76].

В некоторых случаях прилагательные в такого рода сложениях нелегко отличить от наречий, относящихся к глаголу.

Эти модели остались весьма продуктивными в именнике разных славянских языков, ср. **A+S**: др.-рус. *Бѣловерхъ, Бѣлоусъ, Долгорукой, Коротополь, Кривоногъ, Сухорукъ, Тихомиръ, Ярополкъ, Ярославъ* и т. п. (и образованные от них фамилии); др.-пол. *Białobog, Białobok, Bialogąb, Białowąs, Dobrogniewa, Dobrogost, Dobromir, Dobromysł, Dobroniega, Dobrosława, Dobrowieść, Dobrożyźń, Drogomysł, Drogosław* и т. д. [SSpNO]; **A+A**: др.-пол. *Dobromila* (XII в.), *Drogomil* (XIII в.); **A+V**: др.-рус. *Дорогобудъ, Милобудъ, Радобудъ, Радобыль, Радовидъ* [Васильев 2005], др.-пол. *Dobrociech, Dobrodziej, Drogodziej, Dobromila* (XII в.), *Drogomil* (XIII в.) и т. д. [SSpNO].

Прилагательное может выступать в антропонимических сложениях и в виде **компаративной** основы: *boľe-* (*boľeborъ, boľečajъ, boľečъstъ, boľegostъ, boľemilъ, boľemъstъ, boľeslavъ, boľesqđъ*); *daľe-* (*daľeborъ, daľevojъ*), однако первый член этих антропонимов может пониматься не как компаратив прилагательного, а как компаратив наречия (т. е. *boľe-* не как ‘большой’ а как ‘больше’, *daľe* – как компаратив не от ‘дальний’, а от ‘далеко’), в особенности в сочетании с глагольными основами. Модель с компаративом наречия в качестве первого члена продуктивна в антропонимиконе разных славянских языков, ср. ст.-слав. *Бољеславъ, Вљцеславъ*, др.-рус. *Бољеславъ, Бољеслава, Вышеславъ, Вячеславъ, Горѣславъ*, др.-пол. *Bolebor, Bolelut, Boleczaj, Bolemysł, Bolesław, Bolesława, Węcesław, Wyszczesław* и т. п.¹³

¹³ Т. Милевский в своей работе об эволюции индоевропейских личных имен приводит 10 типов славянских двусоставных антропонимов с первыми членами – компаративами на *-je-* или *-ji-* (< *-jъjъ*): 1) с.-х. *Boľe-mir, Boľe-slav*, чеш. *Bolebor, Bole-mír, Bole-slav, Bole-čest*, пол. *Bole-bor, Bole-sław, Bole-czest*, др.-рус. *Боле-славъ*, ср. ст.-ц.-сл. *bolijъ* ‘большой’, neutr. *bolje*; 2) с.-х. *Veće-mir*, чеш. *Váce-slav, Váce-mil*, пол. *Więce-mir, Więce-mil, Więce-sław*, др.-рус. *Вячеславъ*, ср. ст.-ц.-сл. *veštijъ* ‘большой’, neutr. *vešte*; 3) с.-х. *Više-slav*, чеш. *Vyš-e-mír*, пол. *Wysze-sław, Wysze-mir*, др.-рус. *Вышеславъ*, ср. ст.-ц.-сл. *vyšijъ* ‘высший’, neutr. *vyše*; 4) с.-х. *Uni-mir*, чеш. *Uně-slav* // *Uni-slav*, пол. *Unie-mir, Unie-sław*, ср. ст.-ц.-сл. *unijъ* ‘лучший’, neutr. *unje*; 5) с.-х. *Pače-mil, Pače-mira*, ср. ст.-ц.-сл. *pače* ‘больше’; 6) пол. *Dale-bor, Dale-mir, Dali-sława*, чеш. *Dali-mil*, ср. ст.-ц.-сл. *daliъ* ‘более дальний’, neutr. *dalje*; 7) пол. *Jacze-woj*, чеш. *Jačí-mír*, ср. ст.-ц.-сл. neutr. *jačeje* ‘великолепнее’, ‘сильнее’; 8) чеш. *Suli-voj, Suli-slav*, пол. *Suli-mir, Suli-sław*, ср. ст.-ц.-сл. *sulijъ* ‘лучший, сильнейший’; 9) с.-х. *Draže-slav, Draže-vit, Draži-voj*, ср. ст.-ц.-сл. *dražijъ* ‘более дорогой’, neutr. *draže*; 10) с.-х. *Blaži-mir*, ст.-ц.-сл. *blagъ* ‘хороший,

Местоимения

Сложение местоимений с субстантивными (**Pron+S**) и глагольными (**Pron+V**) основами отражено в ЭССЯ всего в нескольких случаях: **mojъslavъ*, **mojъžirъ*; **ničъvoldъ*¹⁴ и **onomyslъ* / **onomyslъ*. Тем не менее этот тип можно возводить к праславянскому состоянию, поскольку он известен разным славянским языкам. Ср. др.-рус. *Всеволодъ*, *Всеславъ*, *Всеслава*, *Моиславъ*, *Яволодъ*, др.-пол. *Mojslaw*, *Mojmir*, *Sobiemir*, *Sobiesqd*, *Sobiemyslъ*, *Sobieslaw*, *Sobiežyr*, *Wszemił*, *Wszemila* и т. п.¹⁵

Числительные

Антропонимов с числительными в ЭССЯ не обнаружилось, хотя сложение основ числительного и субстантива (модель **Num+S**) в апеллятивных композитах известно, ср. **edynonogъ(jъ)*, **devęsilъ*, **osmonogъ(jъ)* и др.¹⁶

добрый» [Milewski 1957: 54]. Как видим, здесь также некоторые первые члены сложений могут пониматься и как адъективные, и как адвербиальные компаративы. Формы с исходом *-i* Милевский объясняет иранским (скифским) влиянием.

¹⁴ «Сложение **ničъ* и *-voldъ* к гл. **volděti*; слабозасвидетельствованный оппози́т к **vъsevoldъ*» [ЭССЯ 25: 112].

¹⁵ Ср. примеры славянских антропонимов с местоименным первым членом, приводимые Т. Милевским: «с.-х. *Sebe-drag*, *Sebe-tjeh*, чеш. *Svoj-boh*, *Svoj-mir*, ср. ст.-ц.-сл. *svojъ* ‘свой’; чеш. *Vše-bor*, *Vše-bud*, *Vše-mila*, *Všerad*, *Vše-slav*; пол. *Wsze-bor* / *Świe-bor*, *Wsze-bqd*, *Wsze-rad*; др.-рус. *Vse-volodъ*, *Vse-slavъ*; с.-х. *Sve-mil*, *Sve-rad*, ср. ст.-ц.-сл. *vъсь* ‘весь’». [Milewski 1957: 55]. Ср. также праславянские имена этого типа, реконструированные в книге В.П. Шульгача: **Vъseborъ*, **Vъsebratъ*, **Vъsebudъ*, **Vъsedobrъ*, **Vъsedrugъ*, **Vъsegněvъ*, **Vъsegoda*, **Vъsegodъ*, **Vъsegojъ*, **Vъseğda*, **Vъseğrdъ*, **Vъselubъ*, **Vъselutъ*, **Vъsemila*, **Vъsemilъ*, **Vъseměrbъ*, **Vъsemirъ*, **Vъsemqdrъ*, **Vъsemyslъ*, **Vъseněgъ*, **Vъsepravъ*, **Vъseradъ*, **Vъsesulъ*, **Vъsetěxъ*, **Vъsevidъ*, **Vъsevoldъ* [Шульгач 2018: 291–294].

¹⁶ Надежных примеров славянских антропонимов с первым членом-числительным не обнаружилось. Т. Милевский указывает на продуктивность таких композитов в антропонимии индоиранской, иллирийской и кельтской. В славянской антропонимии такие сложения (в функции прозвищ) зафиксированы относительно поздно, ср. др.-рус. *Трегубъ*, *Трилюбъ*, *Семихвостъ*, *Сорокоумъ*, *Полуногъ* и т. п. [Тупиков 2005]; др.-пол. *Połpan*, *Połswiat*, *Połukoza*, *Trzyjajiwa*, *Trzyzubowa* и т. п. [SSpNO].

Наречия

Наречие в принципе может сочетаться как с глагольными основами (Adv+V: **domagojъ*), так и с именными (Adv+S: **domagostъ*, **čęstovojъ*; Adv+A: **bol'emilъ*); к последнему типу могут быть отнесены также сложения с компаративами, рассмотренные выше. Приведенные в таблице формы **jarobudъ* и **jarogněvъ* содержат на первой позиции основу, которая может быть квалифицирована и как наречная, и как адъективная.

Предлоги, частицы

К категории сложений в ЭССЯ (как и во многих специальных работах о композитах) причисляются антропонимы, первую часть которых составляют неизменяемые предлоги-приставки и частицы. Трактовка подобных антропонимов не как приставочных дериватов, а как сложных слов имеет свое оправдание как с формальной, так и с содержательной стороны. Эти сложения репрезентируют несколько моделей. Имена типа **Praep+S**, т. е. сложения с предлогами, отличаются от исходных предложных словосочетаний только оформлением второго члена, который утрачивает свои падежные показатели и выступает как субстантив с твердой (**bezdědъ*) или мягкой (**bezdědъ*) основой. В отличие от них сложения с отрицательной частицей (Neg) в качестве второго члена сочетаются не только с субстантивными, но и с адъективными и глагольными основами: типы **Neg+S** (**negostъ*, **nesynъ*), **Neg+A** (**nemila*, **nemilъ*, **nel'ubъ*) и **Neg+V** (**nemoga*, **nepēja*); последний тип может включать не только собственно глагольную, но и причастную основу (**nesmējana*).

В вышедших выпусках ЭССЯ представлены следующие антропонимы указанных типов:

bez-: **bezbirъ*, **bezdarъ*, **bezdědъ*, **bezdrъvъ*, **bezmirъ*, **bezoprašъ*,
**bezrędъ*, **bezstryjъ*, **bezstudъ*, **bezuјъ*

jъz-: **jъzborъ*

kromě-: **kroměžirъ*

medji-: **medjimirъ*

ne-: **negoda*, **negodějъ*, **nekrasa*, **nel'ubъ*, **neměra*, **neměrъ*, **nemila*,
**nemilъ*, **nemira*, **nemirъ*, **nemoga*, **nemogъ*, **nenada*, **nenadēja*,
**nenadějъ*, **nenadъ*, **nenarokъ*, **nenašъ*, **neora*, **neor'a*, **neor'ъ*,
**neorъ*, **nepēja*, **nesmējana*, **nesmējaнъ*, **nesъda*, **nesynъ*, **nesyta*,
**nesytъ*, **nesyтъ*, **nevěgolsъ*, **nevěrъ*,

nedo-: **nedomyslъ*, **nedosęga*, **nedosęgъ*.

Многочисленные сложения с предлогами встречаем в древнепольской антропонимии: *Bieźdrzew*, *Bieździadko*, *Bieźgrosz*, *Bieźnos*, *Bieźopasz*, *Bieźpraw*, *Bieździad*, *Bieźrzqd*, *Bieźstryj*, *Bieźuj*; *Niedan*, *Nie-dasz*, *Nieczuj*, *Niegrad*, *Niemila*, *Niemira*, *Niemsta*, *Nierad*, *Nieźda*, *Nie-domysł*, *Nie-domira*; *Przedmir*, *Przedpelk*, *Przedslaw*, *Przedwuj* и т. п. [SSpNO].

Второй член сложения

В сложных словах вообще и в антропонимических композитах в частности первый и второй член сложения играют разную роль – как в формальном, так и в семантико-синтаксическом отношении. В.Н. Топоров отмечал «большую семантическую суверенность и большую практическую актуальность» первого члена и «полуслужебный характер, тяготение к суффиксации» второго члена сложения [Топоров 1993: 66].

О разной роли первого и второго члена сложений свидетельствует также приведенная выше таблица, из которой видно, что в первой позиции в сложных антропонимах могут стоять основы разных морфологических классов (глагольные, субстантивные, адъективные, местоименные, наречные, основы числительных, предлоги, частицы), тогда как во второй позиции выступают только субстантивные, адъективные и глагольные основы. Если в семантическом плане акцентируется первая основа, а вторая играет служебную роль квази-суффикса, то в формальном плане как раз вторая основа играет ведущую роль, поскольку именно на ней лежит функция морфологического оформления всего композита, придания ему того вида, который соответствует нормам номинации лиц мужского и женского пола. Композит-антропоним в целом должен соответствовать стандартному виду существительного мужского или женского рода. Если субстантивные и адъективные основы в принципе приспособлены к подобной роли (существительные могут сохранять или принимать вид Им. ед. твердого или мягкого типа склонения, а прилагательные могут использовать краткую, т. е. именную, форму), то глагольные основы для их субстантивации должны претерпевать существенную трансформацию. Прежде всего они утрачивают показатели глагольного класса (тематические элементы) и выступают в виде чистой основы, к которой присоединяется субстантивный показатель склонения. Усечение в этом случае служит главным механизмом оформления двусоставных антропонимов.

Однако оно в то же время затрудняет разграничение основ разных классов слов. Например, *-slavъ* может быть как эффектом приспособления основы существительного **slava* для роли Им. ед. муж. рода, так и результатом усечения тематического показателя глагола **slaviti*. Точно так же усечение делает неразличимыми в составе антропонима адъективную и глагольную основы: *-lubъ* одинаково соотносится с прилагательным **lubъ* и глаголом **lubiti*. Следовательно, дальнейшее распределение антропонимов по типу второго компонента носит в какой-то мере условный характер, поскольку оно зависит от реконструированного исходного двучленного словосочетания, а такая реконструкция не всегда надежна ввиду активности аналогических процессов и склонности второго члена композитов к превращению в квази-суффиксы.

Глагольные основы

Вторые глагольные компоненты выступают в составе антропонимов чаще всего в виде усеченной основы (корня), к которой добавляется субстантивная флексия Им. ед.: *-voldъ < *voldēti (*ničvoldъ), -seǵъ < *seǵti (*nedoseǵъ), -palъ < *paliti (*ognipalъ), -budъ < buditi (*xvalibudъ)*. Но в части случаев в этой позиции выступает презентная основа: *-bǫdъ < *byti, bǫdǫ (*jarobǫdъ, *xotibǫdъ)* или причастная форма: *-danъ < *dati (*bogudanъ), -smějana < *smějati seǵ (*nesmějana)*¹⁷.

К наиболее употребительным глаголам, основы которых (часто в преобразованном морфонологическом варианте) выступают на втором месте сложных антропонимов, относятся:

- *bъrati (-borъ): *boľeborъ, *čъstiborъ, *daleborъ, *daliborъ, *daniborъ, *xotiborъ, *jъzborъ, *ľutoborъ, *muxoborъ, *mysliborъ, *тъstiborъ, *ordoborъ, *ortiborъ, *ortoborъ*
- *byti (-bǫdъ): *dorgobǫdъ, *xotibǫdъ, *jarobǫdъ, *milobǫdъ, (-bǫdjъ) *xotibǫdjъ*
- *dati (danъ): *bogodanъ, *bogъdanъ, *milodanъ*
- *buditi (-budъ): *xvalibudъ, *jarobudъ, *ordobudъ*
- *voldēti (-voldъ): *bēlovoldъ, *ničvoldъ, (-voldъ): *ničvoldъ*
- *dě(ja)ti (-dějъ): *nenadějъ*
- *gojiti (-gojъ): *domagojъ, *mirogojъ.*

¹⁷ Ср. также древнепольское имя *Bogdasz* (1155 г.) с личной формой глагола 2. ед. наст. времени.

Остальные глаголы представлены в списке имен ЭССЯ единичными примерами (см. ниже Index a tergo).

Как правило, глагольный компонент, занимающий вторую позицию, представляет собой усеченную глагольную основу, которая в самостоятельном виде, в качестве отглагольного существительного, не употребляется, а служит именно субстантиватором. Это касается как сложных антропонимов, так и сложных апеллятивов, ср. в исходе русских сложных слов отглагольные финалы типа *-ед* (*сердцеед, птицеед*), *-вод* (*коневод, садовод*), *-рез* (*волнорез, стекло-рез*), *-ной* (*водопой*), *-мер* (*секундомер, шагомер*), *-нос* (*водонос, медонос*), *-руб* (*лесоруб, ледоруб*) и т. п.

Глагольным основам в двусоставных антропонимах могут предшествовать прежде всего субстантивные (S+V: **čьstiborъ, *mirogojъ*) или местоименные (Pron+V: **ničvoldъ*) основы со значением объекта, адъективные (A+V: **lutororъ, *dorgobqđъ*) и наречные (Adv+V: **domagojъ*), а также глагольные (V+V: **xvalibudъ, *xotibqđъ, *xotiborъ*) и предложные (Praep+V: **nenadějъ*). Семантико-синтаксические отношения между двумя глагольными основами остаются не вполне ясными.

В древнепольской антропонимии к наиболее употребительным глаголам, выступающим на втором месте сложений, относятся: **dati: Bogdan, Bogdaj, Bogdasz, Bogudaja, Bogdał, Bogodan, Niedał; *děj(ja)ti: Białdziej, Bartodziej, Dobrodziej, Drogodziej, Kołodziej, Złodziej, *xvaliti: Bogchwał, Boguchwał, *těšiti: Bożeciech, Dobrociech, Świąćieciech*; в части антропонимов на *-slaw* также можно усматривать субстантивацию основы глагола **slaviti*.

Субстантивные основы

Среди антропонимов, включенных в ЭССЯ, число имен, в которых на втором месте стоит субстантивная основа, в три раза превышает число имен с глагольной основой в этой позиции (примерное соотношение 180 : 60). При этом наиболее употребительны субстантивные финалы *-slavъ* и *-slava* (соответственно 33 и 5), *-mirъ* и *-měrъ* (31 и 10), *-myslъ* и *-myslъ* (11 и 3), *-vojъ* (12), *-gostъ* (8) и *-žirъ* (5). Близкое к этому соотношение субстантивных основ показывают древнепольские имена на *-slaw* и *-slawa* (примерно 150), *-mir*, *-mira* и *-mier* (около 100) [SSpNO] (см. примеры выше).

Кроме этих доминирующих финалей, в праславянских антропонимах в формировании второй позиции, по данным ЭССЯ, участвуют следующие субстантивы: **bogъ, *drugъ, *gněvъ, *gostъ, *myslъ, *vojъ, *žirъ*, а также менее частотные **bratъ, *čьstъ, *darъ*,

**dědъ*, **něga*, **něgъ*, **rylkъ*, **mystъ* и нек. др. См. в приложении Index a tergo. Большинство из них употребительны и в антропониимии разных славянских языков.

Адъективные основы

Прилагательные участвуют в антропонимических сложениях преимущественно в своем предикативном качестве. Из адъективных финалей, коих среди праславянских имен ЭССЯ значительно меньше, чем глагольных и особенно субстантивных (примерное соотношение 60:180:30), наибольшей частотностью отличаются *-milъ* и *-mila*: **ludimila*, **ludomila*, **ludъmila*, **ludъmila*, **ludomilъ*, **bogomilъ*, **lixomilъ*, **dobromilъ*, **ordomila*; затем *-radъ*: **cětoradъ*, **lūbiradъ*, **miloradъ*, **mystiradъ* и *-dorgъ*: **lūbidorgъ*, **milodorgъ*, **milъdorgъ*.

Те же предпочтения адъективных основ обнаруживаются в древнепольской антропониимии. К самым частотным финалям относятся *-mil*, *-mila*: *Bogmil*, *Bogomil*, *Bogumil*, *Bratomil*, *Bratumil*, *Bretmil*, *Długomil*, *Drogomil*, *Gostimil*, *Kanmil*, *Przemil*, *Radomil*, *Siemil*, *Ses-trzemil*, *Więcemil*, *Wojemil*, *Wszemil*, *Zdziemil*, *Bogmila*, *Bogumila*, *Brat-mila*, *Bratumila*, *Dobromila*, *Dziadumila*, *Ludomila*, *Ludźmila*, *Niemila*, *Piotromila*, *Wszemila* и *-rad*: *Babierad*, *Bogurad*, *Braturad*, *Chleburad*, *Ciecirad*, *Dargorad*, *Domarad*, *Domorad*, *Gościerad*, *Luborad*, *Naczęrad*, *Siemirad*, *Skoturad*, *Sulirad*, *Więcera*, *Wszera*, *Zdziera*.

* * *

Двусоставные антропонимы, включенные в ЭССЯ (вып. 1–41), естественно, не исчерпывают всего корпуса личных имен этого типа в праславянском языке, но они дают достаточно ясное представление о праславянских антропонимических моделях и механизмах словосложения, а также о лексическом и идеографическом составе единиц, вовлеченных в сферу ономастики, и косвенно – о системе ценностей, лежащей в основе ономастической номинации (ср. популярность таких аксиологически маркированных понятий, как «дорогой», «милый», «друг», «гость», «рад», «мир», «слава», «святой», «любить», «хвалить» и т. п.). Сравнение антропонимикона разных славянских языков свидетельствует о том, что и до усвоения христианского именника славяне располагали развитой антропонимической системой. Праславянские двусоставные антропонимы по своей структуре и «внутреннему синтаксису» (т. е. функционально-семантическому соотношению членов композитов) принципиально

не отличаются, с одной стороны, от композитов-апеллятивов [Толстая 2021], с другой стороны – от антропонимических композитов других индоевропейских языков (ср. анализ древнегерманских антропонимов в [Топорова 1996]). Несмотря на то что во многих случаях их внутренняя форма стерлась, следы древней магической мотивации (благопожелательной, защитной, продуцирующей) сохраняются, и именно они обеспечивают этим древнейшим дохристианским именам устойчивость и популярность в антропонимиконе всех славянских языков.

Index. Двусоставные антропонимы в ЭСЯ (1–41)¹⁸

*bēlovoldъ	*bornisqđъ	*domagostъ
*bezbirъ	*božetěхъ	*domažirъ
*bezdarъ	*brętislavъ	*dorgobqđъ
*bezdědъ	*budimirъ	*dorgomirъ
*bezdrъvъ	*budislavъ	*dorgoslavъ
*bezmirъ	*budivojъ	*gor'ěslavъ
*bezobrašъ	*bъdigostъ	*gordislavъ
*bezrędъ	*čagostъ	*gorislavъ
*bezstryjъ	*čamyslъ	*gostislavъ
*bezstudъ	*časlavъ	*gostomyslъ
*bezujъ	*čelomyjъ	*xodislavъ
*bivojъ	*čęstovojъ	*xodivojъ
*bogodanъ	*čętogněvъ	*xornimirъ
*bogomilъ	*čętolubъ	*xornislavъ
*bogoslavъ	*čętomyslъ	*xotibqđjъ
*bogumilъ	*čętoradъ	*xotibqđъ
*boguslavъ	*čystibogъ	*xotibogъ
*boguxvalъ	*čystibogъ	*xotimirъ
*bogъdanъ	*čystimirъ	*xotimyslъ
*bojeslavъ	*čystiradъ	*xotislavъ
*bojъmirъ	*dadjъbogъ	*xotivojъ
*boļebogъ	*daļebogъ	*xvalibogъ
*boļečajъ	*daļevojъ	*xvalibudъ
*boļečъstъ	*dalibogъ	*xvalimirъ
*boļegostъ	*dalimilъ	*xvalislavъ
*boļemilъ	*danibogъ	*jarobqđъ
*boļemъstъ	*dobrogostъ	*jarobojъ
*boļeslavъ	*dobromilъ	*jarobudъ
*boļesqđъ	*dobromirъ	*jarogněvъ
*borigněvъ	*dobromyslъ	*jaroměгъ
*borislava	*dobroslavъ	*jaromirъ
*borislavъ	*dobrovojъ	*jarorъlkъ
*borivojъ	*dobrožirъ	*jaroslavъ
*bornimirъ	*dobrožiznъ	*jъzboгъ
*bornislavъ	*domagojъ	*jъzbygněvъ

¹⁸ С учетом имен, реконструированных из топонимов и позднейших фамилий.

*jъzєslavъ
 *kaziměrъ
 *kazimigrъ
 *klonimigrъ
 *kosoklepъ
 *krěsimigrъ
 *krěsislavъ
 *krěsomyslъ
 *kroměžigrъ
 *kupislaвъ
 *kuropolъ
 *rubibratъ
 *rubidorgъ
 *rubigostъ
 *rubiměrъ
 *rubimigrъ
 *rubimyslъ
 *rubislaвъ
 *rubivojъ
 *rubogostъ
 *ruboměrъ
 *rubomigrъ
 *rubomyslъ
 *ruboradъ
 *ruboslavъ
 *rudimila
 *rudimigrъ
 *rudomila
 *rudomilъ
 *rudomira
 *rudomigrъ
 *rudomorica
 *rudъmila
 *rudъmilъ
 *rutoborgъ
 *rutogněвъ
 *rutoměrъ
 *rutomigrъ
 *rutomyslъ
 *ladoměrъ

*ladomigrъ
 *lixomilъ
 *lixovidъ
 *lqkomigrъ
 *ludislaвъ
 *lъžimigrъ
 *manislaвъ
 *medjimigrъ
 *milgostъ
 *milislaвъ
 *milivojъ
 *milobqđъ
 *milodanъ
 *milodorgъ
 *milodrugъ
 *milogostъ
 *miloněgrъ
 *miloradъ
 *miloslavъ
 *milъdorgъ
 *milъdrugъ
 *mirogojъ
 *mironěga
 *mironěgrъ
 *miroslava
 *miroslavъ
 *močigqba
 *močigqбъ
 *mojъslavъ
 *mojъžigrъ
 *mokraosъ
 *moldiměrъ
 *moldoměrъ
 *mqtimigrъ
 *mqtižigrъ
 *myšepqđъ
 *myšetraвъ
 *mysliborgъ
 *myslidaгъ
 *myslimigrъ
 *мыrceněga

*мыrcislaвъ
 *мыrkoborda
 *мыrkobordъ
 *мыrkomigrъ
 *мыstibogъ
 *мыstiborgъ
 *мыstidrugъ
 *мыstigněвъ
 *мыstiradъ
 *мыstislaвъ
 *мыstivojъ
 *мыstivuъ
 *načepъlkъ
 *nedamigrъ
 *nedomyslъ
 *nedosega
 *nedosegrъ
 *negoda
 *negodějъ
 *negostъ
 *něgomigrъ
 *něgoslaвъ
 *něgovoъ
 *nekrasa
 *neľubъ
 *neměra
 *neměrъ
 *nemila
 *nemilъ
 *nemira
 *nemigrъ
 *nemoga
 *nemogъ
 *nemъsta
 *nenada
 *nenaděja
 *nenadějъ
 *nenadъ
 *nenarokъ
 *nenašъ
 *neor'a

*neor'ъ	*ničvoldъ	*ordomiръ
*neora	*novosedlъ	*ordomyslъ
*neorъ	*ognipalъ	*ordomyslъ
*perěja	*ognьpalъ	*ordoněga
*nesmějana	*onomyslъ	*ordoněgъ
*nesmějanъ	*onomyslъ	*ordoslava
*nesynъ	*ordoborъ	*ordoslavъ
*nesyta	*ordobudъ	*orstislava
*nesyть	*ordočajъ	*orstislavъ
*nesyть	*ordogostъ	*orstomiръ
*nesъda	*ordogostъja	*ortiborъ
*nevěgolsъ	*ordoměръ	*ortoborъ
*nevěръ	*ordomila	*orzslava
*ničvoldъ	*ordomilъ	*orzslavъ

Index a tergo

*močigoba	*mьstiradъ	*načepъlkъ
*ŕudomorica	*ŕuboradъ	*jaropъlkъ
*nenada	*miloradъ	*nenarokъ
*negoda	*cětoradъ	*ognipalъ
*mьrkoborda	*bezdědъ	*ognьpalъ
*nesъda	*bezrędъ	*boguxvalъ
*mьrčeněga	*lixovidъ	*novosedlъ
*ordoněga	*ničvoldъ	*boľemilъ
*mironěga	*bělovoldъ	*dalimilъ
*nedosęga	*xotibqđъ	*ordomilъ
*nemoga	*milobqđъ	*ŕudomilъ
*nenaděja	*jarobqđъ	*bogomilъ
*nepěja	*dobrobqđъ	*lixomilъ
*neor'a	*myšepqđъ	*dobromilъ
*ordogostъja	*boľesqđъ	*bogumilъ
*nemila	*bornisqđъ	*ŕudъmilъ
*ŕudimila	*mьrkobordъ	*ŕubimyslъ
*ordomila	*xvalibudъ	*xotimyslъ
*ŕudomila	*ordobudъ	*ŕubomyslъ
*ŕudъmila	*jarobudъ	*nedomyslъ
*ŕudъmila	*bezstudъ	*ordomyslъ
*nesmějana	*ordoněgъ	*onomyslъ
*neměra	*miloněgъ	*dobromyslъ
*nemira	*mironěgъ	*krěsomyслъ
*ŕudomira	*nedosęgъ	*cětomyслъ
*neora	*xvalibogъ	*gostomyслъ
*nekrasa	*čъstibogъ	*ŕutomyslъ
*nemъsta	*mьstibogъ	*bogodanъ
*nesyta	*dadjъbogъ	*milodanъ
*borislava	*nemogъ	*bogъdanъ
*orstislava	*ŕubidorgъ	*nesmějаnъ
*ordoslava	*milodorgъ	*nesynъ
*miroslava	*milъdorgъ	*dobrožiznъ
*orzslava	*mьstidrugъ	*kosoklepъ
*močigobъ	*milodrugъ	*myslidaгъ
*cětolubъ	*milъdrugъ	*bezdarъ
*nenadъ	*božetěxъ	*neměгъ
*čъstiradъ	*kuroploхъ	*ŕubiměгъ

*moldiměŕь	*domažigь	*bornislavъ
*kaziměŕь	*kroměžigь	*xornislavъ
*ŕuboměŕь	*mŕtižigь	*kupislavъ
*ladoměŕь	*dobrožigь	*borislavъ
*moldoměŕь	*mojьžigь	*gorislavъ
*ordoměŕь	*daŕeboŕь	*krěsislavъ
*jaŕoměŕь	*boŕeboŕь	*brętjislavъ
*ŕutoměŕь	*daliborь	*xotislavъ
*nevěŕь	*mysliborь	*gostislavъ
*bezbiŕь	*daniborь	*orstislavъ
*nedamiŕь	*xotiborь	*mьstislavъ
*nemiŕь	*ortiborь	*ŕuboslavъ
*ŕubimiŕь	*čьstiborь	*ordoslavъ
*budimiŕь	*mьstiborь	*něgoslavъ
*ŕudimiŕь	*ordoborь	*dorgoslavъ
*medjimiŕь	*ortoborь	*miloslavъ
*xvalimiŕь	*ŕutoborь	*jaŕoslavъ
*myslimiŕь	*jьzborь	*dobroslavъ
*klonimiŕь	*neorь	*miroslavъ
*bornimiŕь	*nevěgolь	*bogoslavъ
*xornimiŕь	*mokroŕь	*boguslavъ
*krěsimiŕь	*ŕubibratь	*orзslavъ
*xotimiŕь	*boŕegostь	*mojьslavъ
*mŕtimiŕь	*milogostь	*myšetravъ
*čьstimiŕь	*boŕečьstь	*borigněvъ
*kazimiŕь	*milgostь	*mьstigněvъ
*lьžimiŕь	*nesytь	*jaŕogněvъ
*ŕubomiŕь	*časlavъ	*četogněvъ
*ladomiŕь	*bojeslavъ	*ŕutogněvъ
*ordomiŕь	*boŕeslavъ	*jьzbygněvъ
*ŕudomiŕь	*jьžeŕslavъ	*bezdrъvъ
*něgomiŕь	*gor'eslavъ	*ničvoldь
*dorgomiŕь	*ŕubislavъ	*boŕečajь
*ŕokomiŕь	*budislavъ	*ordočajь
*mьrkomiŕь	*mьrčislavъ	*xotibŕdjь
*jaŕomiŕь	*xodislavъ	*nenadějь
*dobromiŕь	*gordislavъ	*negodějь
*orstomiŕь	*ludislavъ	*jaŕobojь
*ŕutomiŕь	*xvalislavъ	*domagojь
*bojьmiŕь	*milislavъ	*mirogojь
*bezmiŕь	*manislavъ	*daŕevojь

*bivojъ
 *ŕubivojъ
 *xodivojъ
 *budivojъ
 *milivojъ
 *borivojъ
 *xotivojъ
 *mъstivojъ
 *nĕgovojъ
 *dobrovojъ
 *čĕstovojъ
 *čelomyjъ

*mъstivujъ
 *bezujъ
 *bezstryjъ
 *neŕubъ
 *nemilъ
 *ordobudъ
 *čamyslъ
 *ordomyslъ
 *onomyslъ
 *neor'ъ
 *nenaъ
 *bezobraъ

*čagostъ
 *domagostъ
 *negostъ
 *ŕubigostъ
 *bъdigostъ
 *ŕubogostъ
 *ordogostъ
 *dobrogostъ
 *boŕemъstъ
 *nesytъ

К ЭТИМОЛОГИИ ИМЕНИ *ВЛАДИМИР**

Памяти В.Н. Топорова

Имя *Владимир* входит в корпус древнейших славянских дохристианских двусоставных личных имен, имеющих праславянское – и далее индоевропейское – происхождение. Среди них наиболее многочисленны и «регулярны» две группы имен – имена с компонентами *мир*- и *слав*-, которые могут занимать как первую, так и вторую позицию (*Миролюб* и *Любомир*, *Славомир* и *Святослав* и т. п.). Этим именам в славянских и других индоевропейских языках посвящена большая литература, начиная с Ф. Миклошича и кончая современными работами [Miklosich 1860–1874; Maretić 1886; Гинкен 1893; Leskien 1914–1915; Taszycki 1926; Milewski 1957; 1960; Svoboda 1964; Роспонд 1965; Zett 1970; Schlimpert 1978; Pohl 1993; Wenzel 1–2; Топоров 1993; Топорова 1996; Majtan 1996; Pleskalová 1998; Davies 2000; Васильев 2005; Николаев 2017; Шапошников 2017], а сами имена этого типа продолжают быть актуальными в антропонимической практике до наших дней (особенно они популярны у южных славян). В целом этимология этих имен достаточно прозрачна, но как раз имя *Владимир* выделяется среди них своей неоднозначной этимологической трактовкой. Наше современное имя *Владимир* имеет южнославянскую (церковнославянскую) огласовку; праславянская форма реконструируется как **Voldi-mirъ* с закономерными рефлексам: юж.-слав., словц. **Vladimirъ*, чеш., польск. **Vlodimirъ*, вост.-слав. **Volodimirъ*.

С именем *Владимир* связано четыре главных проблемы: 1) морфология первого члена имени **Voldi-*: именная или глагольная основа? 2) семантика элемента *-mirъ*: ‘рах’ или ‘mundus’? 3) соотношение др.-рус. *Володимиръ* и *Володимѣрь*; 4) общая семантика (или актантная структура) композита.

* В основе статьи лежит доклад, прочитанный 3 декабря 2019 г. в Институте славяноведения РАН на чтениях, посвященных памяти академика В.Н. Топорова. Благодарю А.Е. Аникина и проф. В. Венцеля за ценные замечания и дополнения к статье.

Рассмотрим кратко эти вопросы.

1. Что такое **Voldi* – имя или глагол? Четверть века тому назад В.Н. Топоров посвятил именам с компонентом *-мир* большое исследование [Топоров 1993]. Это был его доклад к братиславскому съезду славистов, который назывался «Праславянская культура в зеркале собственных имен (элемент **mir-*)». В нем впервые был представлен полный корпус славянских личных имен с компонентом *-мир* (как исторически засвидетельствованных, так и реконструированных на материале разных славянских языков); всего более 300 имен. В.Н. Топорова интересовал в первую очередь историко-культурный аспект этих имен и их соотношение и параллелизм с митраической индоиранской традицией. Но попутно в этой работе высказываются важные положения, касающиеся структуры, семантики и этимологии славянских имен с компонентом *-мир*.

В частности, В.Н. Топоров указал на то, что позиция, которую занимает элемент *-мир* (или другой какой-либо элемент) в семантическом отношении неравнозначны:

Член, выступающий на первом месте, обладает большей семантической суверенностью и большей практической актуальностью; член, занимающий второе место, часто тяготеет с своего рода “суффиксации”. В имени **Miro-slavъ* акцент лежит на элементе *mir-*, на мире-спокойствии, с которым соотносится как дополнительный признак еще и слава. В ряду **Miro-slavъ*, **Svęto-slavъ*, **Jaro-slavъ* <...> и т. д. “сильная” смыслоразличительная и смыслоформирующая позиция – первая, **-slavъ* же выступает и как полуслужебный, к суффиксу приближающийся элемент. В имени **Slavo-mirъ*, напротив, акцент придается на элемент **Slav-*, на славу, уточняемую как слава мира, мирная или мирская слава [Топоров 1993: 66].

Позиция элемента в составе композита имеет значение не только для семантики композита, но и для его морфонологической структуры. В обеих позициях могут выступать как именные, так и глагольные элементы, но их оформление неодинаково. Глаголы в первой (левой, начальной) позиции чаще всего представлены своими императивными основами, оканчивающимися на *-i* (которые для *i*-глаголов совпадают с чистой основой): **Bori-mirъ*, **Borni-mirъ*, **Bŏdi-mirъ*, **Budi-mirъ*, **Cvęti-mirъ*, **Ĉbsti-mirъ*, **Desi-mirъ*, **Dęrži-mirъ*, **Goni-mirъ*, **Xodi-mirъ*, **Xoti-mirъ*, **Jezdi-mirъ*, **Kazi-mirъ*,

**Kloni-mirъ*, **Koli-mirъ*, **Krasi-mirъ*, **Krěsimirъ*, **Kupi-mirъ*, **Lomi-mirъ*, **lubi-mirъ*, **Meti-mirъ*, **Moti-mirъ*, **Nosi-mirъ*, **Prosi-mirъ*, **Prosti-mirъ*, **Pusti-mirъ*, **Rъvi-mirъ*, **Sodi-mirъ*, **Spasi-mirъ*, **Stani-mirъ*, **Sterži-mirъ*, **Stroji-mirъ*, **Těši-mirъ*, **Tvori-mirъ*, **Zvoni-mirъ*, **Žali-mirъ*, **Ždi-mirъ* и др. [Топоров 1993]. Эта же форма глагольной основы выступает и в древнерусских словах со вторым компонентом -славъ: *Бориславъ*, *Брячиславъ*, *Будиславъ*, *Воротиславъ*, *Держиславъ*, *Желиславъ*, *Мстиславъ*, *Станиславъ*, *Судиславъ*, *Твердиславъ* [Тупиков 2005], ср. аналогичное оформление глагольных основ в апеллятивных композитах: *вертихвостка*, *держиморда*, *скопидом*, *сорвиголова*, и т. п. Реже глагольные элементы в первой позиции выступают в виде чистой основы: **Bra-mirъ*, **Da-mirъ*, **Xotě-mirъ*, **Xotě-slavъ*, **Sta-mirъ*, **Zna-mirъ*, **Načę-mirъ* и др. И совсем единичны случаи, когда глагольная основа присоединяется с помощью «именного» соединительного элемента *о-*: древнерусское прозвище *Трясоголовъ*, то же в апеллятивных композитах: *вертохвостка*, *вертошейка*, *вертоголов* [Аникин РЭС 6: 336–338] и т. п.

В конечной позиции композитов глагольные основы не имеют никаких глагольных показателей и оказываются равными корню, например **Vъse-voldъ*, польск. *Inowłod*¹, чеш. *Rohovlad*, др.-рус. *Всеволодъ*, новг. *Имоволодъ*, *Рогволодъ*, *Яволодъ* (< **volsti*, **volděti*), *Сновидъ*, *Явидъ* (< **viděti*), ср. продуктивность этого типа сложений в апеллятивах: *доброхот* (< **xotěti*), *углекон* (< **kopati*), *водонос* (< **nositi*), *плотогон* (< **gъnati*), *каменотес* (< **tesati*), *свинопас* (< **pasti, pasq*), *винокур* (< **kuriti*), *лоботряс* (< **tręsti*), *землемер* (< **měriti*), *скалолаз* (< **laziti*), *снегопад* (< **pasti, padq*) и т. п.

Если же на первом месте стоит именная основа, то она, как правило, оканчивается соединительной гласной *о-* или *е-*: **Dragomirъ*, **Jaroslavъ*, **Lubomirъ*, **Miloněgъ*, **Miroslavъ*, **Svętoslavъ*, **Tixomirъ*, др.-рус. *Воюславъ* и т. п.; в случае мягких именных основ соединительной гласной может быть *i-*: **Myslidarъ*, **Myslimirъ*, хотя возможна и *о-*: **Ludimirъ* и *Ludomirъ*, др.-рус. *Гостомысль* [Зализняк 2019: 808], *Ратомиръ* (и *Ратимиръ*), ср. в апеллятивной лексике: *властолюбие*, *костоправ*, *людоед*, **ludožerъ* (и **ludižerъ*)². Лишь

¹ Это имя приводится в [Роспонд 1965: 19], однако [SSpNO] его не включает.

² Ср. замечание в [ЭССЯ 15, 201] о вариативных соединительных гласных в праславянских сложениях вообще и в частности в антропонимических композитах **Ludъmila* / **Ludimila* / **Ludmila* / **Ludomila* /

некоторые имена присоединяют именную основу непосредственно к следующей морфеме без соединительного гласного: др.-рус. новг. *Воиславъ* (но есть и *Вояславъ*), *Мирславъ*, *Лудъславъ*, *Людславъ*, *Сольмиръ*, *Радславъ*, *Ратьмир*. Несклоняемые компоненты (наречия, предлоги, местоимения) присоединяются ко второму элементу композита в своем исходном виде: **Boljeslavъ*, **Domažirъ*, **Domaněgъ*, **Domaslavъ*, **Veřjeslavъ*, **Vyšeslavъ*, **Vьseslavъ*, **Vьsevoldъ*, **Moislavъ* и т. п.

Однако разграничение именных и глагольных основ в составе сложных слов не всегда может быть проведено однозначно, поскольку многие морфемы могут функционировать и как глагольные, и как именные; их неразличению способствует и морфонологический фактор – усечение именных основ перед соединительной гласной и глагольных основ на конце сложного слова. Так, морфема *slav-* может манифестировать как имя **slava*, так и глагол **slaviti* (ср. *христославъ* ‘славящий Христа, тот, кто славит Христа’), а **mirъ* может выступать не только как именная основа, но и как основа глагола **miriti*. Имя **Slavomirъ* может трактоваться как состоящее из двух именных основ (‘славный мир’ или ‘слава мира’), а **Miroslavъ* – как сложение именной и глагольной основы (‘славящий мир’); **Dobroslavъ* может пониматься либо как ‘имеющий добрую славу’, «доброславный» (тогда **slavъ* – именной компонент), либо как ‘славящий добро’ (тогда **slavъ* – глагольная основа); морфема *lub-* может быть именной, репрезентирующей прилагательное *lubъ* (**Luboslavъ*), а может быть чистой основой глагола *ubiti* (**Miroľubъ*) и т. п. Впрочем, о проблеме общей семантики имени будет сказано дальше.

Именные основы, таким образом, присоединяются, как правило, соединительным гласным *o-*: *Славомир*, *Тихомир*, *Милослав* и т. п. Однако изредка встречаются не чистые основы и соединительная гласная, а падежные формы типа *Богумил*, *Богуслав*,

**Ludъmilъ* / **Ludomilъ*: «сложные имена, образованные соединением основ **ludъ* / **ludъ* и **milъ* / **mila*. Из приведенных <...> вариантов формы **ludomila* / *ludomilъ* являются, возможно, наиболее поздними, поскольку соответствуют модели сложений с соединительным гласным *o-*, сохранившей продуктивность вплоть до истории отдельных славянских языков, но и для этих вариантов реальна праславянская древность. Варианты **ludъmil(a)* / **ludimila* относятся к числу немногих славянских сложных имен, сохранивших следы древней *-ŷ*-основы в первой части сложения».

Братумил, ср. польск. *Bogurodzica* и *Bogarodzica* [SJPD 1: 593], с.-х. *Bogurodica*, *Boguživ* [RHSJ 1: 502], юж.-слав. *братучед*, ст.-слав. *злѡѹрадын* [Желязкова 2012: 64, 71, 73], с.-х. *богумрзак*, *богумоля*, *богумил*, *богуслужење*, *богуљубив*, *богомдан* [РСХКНЈ 2: 1, 11] и т. п. Глагольные же основы в первой позиции перед именной основой, как уже сказано, в большинстве случаев оканчиваются на *-i*. Казалось бы, это может служить надежным критерием разграничения именных и глагольных основ³. Однако такое распределение непоследовательно, поскольку для двусоставных имен характерно явление инверсии компонентов. Немало таких зеркальных форм и среди имен с элементом *мир-* типа *Славомир* и *Мирослав*, *Любомир* и *Миролюб*, польск. **Gněvo-mirъ* и **Miro-gněvъ* и т. п. Отсюда такие колебания или отклонения от исконного (морфологического) распределения именных и глагольных основ в сложениях (когда глагольная основа оформляется и по глагольному, и по именному типу), как **Bqdi-mirъ* и **Bqdomirъ*, **Gněvi-mirъ* и **Gněvo-mirъ*, **Lubi-mirъ* и **Lubo-mirъ*, **Miri-slava* и **Miroslava*, **Radi-mirъ* и **Radomirъ* и т. п. (ср. среди нарицательных имен *вертихвостка* и *вертопрах*, *вертоголов*, *трясогузка* и т. п., с оформлением глагольных основ по именному морфонологическому типу).

Итак, имена-компози́ты вообще могут иметь морфологическую (словообразовательную) структуру следующих типов: 1) глагольная основа + именная основа (**Dьrži-mirъ*); 2) именная основа + именная основа (**Miro-gostъ*); 3) именная основа + глагольная основа (**Miro-lubъ*); 4) неизменяемая часть речи (предлог, наречие, местоимение) + именная основа (др.-рус. *Всеславъ*, *Домажуръ* и т. п.) [подробнее см.: Роспонд 1965]. Но не может быть композита из двух глагольных основ. Это означает, что если одна из основ антропонима уверенно определяется как глагольная, другая должна быть именной.

Если теперь с учетом сказанного посмотреть на имя *Владимир* (**Voldi-mirъ*), то оно оказывается вполне вписывающимся в стандартный тип композитов с первым глагольным элементом в императивной форме и вторым именным элементом, функционально приближающимся к суффиксам. Тем не менее этимологи нередко

³ Ср. этимологию имени **mьstislavъ* в [ЭССЯ 21: 169–170]: «Сложное имя, образованное из формы повелительного наклонения глагола **mьstiti* и основы *slav-* (см. **slava*). Ср. **borislavъ*, **bornislavъ*. Менее вероятно, что это сложение двух именных основ, преобразованное по типу продуктивных сложений с глаголом на *-i* в качестве первого члена (ср. *Bronislav*, *Stanislav*), т. е. **mьсть-slavъ* > **mьstislavъ*».

интерпретируют первый элемент имени *Владимир* не как глагольную, а как именную основу. Так, словарь Фасмера дает следующее определение:

Владимир, имя собств. Др.-рус. *Володимѣрь*, церк.-слав. *Владимѣрь*, первая часть которого связана с церк.-слав. *владѣ* ‘власть’ <...> тогда как вторая часть родственна гот. *-mērs* ‘великий’, др.-в.-нем. *māri* ‘знаменитый’, греч. ἐϋχεσίμορος ‘знаменитый [своим] копьём’, ирл. *mór, mār* ‘большой, великий’, кимр. *tawr* <...> Таким образом, *Владимир* – «Великий в своей власти». Огласовка *-ла-* церковнославянского происхождения. Окончание *-миръ* возникло под влиянием *мир* ‘спокойствие’, ‘вселенная’ по народной этимологии <...> См. *Володимер* [Фасмер 1: 326].

Володимер, др.-рус. *Володимѣрь*, собственно исконнорусская форма вместо церк.-слав. *Владимѣрь*. Первоначальное значение – «Славный владением». Лит. *valdýmieras* ‘властелин’ восходит к имени Владимира Святого, который в 983 г. победил балтийских ятвягов и завоевал их земли <...> [Фасмер 1: 341].

Как видим, Фасмер считает первый компонент антропонима *Владимир* именной морфемой, идентифицируемой как **voldь* (церк.-слав. *владѣ*) со значением ‘власть’; не считает его глагольной формой и Миклошич⁴. Между тем имя *владѣ* в этом значении отсутствует в словарях старославянского языка [СБР; ССЯ], в этимологическом словаре старославянского языка [ESJS] и других изданиях (там же, где оно присутствует, оно неизменно означает ‘волосы’)⁵. Но глав-

⁴ Ср: «*Владимѣрь* мужское имя собственное, *Владимеръ*, *Володимеръ* – ни первая часть не является императивом, ни вторая часть не означает ‘мир-mundus’» [Miklosich 1862–1865: 66].

⁵ Это слово дается в словаре Миклошича со ссылкой на источник XV в.: «*владѣ* f. ἐξουσία potestas ‘власть, господство’» [Miklosich 1862–1865: 66]. Срезневский приводит его в двойственном виде *владѣ=владѣ* ἐξουσία по одному свидетельству XVI в., где слово дано под титулом [Срезневский 1: 267]; вслед за ним этот же пример приводит [СлРЯ XI–XVII 2: 214], трактуя его как церковнославянизм, производный от *владеть* [Аникин РЭС 7: 299], т. е. как вторичное образование, не связанное непосредственно с праславянским глаголом **vlasti, vladq*.

ное, что подобный «амальгамный» способ словообразования, когда один элемент представляет собой стандартную для данного типа двусоставных личных имен исконную основу, а другой – заимствованное слово, не характерен для древнеславянской антропонимии.

Словарь А.Е. Аникина предлагает подобное же толкование для русского имени (выделено мною. – С. Т.):

Владимир – одно из распространенных русских имен собственных, в Древней Руси *Владимѣрь*, *Владимирь*. Изначально языческое, сохранилось в христианскую эпоху вследствие канонизации крестителя Руси, Владимира Святославича, жившего ок. 960–1015 // блр. *Владзімір* и *Ўладзімір*, укр. *Владимир*, польск. *Włodzimierz* продолжают праславянское имя собственное **Voldiměрь*, **сложение основы сущ. **voldь* ‘власть’ (рус.-слав. *владь* и др.) и известного только в связанном виде сущ. *-měрь***. Первая часть этимологически связана с **volděti* и т. п., а вторая – с гот. *-mērs* ‘великий’. Исходное значение славянского имени собственного реконструируется как ‘**великий в своей власти**’ <...> Появление *-mirь* вместо *-měрь* объясняют влиянием рефлексов гетерогенного **mirь*, ср. рус. *мир* и т. п. Топоров рассматривает *-měрь* и *-mirь* как апофонические варианты одного и того же корня (во всяком случае, с трудом отделяемые друг от друга), что влечет двойственность реконструкции – праслав. **Voldiměрь* и **Voldimirь*, хотя и отнюдь не исключает того, что *-мирь* вытесняет *-мѣрь* и что история рассматриваемого имени отражает переплетение «своих» и «чужих» элементов. <...> Сходно в [ЭССЯ 14: 10], см. *ladoměr* / *ladomir*. <...> [Аникин РЭС 7: 295–296].

Обратим внимание на то, что, во-первых, исконной праславянской формой имени здесь признается **Voldiměрь*, а форма **Voldimirь* считается вторичной, возникшей под влиянием славянского **mirь*; во-вторых, здесь остается непонятным, какое праславянское имя **měрь* имеется в виду и как именно оно связано с германским *-mērs* ‘великий’. О соотношении финалей **-mirь* и **-měрь* будет подробнее сказано ниже.

Применительно к русской антропонимической традиции необходимо еще упомянуть аналогичное по структуре имя **Voldislavь* (др.-рус. *Володиславь*, др.-польск. *Włodzisław*, *Władysław*, *Władzisław*, известное в разных латинских записях с XII в. [SSpNO 6: 143],

а также два поздних русских топонима, образованных по модели имени *Владимир*, – это *Владикавказ* (1774 г.) и *Владивосток* (1860 г.), которые осмысляются как структуры с первым глагольным и вторым именным (объектным) членом: соответственно «владеть Кавказом» и «владеть Востоком».

На фоне других этимологических словарей, которые, в сущности, воспроизводят этимологию Фасмера⁶, выделяется трактовка, предложенная авторами чешского «Этимологического словаря старославянского языка»:

Владимиръ. Имя киевского князя (980–1015). Засвидетельствовано один раз в Остромировом евангелии в форме *Володимиръ*. Этимология: праслав. **Voldimirъ*, безусловно, является композитом, первая часть которого производна от глагола **volsti, voldo* ‘владеть, править’, однако толкование второй части – как и у других славянских личных имен с этим компонентом (ср. *Dragomira*) – неоднозначно. Преобладает мнение, что первоначальная форма **Voldiměрь* (др.-рус. **Voldiměрь* > лит. жем. *valdymieras* ‘правитель’ <...>), тогда как *měрь* восходит к и.-е. **mēro-* ‘великий, знаменитый’, так что первоначальное значение было ‘великий, славный правлением’, причем **Voldimirъ* возникло по народной этимологии благодаря вторичной связи с **mir* ‘мир’ <...> В качестве альтернативы можно предположить, что имя **Voldiměрь* было изначально германским заимствованием, а позднее было контаминировано с *mirъ* <...> Но вовсе не исключено и то, что форма **Voldimirъ* существовала параллельно с **Voldiměрь*, независимо от того, была ли последняя форма исконной или заимствованной <...> [ESJS 18: 1066].

В этом словаре, как видим, отчетливо сказано, что исходной праславянской формой имени является **Voldimirъ* (с вторым

⁶ Ср., например, этимологический словарь болгарского языка: «Владимир, личное имя; Владѣмир, село в Радомирской области. – Рус. *Владимир* (из ст.-слав.), др.-рус. *Володимѣрь*, чеш., словац. *Владимѣрь*, пол. *Włodzimierz*. – Произведено от *влади*, формы сущ. *владѣ* ‘власть’ и *мѣрь*, отождествленного по народной этимологии с *мир*, родственно гот. *-mērs* ‘великий’, др.-в.-нем. *māri* ‘славный, знаменитый’, гр. *εὐχεσίμορος* ‘славен своим копьем’. Первоначальное значение: ‘славен своей властью» [БЕР 1: 161].

компонентом *-mirъ*) и именно в этой форме (*Volodimirъ*) это имя отражено в Остромировом евангелии. Далее, здесь первая часть имени впервые истолкована как глагольная, а не именная форма, как дериват глагола **volsti, voldo* ‘владеть’ (ст.-слав. *vlasti*), а для имени в целом допускается как заимствованное (германское), так и исконное, происхождение.

Таким образом, глагольность первого компонента имени **Voldimirъ* подтверждается прежде всего структурой всего корпуса имен на *-mirъ*, в которых на первой позиции в абсолютном большинстве антропонимов стоят глагольные формы (в виде основы императива или чистой основы). Если же говорить о самом глаголе **volsti, voldo*, то он фигурирует в этой позиции только еще в одном имени – **Voldislavъ*, известном как в русском, так и в других славянских языках (ср. с.-х. *Vladislav* (с XI в.) [RHSJ 21: 161–162]). На втором месте в антропонимических сложениях этот глагол тоже довольно редок: др.-рус. *Всѣволодъ*, новг. *Имоволодъ* (реконструируется предположительно из топонима) [Зализняк 2004: 837], *Рогволодъ* [Тупиков 2005: 393], и его семантика, скорее всего, близка к семантике причастия ‘владеющий’.

В работах по антропонимии нередко утверждается, что структура антропонимических сложений существенно отступает от общеязыковых закономерностей, и в частности от структуры аппеллятивных композитов. В общем виде эту мысль выразила Т.В. Топорова, исследовавшая структуру и семантику древнегерманских личных двусоставных имен: «В целом совершенно очевидно, что морфология древнегерманских двучленных имен имеет свою специфику и строится по законам, существенно отличающимся от общеязыковых» [Топорова 1993: 91]. Другой автор утверждает, что «существует фундаментальное различие между лексическими композитами (*lexical compounds*) и ономастическими композитами (*onomastic compounds*)», заключающееся в том, что, во-первых, ономастические сложные имена могут не иметь семантики и, во-вторых, они способны менять местами компоненты (*reversibility of the order of the elements*) [Davies 2000: 19]. Между тем материал, рассматриваемый в данной работе, не подтверждает этого представления: закономерности словообразовательной и морфонологической структуры составных личных имен полностью соответствуют правилам построения лексических (аппеллятивных) композитов. Это касается даже способности к инвертированию элементов: ср. *лизоблюд* и *блюдолиз*, **listopad* и **padolist* ‘ноябрь’, **vodopolъ* и **polovodъje* ‘половодье’ и т. п.

2. Перейдем ко второму пункту, касающемуся семантики второго элемента имени *Владимир* (**mir-*). Многие исследователи трактуют имя *Владимир* как «Владеющий миром», т. е. понимают элемент **mir-* как ‘*tundus* (мир, вселенная)’. Между тем В.Н. Топоров [1993] убедительно показал, что в большинстве случаев этот элемент в составе личных имен имеет значение ‘*рах* (мир, покой, согласие)’. Об этом свидетельствует как семантика участвующих в сложениях глаголов (‘хотеть’, ‘хранить’, ‘защищать’, ‘устанавливать’, ‘разрушать, ломать, крушить’ и т. п.), так и сочетаемость участвующих в сложениях слов (ср. *мир* и *тишина* и **Tixomirь*) и фразеология (ср. *устанавливать мир* и **Stanimirь*, *завоевать мир* и **Ratimirь*, *сокрушить, разорвать мир* и **Lomimirь*, **Krušimirь*, **Rъvimirь*). И наконец, только с этим значением (‘рах’) связан отыменной глагол **miriti* [ср.: Толстая 2019: 17]. Во внушительном перечне древнеславянских составных личных имен (более 300) нет ни одного имени, в котором надежно реконструировалась бы семантика ‘*tundus*’.

Интересны наблюдения ассириолога В.В. Емельянова над семантикой шумерских и аккадских имен, содержащих элементы со значением ‘*tundus*’ и ‘рах’. По его данным, семантика ‘*tundus*’ возможна только для имени верховного правителя-завоевателя, тогда как имена с элементом ‘рах’ (‘тишина, мир, согласие, доброе слово’) широко употребительны в Месопотамии с древнейших времен⁷ [<https://www.facebook.com/vladimir>].

⁷ Ср.: «Если мы будем искать в клинописи “Владимир” как ‘мир-*tundus*’, то сразу найдем *Lugal-Kish* = *shar kishshati* “царь мироздания / вселенной”. Однако такого имени собственного нет, поскольку это титул реального царя, и далеко не всякого, а только великого завоевателя. Если же мы рассмотрим второй вариант с ‘мир-рах’, то должны понять, как же по-шумерски и по-аккадски назывался мир как состояние без войны. Задача оказалась нелегкая, но решаемая. Прежде всего, в шумерском есть древнее составное существительное *inim-du10* “слово хорошее”, означающее смягчение гнева богов, умилоствление, расслабление, отдых богов. И от этого слова образуются имена собственные *Lugal-inim-du10-ga* “Царь доброго слова (= умиротворения)”, *Lu2-inim-du10-ga* “Человек доброго слова”, *Mes3-inim-du10-ga* “Герой доброго слова”. Все три имени встречаются в самом старом шумерском языке начиная с текстов XXV века. И они чрезвычайно распространены, особенно частотно первое имя (83 случая). Далее мы видим, что аккадским соответствием *inim-du10*

emelianov.589/posts/2584055701825407]. Что касается германской антропонимической традиции, то среди данных, приводимых Т.В. Топоровой [1996], имена с элементом ‘рах’, как и с элементом ‘mundus’, практически отсутствуют (при обилии разнообразных сугубо военных имен «ценностей», которыми славен / знаменит носитель имени: «битва», «победа», «защита», «дружина», «слава», «оружие», «войско», «конь», «медведь», «ум», «доблесть», «воля», «власть», «совет», «сила», «гнев», «благо» и т. д.).

Когда речь идет о семантике элемента **-mir-* в славянских композитах, необходимо учесть также немногочисленные имена с начальным компонентом **mir-*: **Miri-slava*, **Miri-slavъ*, **Miro-darъ*, **Miro-gněvъ*, **Miro-godъ*, **Miro-gojъ*, **Miro-gostjъ* (-gost), **Miro-lъba*, **Miro-lъbъ*, **Miro-myslъ*, **Miro-něgъ*, **Miro-slava*, **Miro-slavъ*. В первых двух случаях мы имеем дело, скорее всего, с основой глагола **miriti* (т. е. заведомо с семантикой ‘рах’), а в остальных именах эта же семантика поддерживается общим смыслом древнеславянских именных сложений, в которых, тема мира объединяет оба смысла на основе «любви, дружбы, братства, лада, милости» [Топоров 1993: 86], а «единство и целокупность мира, обнаруживающие себя в семье, роде, племени, в любом коллективе, связанном совместным “держанием” некоей общей территории, в целом всего мира, достигается неким основоположным актом с о б р а н и я данной совокупности людей в д а н н о м месте» [Там же: 87].

является *saliimu* ‘мир, благополучие, спокойствие, согласие; мирный договор’. И в аккадском есть выражение *beel saliimi* “владыка согласия”, означающее ‘союзник’. Сюда может относиться и союзник по мирному договору, и член военного союза, и бог-хранитель, стоящий на стороне человека. Что же мы получаем в результате такой аналогии? Мы получаем на шумеро-аккадском материале а) невозможность применить эпитет “владыка мира-мундуса” ни к кому, кроме великого завоевателя, б) большую распространенность имен типа “владыка умиротворения” и в) возможность применить этот эпитет не только к людям, но и к богам. Поскольку же имена в древней Месопотамии были теофорными, то, скорее всего, под владыкой умиротворения нужно там понимать божество, которое хранит человека с момента его рождения и которое полностью не прописано в имени (что бывает сплошь и рядом)» [<https://www.facebook.com/vladimir.emelianov.589/posts/2584055701825407>].

3. Самым трудным оказывается вопрос о соотношении праславянского имени **Voldimirъ* и древнерусского имени *Володимѣръ*, или более общий вопрос – о соотношении финалей *-mirъ* и *-měрь* в качестве второго элемента антропонимических сложений. Вот что писал об этой проблеме В.Н. Топоров:

Во-первых, речь идет о дублетности **mir-* : **měr-*, связанной с разными апофоническими вариантами одного и того же корня и подкрепленной семантическим тождеством ('мир', 'покой' и т. п.) и – что касается личных имен – их использованием в одинаковых микроконтекстах, ср. **Kanimirъ* : **Kani-měрь*, **Nemirъ* : **Ne-měрь*, **Tešimirъ* : **Tešiměрь*, **Gněvomirъ* : **Gněvo-měрь*, **Spytimirъ* : **Spyti-měрь*, **Tatomirъ* : **Tato-měрь*, **Kazimirъ* : **Kazi-měрь*, **Ratimirъ* : **Rati-měрь* и т. п. О соотношении **mir-* : **měr-* в личных именах существует значительное число мнений и высказываний, к которым можно было бы отослать читателя. В связи же с темой данной статьи важно отметить несколько положений. Совершенно очевидно, что не всякое *-měr-* в личных именах славян должно объясняться из герм. **mēr-*, хотя тенденция именно к такому объяснению чрезмерно гипертрофирована; несомненно, что во многих случаях это *-měr-* исконно славянское (**měрь* 'мир-покой', 'спокойствие', 'согласие'). Также очевидно, что соотношение **mir-* : **měr-* в личных именах было подвижным: при том, что чаще всего – и это может быть надежно документировано – **měr-* в именах со временем вытеснялось элементом **mir-*, есть немало примеров (тоже документированных) экспансии элемента **měr-* в область, где ранее уже присутствовал элемент **mir-* [Топоров 1993: 15].

Здесь В.Н. Топоров впервые высказывает допущение, что, по крайней мере в некоторых именах, финальное **-měрь* может быть не германизмом, а исконным славянским элементом с семантикой 'мир-покой', 'спокойствие', 'согласие' (ср. рус. *умеренность*, *смиранный*, *смирение* < **sъtměrenъje*). Ср. в связи с этим мнение О.Н. Трубачева, разделяемое многими этимологами, о неисконном характере некоторых финалей **-mirъ* (< **-měрь*):

Однако *-mir-* как второй компонент сложений может быть и генетически отличным от праславянского **mirъ* 'рах; mundus',

а их омонимия – следствие вторичного сближения; ср. вариантность типа др.-рус. *Володимѣрь* – рус. *Владимир*, при *-мѣрь* – родственном гот. *-mērs* ‘великий’ <...> Вариант на **-mēr* можно предположить в польск. *Ludzimierz*, но здесь равно возможно и фонетическое развитие из *-mir-* [ЭССЯ 15: 192].

В приведенной выше статье чешского «Этимологического словаря старославянского языка» также высказано предположение, что исконнославянской (праславянской) формой имени было **Voldimirь*, а возможное германское заимствование с элементом **mēr-* могло появиться позднее и некоторое время сосуществовать с исконным, а затем быть вытесненным последним.

Более определенно о германском заимствовании целого имени со вторым элементом **-mēr* (а не только этого второго элемента) говорится в недавней статье С.Л. Николаева, причем он допускает это германское заимствование уже в праславянском:

По традиции *Володимѣрь* считается именем славянского происхождения. Созвучное славянское имя **Voldimirь* имеет второй компонент **mirь* ‘мир (*mundus*)’: др.-болг. *Владимирь*, ст.-польск. *Włodzimir*, ст.-чеш. *Vladimír*, др.-рус. *Володимирь* / *Владимирь*. По-видимому, рефлексов **voldimēr* в западнославянских языках нет (современное польск. *Włodzimierz* восходит к **Voldimirь*). Любопытно, что имена на **-mēr* отсутствуют в южнославянских языках. Они есть в западно- (например, ст.-чеш. *Luboměr*, чеш. *Litoměr*, ст.-польск. *Jaromiar*, *-mier*) и восточнославянских языках (др.-рус. *Володимѣрь*, *Домамѣрь*, *Казимѣрь*, *Творимѣрь*, в былинах **Будимѣрь*, **Долгомѣрь* [Гинкен 1893: 457–458]), т. е. в ареале интенсивных славяно-германских контактов. В древненовгородском диалекте засвидетельствованы только многочисленные имена на *-мирь* [Зализняк 2004: 838]. Возможно, часть имен на **-mēr* попала в этот список благодаря древненовгородскому фонетическому переходу *ǃ > u*. <...> Др.-рус. *Володимѣрь* может иметь германское происхождение, возможно – «русско-варяжское» (РВД **Waldimēr* < ПСГ **waldē-māraR* ?), с регулярным повышением **ē > [i]*, **ǣ > [ɛ:] > é [e]*, поскольку в западногерманских и в «классических» северогерманских языках ПСГ **ǣ > ā* (др.-в.-нем. *Diot-mār*, *Waldo-mār*, др.-сев. *Valdi-már*, *Hreið-már*). В этом случае надо предположить развитие ранне-ПС **vǣ ldi mē rū >* праслав. **voldimēr >*

вост.-слав. *Volodiměрь* [Николаев, 2017: 24–25].

Здесь несколько положений, которые вызывают сомнения или вопросы. Прежде всего, это традиционное представление о том, что второй элемент имени означает ‘mundus’, см. об этом выше. Далее, нельзя не заметить противоречия в том, что имена на **-měрь* распространены в регионе интенсивных славяно-германских контактов и в то же время они отсутствуют в западнославянских языках (или являются результатом позднейших фонетических изменений) и в древненовгородском диалекте. Наконец, было ли германское влияние ограничено одним именем *Владимир* или же оно затронуло и другие двусоставные имена? Пока речь идет об одном имени *Владимир*, представление о его заимствованном характере кажется допустимым⁸, но, как только мы обратимся к полному корпусу древнеславянских имен, мы увидим, что элемент **-měрь* встречается и в других именах, заимствование которых в полном виде маловероятно⁹. Как тогда объяснить происхождение этого элемента?

Для начала приведем перечень имен на **-měрь*, включенных в «Этимологический словарь славянских языков» (вып. 1–41). Выборку личных имен из первых 13 выпусков [ЭССЯ] (А–К) произвел О.Н. Трубачев [1988]. Среди них встретилось только одно имя с интересующей нас финалью – **jaroměрь* (и 12 имен с финалью **-mirь*: **bezmirь*, **bojьmirь*, **bornimirь*, **budimirь*, **čьstimirь*, **dobromirь*, **dorgomirь*, **xornimirь*, **xotimirь*, **xvalimirь*, **kazimirь*, **krěsimirь*). В последующих выпусках обнаружили следующие имена этого типа (обычно с параллельными финалями **-měрь* / **-mirь*): **ladoměрь* / **ladomirь*, **luboměрь* / **lubomirь*,

⁸ Ср. заключение из соответствующего пассажа в работе В.Н. Топорова: «**Voldi-mirь* (далее следуют примеры из славянских языков и их балтийские соответствия. – С. Т.) – Ср. **Voldi-měрь*. – Вся история этого имени отражает переплетение сходных “своих” и “чужих” (ср. *Waldemar* и под.) элементов, причем чужое очень рано начало толковаться как свое, привязываясь к продолжениям праслав. **volděti* (: **voldyka*, **volstь*, см. *Volsti-mirь*)» [Топоров 1993: 60].

⁹ Ср. мнение видного польского специалиста по ономастике С. Роспонда: «Древнерусские личные имена возникали и под скандинавским влиянием, особенно в Новгородской Руси. Это влияние иногда преувеличивают (например, предполагают др.-исл. *Valdemar* > *Volodimirь*), хотя с уверенностью можно утверждать, что направление было обратным» [Роспонд 1965: 12].

**l'utoměрь / *l'utomirь, *neměra / *neměрь, *ordoměрь / *radoměрь*¹⁰. Все они толкуются в [ЭССЯ] с отсылкой к имени *Владимир*. Если во всех этих словах элемент **-měрь* представляет собой германизм, то это требует своего объяснения¹¹.

Можно лишь удивляться, что до В.Н. Топорова не делалось никаких попыток объяснения элемента **-měрь* в личных именах на славянской почве, в частности в связи со слав. **měra* (и далее глаголом **měriti*)¹², тем более что **měra*, помимо конкретной метрологической семантики, имело широкий круг пространственных значений: 'предел', 'граница', 'край', 'положение' [ЭССЯ 18: 178–181]. При этом следует обратить внимание на важное в этом контексте замечание О.Н. Трубачева: «В ряду сближаемых форм особо следует выделить соотношение слав. **měra* : др.-инд. *mātrā* 'мера'. Обращает на себя внимание тот факт, что отношение *-r-* : *-tr-* имеет аналогию в слав. **mirь* : др.-инд. **mītrā*» [Там же: 181]. Таким образом, слав. **měra* по крайней мере входит в круг фактов, которые следует учитывать при этимологизации имени *Владимир* и подобных ему имен с финалью **-měрь*, в особенности в связи с проблемой славяно-иранских соответствий.

Итак, вопрос о генетическом соотношении элементов **-mirь* и **-měрь* в двусоставных древнеславянских антропонимах остается открытым, но все-таки в его обсуждении наметилась некоторая перспектива выхода за пределы замкнутого круга устойчивых утверждений о германском заимствовании элемента *-měрь*. Главным препятствием для принятия германской версии остается нестандартная «амальгамная» словообразовательная модель антропонимического композита, использующего в качестве одного из элементов заимствованную лексему, не имеющую самостоятельного статуса

¹⁰ Ср. еще древнерусские имена *Немѣра*, *Домамѣрь*, ст.-польск. *Niemierza*.

¹¹ В словаре Миклошича элемент *měрь* приводится как отдельная лексема (**мѣрь**) и сопоставляется с прус. *mīr*: *ermīr*, гот. *mērgan*, др.-в.-нем. *māri*, ср.-в.-нем. *maere*, греч. *μέρ-цина*, *μέρ-μερος*, санскр. *smṛ* в значении 'славный, знаменитый' [Miklosich 1862–1865: 392].

¹² Некоторый намек на возможность сближения (правда, на народно-этимологической основе) элементов *-mirь* и *-mѣрь* в древнерусских составных именах содержится в старой работе Г.Г. Гинкена: «Для нашей цели важно прежде всего то, что *мирь* в русских именах уже не имело своего первоначального значения, а лишь прислонялось то к *мирь*, то к *мѣрь*, а то и к *мѣра*» [Гинкен 1893: 443].

в лексической системе праславянского языка. Отчасти это связано с вопросом о семантике составных имен, к обсуждению которого мы и переходим.

4. Как бы ни решался общий вопрос о семантике имен собственных и как бы ни понималась их специфика по отношению к семантике нарицательных имен [ср.: Курилович 1962], очевидно, что антропонимические композиты занимают в этом отношении особое положение. По крайней мере, при создании древнейших имен семантика соединяемых элементов, безусловно, имела значение (и определяла их внутреннюю форму), как и при образовании любого композита-апеллятива. По мнению Э. Бенвениста, «именное сложение – это микросинтаксис. Каждый тип сложных имен следует изучать как трансформацию какого-либо типа синтаксически свободного высказывания» [Бенвенист 1974: 241]. Это в полной мере относится и к антропонимическим сложениям, исходную семантику которых можно реконструировать лишь на основе синтаксических отношений между компонентами.

В дальнейшем семантическая связь между составляющими имени могла затемняться или вовсе утрачиваться¹³, о чем свидетельствуют разнообразные трансформации морфем и их взаимоперемещение и инвертируемость. Ср. определение С. Роспонда: «Свободная взаимозаменяемость членов говорит о том, что это всего лишь символические структурные схемы, лишенные конкретного содержания» [Роспонд 1965: 5].

Наиболее популярные (употребительные) лексические морфемы, занимающие вторую позицию в композитах, могли превращаться в суффиксоиды, а морфемы, занимающие первую позицию, – в своего рода префиксоиды. В особенности это выходивание лексической семантики характерно для конечных морфем. Кроме интересующих нас здесь финалей **-mirъ* и **-měrъ*, во второй позиции антропонимических сложений праславянского корпуса могут выступать следующие элементы: **-slavъ* (**Mьstislavъ*, **Miroslavъ*, **Dobroslavъ*, **Xvalislavъ* и т. д.), **-ľubъ* (**Bogolľubъ*, **Četolľubъ*), **-milъ* (**Dobromilъ*, **Dorgomilъ*), **-xvalъ* (**Boguxvalъ*), **-borъ* (**Daliborъ*, **Xotiborъ*, **Ratiborъ*), **-drugъ* (**Milodrugъ*,

¹³ Ср. замечание Г.Г. Гинкена: «В историческое время или, точнее, в эпоху древнейших русских памятников они [двусоставные имена. – С. Т.] (по крайней мере, многие из них), несомненно, употреблялись только по преданию. Судя по правописанию летописи и других памятников, они в это время понимались не более, чем теперь» [Гинкен 1893: 441].

Mьstidrugъ*), *-*gostъ* (Bьdigostъ*, **Dobrogostъ*), *-*darъ* (**Mьslidarъ*), *-*sqdъ* (**Bornisqđъ*), *-*gněvъ* (**Cětogněvъ*, **Jarogněvъ*), *-*čьstъ* (**Bol'ecъstъ*), *-*vojъ* (**Borivojъ*, **Xotivojъ*), *-*mьslъ* (**Dobromьslъ*, **Gostomьslъ*, **Lubomьslъ*), *-*radъ* (**Čьstiradъ*, **luboradъ*), *-*bogъ* (**Čьstibogъ*, **Xvalibogъ*, **Mьstibogъ*), *-*gojъ* (**Domagojъ*), *-*vitъ* (**Dobrovitъ*), *-*těxъ* (**Božetěxъ*), *-*žirъ* (**Domažirъ*, **Kroměžirъ*), *-*žiznъ* (**Dobrožiznъ*). Чем шире круг сочетающихся с ними основ, тем в большей мере они приближаются к служебным морфемам и тем легче утрачивают свою лексическую семантику (наиболее близки к суффиксам финали *-*mirъ* и *-*slavъ*)¹⁴.

Более разнообразен набор первых (начальных) элементов, и, соответственно, они менее подвержены превращению в служебные морфемы и лучше сохраняют свою исконную семантику. Достаточно показателен их перечень в именах с финалью *-*mirъ* в работе В.Н. Топорова [1993], где таких имен, как было сказано, более 300. То же можно сказать об именах с финалью *-*slavъ*, приводимых в [ЭССЯ]: **bojeslavъ*, **bol'eslavъ*, **boris Slavъ*, **bornis Slavъ*, **bręjis Slavъ*, **budis Slavъ*, **čas Slavъ*, **dobro Slavъ*, **dorgo Slavъ*, **gordis Slavъ*, **gor'eslavъ*, **goris Slavъ*, **gostis Slavъ*, **xodis Slavъ*, **xornis Slavъ*, **xotis Slavъ*, **xvalis Slavъ*, **jaroslavъ*, **bręsis Slavъ*, **kupis Slavъ*, **lubi Slavъ*, **lubos Slavъ*, **ludis Slavъ*, **manis Slavъ*, **milis Slavъ*, **milos Slavъ*, **miro Slavъ*, **mьrcis Slavъ*, **nęgoslavъ*, **radoslavъ*, **ortis Slavъ* (**ratis Slavъ*). Среди первых компонентов антропонимических композитов наиболее близки к префиксоидам именные элементы **bol'e-*, **bogo-*, **dobro-*, **dorgo-*, **lubo-*, **milo-*, **svęto-*.

Несмотря на признаваемый всеми закономерный процесс утраты или затемнения семантики составных элементов композитов (действительно, мы ни в имени *Владимир*, ни в именах *Владислав*, *Вячеслав*, *Станислав*, *Людмила* не ощущаем никакой семантики), этимологи свободно реконструируют их семантическую структуру и говорят, например, что *Владимир* означает «Владеющий миром» или «Великий в своей власти» [Фасмер 1: 326; Аникин РЭС 7: 295], а *Казимир* – «Возмутитель спокойствия» [ЭССЯ 9: 170], с.-х. *Vladimir* 'pacis gloriam habens'; древнейшее свидетельство: *Sergius Vladimiri* (1190 г.) [RHSJ 21: 160], и т. п.

В работе Т.В. Топоровой [1996] внутреннему синтаксису

¹⁴ В древнегерманских антропонимических композитах такими «суффиксоидами» являются прежде всего финали *-*mēriz* 'знаменитый, славный' (сопоставляемая со слав. *-*měrbъ*) и *-*waldaz* 'властвующий, владеющий' (сопоставляемая со слав. **vold-* < **volsti*, **voldēti* 'владеть') [см.: Топорова, 1996].

и семантике древнегерманских составных имен посвящены специальные главы, а сами имена снабжены семантической дефиницией типа ‘знаменитый (славный) дружиной’, ‘знаменитый славой’, ‘знаменитый властью’, ‘знаменитый умом’, ‘знаменитый конем’, ‘знаменитый копьем’ и т. п., ‘владеющий (властвующий) родом’, ‘властвующий судом’, ‘властвующий морем’, ‘владеющий богатством’ и т. п.

Как было показано выше, при всех позднейших исторических изменениях двусоставные древнеславянские имена сохраняют жесткую словообразовательную и морфонологическую структуру (как бы она со временем ни затемнялась). Но эти имена имеют и свою изначальную синтаксическую (актантную) структуру, как любые композиты. Это значит, что составные элементы таких имен находятся по отношению друг к другу в определенных синтаксических отношениях – сочинительных или подчинительных (разного типа). Свидетельством этих синтаксических отношений в именах-композициях могут быть, в частности, реликтовые антропонимические образования, сохраняющие падежные формы управляемых лексем (ср. др.-рус. *Богуславъ*, *Богухваль*, *Богумиль* и т. п., см. выше). Но в большинстве случаев эти отношения затемнены морфонологическими процессами усечения основ и приращения специальных соединительных морфем.

Если наиболее абстрактная семантика антропонимического композита как целого определяется тем, что это всегда и м я л и ц а (субъекта действия, состояния или свойства), то способ характеристики этого лица может быть различным. Это может быть характерное действие или состояние с указанием на объект или способ действия и другие актанты предиката (ср. **Bogumilь* букв. «Милый Богу», **Dobromyslь* букв. «Имеющий добрые мысли» или «Добро мыслящий», **Domažirь* букв. «Живущий дома»). При этом общий смысл имени зависит от прагматической установки именования: имя может быть «оптативным» («чтобы ты был таким-то, делал то-то или таким способом», ср. др.-рус. *Болеславъ*, *Вышеславъ*, *Ростиславъ*, *Сбыславъ*, *Сновидъ*, *Станиславъ*), «императивным» («будь таким-то», «делай то-то или таким способом», ср. др.-рус. *Мьстиславъ*, *Избыгнѣвъ*, *Творимирь*), «прохибитивным» («не будь таким-то», «не делай того-то или таким способом»; часто такие именования носят магический защитный характер, ср. др.-рус. *Неславъ* букв. «Не имеющий славы») или «дескриптивным» («имеющий то-то, делающий то-то или таким способом», ср. др.-рус. *Ярославъ*, *Сдеславъ*, *Радославъ*, *Остромиръ*, *Милонѣгъ*). Эти синтаксические

отношения как антропонимических, так и апеллятивных сложений, безусловно, требуют специального изучения.

Подводя итог рассмотренным антропонимическим данным, можно заключить, что этимология каждого отдельного древнеславянского составного личного имени (в данном случае нас специально интересовало имя *Владимир*) должна учитывать системные связи каждого компонента с другими лексическими морфемами, занимающими ту же позицию в структуре составного имени, общую структурную схему (морфологию) этих имен, регулярные морфологические правила сочетания компонентов, внутренний синтаксис имени (т. е. синтаксические отношения между компонентами), семантику каждого компонента и прагматику целого имени. Во многих случаях эти характеристики в реальных антропонимах должны быть реконструированы путем снятия позднейших изменений, но в целом можно исходить из тех же структурных и семантических отношений, которые вполне системно можно наблюдать на материале апеллятивных композитов (а также прозвищ), хорошо сохраняющих словообразовательные и семантические модели номинации. Предлагавшиеся до сих пор этимологии имени *Владимир* недостаточно учитывали эти системные свойства (общие для многих подобных имен).

СОСТАВНЫЕ НОМИНАЦИИ В ЯЗЫКЕ ОЛОНЕЦКИХ ПРИЧИТАНИЙ

Вводные замечания

Особую категорию в области словосложения составляют так называемые составные номинации, или биномы типа *родитель-матушка, тоска-кручина, хлеб-соль, мед-пиво, суженый-ряженный, трава-мурава, гуси-лебеди, спать-почивать* и т. п. Такие номинации широко распространены не только в языке фольклора, но и в обиходной речи (ср. *дочки-матери, путь-дорога, подобиру-поздорову, стерпится-слюбится, старик отец, бой-баба* и т. п.). Они не раз привлекали внимание лингвистов [Дурново 1902; Пешковский 1938: 78–84; Потеня 1941: 286–289; 1968: 414–432; Молошная 1973; Журавлев 1982; Якобсон 1987; Эйсман 1994; Вайс 2000; 2003; 2008; Минлос 2005] и исследователей языка фольклора [Евгеньева 1963; Хроленко 1981; 1986; Венгранович 2004; 2011]. Я называю эти явления составными номинациями, поскольку это определение позволяет объединить разнородные в лексикологическом, грамматическом и семантическом смысле языковые единицы, не имеющие в русской грамматике единого общепризнанного статуса и интерпретации¹. Это определение отражает их общее свойство лексической сложности (они состоят из двух или в отдельных случаях трех лексических единиц) и их общую функцию служить номинативной единицей. Среди них выделяются четыре категории:

1. сложные слова (*бой-баба, пай-мальчик*);
2. аппозитивные словосочетания, или словосочетания с приложением (*сестра-хозяйка, птичка-невеличка, барышня-крестьянка, река Волга*);
3. тавтологические словосочетания – (а) полные или неполные редупликации (*туго-туго, строго-настро*) или (б) сочетания синонимов (*знать-ведать, унылый-жалкий*);

¹ Ср. обзор используемой в разных работах терминологии в диссертации И.В. Багликовой [Багликова 2006].

4. «сочинительные» словосочетания (*гуси-лебеди, купля-продажа, дочери-матери*).

Различие между первой и второй категорией определяется несколькими признаками: сложные слова относятся к области лексикологии и словообразования и представляют собой единицы лексической системы языка, тогда как словосочетания с приложением относятся к области синтаксиса и входят в триаду единиц «слово – словосочетание – предложение»; в сложных словах морфологически оформлен только один (как правило, второй) компонент (*чудо-дерево – на чудо-дереве, царь-пушка – о царь-пушке, горе-охотник – с горе-охотником*), тогда как в словосочетаниях с приложением – оба компонента (*город Москва – в городе Москве; студент-отличник – о студенте-отличнике*)². Однако этот принцип, как известно, не абсолютен. Одни и те же сочетания могут в этом отношении колебаться: так, в разговорном языке наряду с «правильной» формой словоизменения *в Москве-реке* (по типу словосочетаний с приложением) употребительна и «неправильная» форма *в Москва-реке* (по типу сложных слов) с единым ударением и энклиноменом *река*; слово *член-корреспондент* может склоняться как по типу сложного слова (*член-корреспондентов*), так и по типу словосочетания (*о члене-корреспонденте*) и т. п. В Грамматический словарь русского языка А.А. Зализняка [ГС] включены на правах лексем (и, следовательно, сложных слов) такие биномы, как *баба-яга, ковер-самолет, кресло-кровать, диван-кровать, кресло-качалка* и др., которые не удовлетворяют указанному принципу, требующему для сложных слов единого морфологического оформления (ср. к *бабе-яге, на ковре-самолете, в кресле-качалке* и т. д.). Граница между этими двумя типами составных номинаций (сложными словами и словосочетаниями с приложением), кроме того, размывается тем, что внешнее согласование в обоих типах происходит на основе одного члена сочетания (*эта чудо-ягода, удобное кресло-качалка, знакомая женщина-врач*)³.

² А.М. Пешковский называл отношения между приложением и тем, «к чему оно прилагается», взаимно совпадающими, или обратимыми: «там, где звуковой показатель отношения имеется лишь в одном из соотносящихся, отношения получают взаимно не совпадающие и не обратимые; там же, где этот показатель имеется в обоих соотносящихся, – взаимно совпадающие и обратимые» [Пешковский 1938: 80].

³ Поэтому в ГС для сложений с двумя склоняемыми членами типа *диван-кровать* показатель рода дается дважды: единый «внешний»

Третья категория является в некотором смысле промежуточной между второй и четвертой: это конструкции, которые представляют собой тавтологические сочетания, т. е. либо полные редупликации (*маленький-маленький, туго-туго, просил-просил*)⁴, либо частичные редупликации, т. е. сочетания однокоренных слов (*крепко-накрепко, строго-настро́го*). Их составляющие связаны отношением семантического тождества и потому, строго говоря, не могут интерпретироваться ни как словосочетания сочинительного типа, ни как сочетания подчинительного типа (аппозитивные). К тавтологическим относятся также сочетания синонимичных слов (*род-племя, пора-времячко, знать-ведать, глядеть-смотреть, по-старому-по-прежнему*), только здесь тавтология не формальная, а семантическая. Их отличие от аппозитивных конструкций состоит в том, что между их компонентами нет подчинительной связи и соответствующей (уточняющей, ограничивающей, интерпретирующей и т. п.) семантики.

Наименее ясен статус четвертой категории составных номинаций. В РГ говорится, что «к приложению не относятся соединения двух слов, называющие сложносоставной предмет, и по своему строению, функциям, а иногда и по сочетаемости приближающиеся к слову: *хлеб-соль, пух-перо, разгрузка-погрузка, чашки-ложки, банки-склянки, чашки-блюда* ‘посуда’, *отец-мать, папы-мамы* (шутл.) ‘родители’, *руки-ноги* ‘конечности’, *гуси-утки* ‘птица’, *гуси-лебеди, дружки-приятели*. Такие сочетания отмечаются в художественной литературе <...>. Аналогично в глаголах: *кормил-поил, холила-нежила, просил-умолял*; в наречиях: *туда-сюда, тихо-мирно, чинно-благородно*» [РГ 2: 58]⁵.

для сложения в целом (*новый диван-кровать*) и отдельный «внутренний» для каждого члена (*на новом диване-кроватьи*), в данном случае сложению *диван-кровать* приписывается индекс $m <mla+j8a>$, т. е. муж. род для «внешнего» согласования и два различных показателя (муж. и жен.) для «внутренней» характеристики типа склонения.

⁴ Полные редупликации заслуживают специального изучения, так как они в семантическом, синтаксическом и структурном отношении неоднородны, что часто маркируется интонацией. Если *маленький-маленький* означает ‘очень маленький’ (= *маленький-премаленький*), то бином *дурак-дурак* (*а мыла не ест*) эквивалентно выражению с уступительным значением типа ‘дурак-то дурак, но...’ или ‘хотя и дурак, но...’. Это соображение принадлежит рецензенту первой версии статьи, за что я ему искренне благодарна.

⁵ Заметим, что сам термин «приложение» применительно к номинациям типа *гражданин Иванов, князь Андрей, красавица дочь* и т. п.

Каков же в таком случае статус этих «соединений слов»? Если они не являются словосочетаниями с приложением и тем более не являются сложными словами, то чем же они являются, каков их языковой статус и какова связь между их компонентами? Их нельзя квалифицировать как словосочетания, поскольку словосочетание строится на основе подчинительной связи⁶. А.М. Пешковский усматривал здесь как раз сочинительную связь:

«грамматически оба существительных совершенно равноправны и являют собой сочинительный, а не подчинительный тип связи <...>, однако, поскольку тут все же словарная сторона создает соотношение, параллельное соотношению между существительным и прилагательным, это явление должно быть учтено и в синтаксисе, тем более что дифференцированное восприятие таких двух существительных сказывается в некоторых случаях на формах согласования того прилагательного или того глагола, который к ним обоим относится» [Пешковский 1938: 152].

Вслед за Пешковским сочинительный тип связи в «соединениях» типа *друг-приятель* признавали позднейшие исследователи, называя их по-разному: парными сочетаниями [Молошная 1973], образованиями с сочинительными связями компонентов [Журавлев 1982], парными словами [Дурново 1902], биномами [Хроленко 1981; Венгранович 2011], парными конструкциями или парными сочетаниями, двойными словами и т. п.

Будучи неопределенными в своем статусе, «сочинительные словосочетания» остались неизученными и со стороны своих синтаксических и особенно семантических свойств. Обычно при их

неудачен, поскольку он относится только к определяющему члену биннома, но не к бинному в целом, который должен называться как-то иначе. По отношению к таким словосочетаниям используется также термин «аппозитивные словосочетания» [Молошная 1973; Журавлев 1982: 85].

⁶ Ср.: «Конструкция, образующаяся на основе реализации подчинительных связей, predeterminedных лексико-грамматическими свойствами слова, называется словосочетанием» [РГ 2: 6]; «Словосочетание – один из видов синтаксической конструкции, образуемый соединением двух и более знаменательных слов на основе подчинительной грамматической связи – согласования, управления или примыкания» [ЭРЯ: 698].

описании ограничиваются указанием на их «суммирующую» семантику (термин Т.Н. Молошной). От сложных слов их отличает «разнооформленность» компонентов (т. е. их раздельное словоизменение), а от сочетаний с приложениями – отсутствие подчинительных отношений между составными частями.

Ниже явление составной номинации рассматривается на материале севернорусских (олонецких) причитаний, собранных Е.В. Барсовым и изданных им 150 лет тому назад в сборнике «Причитанья Северного края» [Барсов 1997]. Сборник представляет интерес как памятник фольклора и как аутентичный текст севернорусского олонецкого наречия. Он содержит обширную коллекцию свадебных, похоронных и рекрутских причитаний (всего более 26000 стихов), записанных в середине 1860-х гг. в Петрозаводске (в основном от выдающейся исполнительницы И.А. Федосовой, уроженки Заонежья). Сборник с самого начала привлек к себе внимание исследователей языка и поэтики русского фольклора как первое издание специфических для Русского Севера текстов причитаний. Необыкновенное богатство лексики, ее своеобразие (сотни слов из этого собрания не засвидетельствованы другими диалектными и фольклорными источниками), множество синтаксических, словообразовательных и морфологических особенностей, своеобразие поэтических приемов объясняют неубывающий интерес исследователей (как фольклористов, так и диалектологов) к этим текстам⁷

В языке фольклора широко представлены составные номинации всех указанных выше четырех типов: сложные слова, аппозитивные словосочетания, тавтологические словосочетания (редупликация полная, частичная и синонимическая) и сочинительные словосочетания. При этом они относятся к разным частям речи – существительным, прилагательным, глаголам, наречиям, хотя и в разном соотношении (как и в разговорной речи, преобладают субстантивные номинации). Однако главной особенностью составных номинаций в фольклорных текстах, и в частности в севернорусских причитаниях, является их «диффузность», синтаксическая свобода и проницаемость. Если в литературном и разговорном языке речь идет в абсолютном большинстве случаев

⁷ Основная фольклористическая и лингвистическая литература до 1997 г., посвященная этому выдающемуся памятнику русской культуры, приводится в статьях [Чистов 1997] и [Герд 1997]. Из более новых работ, см.: [Сурикова 2017, 2019, 2019а, 2020], [Толстая 2012, 2019а, 2020, 2020с, 2021b, 2023, 2023а, Толстая (в печати)].

о слитных (неразрывных, контактных) двухкомпонентных необратимых номинациях жесткой структуры, то в фольклорных текстах эти биномы могут «размываться» за счет включения между их компонентами разного рода согласованных и несогласованных определений или вставки союзов, предлогов, местоимений и других единиц, в том числе предикатов. Поэтому собственно двучленные (редко трехчленные, например *ум-разум-розмысел*) номинации в большинстве случаев должны реконструироваться из более широкого контекста, и только в результате такой реконструкции могут быть установлены их исходная структура, синтаксические характеристики и семантика.

Например, бином *дом-жирушка* реконструируется на основе следующих контекстов: *я во свой да дом-крестьянску пойду жирушку* 294:763⁸; (отпускают) *по своим домам крестьянским по жирушкам* 356:388; *в свой да дом-крестьянскую во жирушку* 408:22; *ты придешь в дом-крестьянскую ведь жирушку* 308:315 и т. п. В данном случае исходный бином *дом-жирушка* может быть квалифицирован либо как словосочетание с приложением (аппозитивное словосочетание), либо как тавтологическое словосочетание в зависимости от того, какое значение (синонимичное слову *дом* или уточняющее) приписывать слову *жирушка*. В СРНГ это слово документировано только данными олонецких говоров в значении ‘жизнь, житье’ и текстами Барсова – в значении ‘жилое помещение, изба’, ср. также арханг., волог. *жира* ‘жилое помещение, дом, изба’ [СРНГ 9: 187, 181]⁹; при этом каждый компонент составной номинации склоняется и имеет автономное согласование с определениями (*свой дом*, *по крестьянскую жирушку*).

Диффузности и размытости составных номинаций способствует также то, что один из компонентов сложения может представлять собой не единичное слово, а устойчивое словосочетание, например, *брат сдвуродимый* ‘двоюродный брат’ в составной номинации *свет-брат сдвуродимы / светов-братьев сдвуродимых*

⁸ Здесь и далее в разделе I цифры при примерах означают: первая – страницу, вторая – номер стиха в свадебных причитаниях [Барсов 1997/2].

⁹ В словаре архангельских говоров слово *жирушка* не отмечено в «предметно-локативном» значении, а толкуется только в абстрактных категориях: ‘условия жизни, существования’, ‘образ жизни, жизненный уклад’, ‘совокупность всего пережитого’, хотя у производящего для него слова *жира* такие значения (‘жилье’, ‘жилое строение, дом’) фиксируются, хотя и не на первых позициях [АОС 14: 124–125, 143].

470:120; ср. еще *любущика-сестрица сдвуродимая / сади* (т. е. сажай) *любущек-сестриц да сдвуродимых* 441:28. Необходимо еще считаться с тем, что орфография составных номинаций в фольклорных записях в еще большей степени, чем орфография подобных конструкций в литературном языке и записях разговорной речи, условна и произвольна: наличие или отсутствие дефиса отражает только интерпретацию собирателя или публикатора и не может служить критерием разграничения типов составных номинаций.

Таким образом, диффузность составных номинаций проявляется не только в отношении их структуры (ее размытости и проницаемости), но и в отношении их принадлежности к тому или иному типу составных номинаций.

Далее в разделе I мы подробнее рассмотрим составные номинации в тексте **свадебных причитаний** из сборника Барсова [Барсов 1997/2]. Во многих лингвистических и фольклористических работах речь идет только или преимущественно о субстантивных составных номинациях, и лишь в редких случаях обращается внимание также на глагольные, адъективные и адвербиальные биномы. В нашем материале сплошной просмотр такого рода номинаций также показал значительное преобладание субстантивных конструкций. Количественное соотношение инвентаря биномов разных типов приблизительно следующее: субстантивных – более 80, глагольных – не менее 60, адъективных – более 40, адвербиальных и прочих неизменяемых – 25.

I. Типы составных номинаций (биномов) и их лексикологический статус

1. Субстантивные составные номинации

1.1. Сложные слова. Среди субстантивных составных номинаций к сложным словам могут быть условно отнесены лишь некоторые, и в первую очередь сочетания с первыми элементами *свет*¹⁰ (*свет-братец*, *свет-воля*) и *друг*- (*друг-подружка*). Их

¹⁰ Образования с компонентом *свет*, насколько мне известно, не были до сих пор предметом специального анализа. В Словаре современного русского литературного языка слову *свет* дается такое толкование: «Свет. 8. *народно-поэт.* Ласковое, приветливое обращение к кому-либо. *Да полно, знаешь ли ты эту, свет, работу?* Крыл.

принадлежность к категории сложных слов подтверждается контекстами, в которых первый компонент этих сложений остается несклоняемым:

свет-батюшко / спасет Бог да свет-надёжа сударь-батюшко 442:13;
свет-надёжу-то дари да родна батюшка 470:122
свет-братец / спаси Господи мой свет-брatца родимого 319:16; за твоим да свет-то братцем богоданным 478:39
свет-Микола Угодник / я Миколe свет-Угоднику (молилась) 419:103
свет-желаньице / на твоeм да свет-великом на желаньице 338:4
свет-нешутушка¹¹ / свет-ветляная¹² нешутушка! 478:45; свет-ветлянy тy нешутушкy 478:49
свет-волюшка¹³ / изукрашy свет-бесценнy свою волюшкy 473:269
свет-воля / опустили свет-бажёнy волю вольнyю 463:216
свет-головушка / разгневила свет-надежнyю головушкy 329: 56
свет-голубушка / столько думать, свет-голубушка 419:120
свет-(крестово) дитятко / ты послушай, свет-крестово мое дитятко 336:1; слушай, свет-крестово мое дитятко 337:46; ты послушай, свет-сердечно мило дитятко 444:1
свет-желаньице / не утай – скажи, велико свет-желаньице 429:156
свет-(скаченная) жемчуженка / я прошу да вас, скачены свет-жемчуженки, 323:40; ты послушай, свет-скачёная жемчужинка 410:69, 411:144; уж как ты, да свет-скачёная жемчужинка 413:223

Щука и Кот. <...> Мой свет, свет мой. *Свет мой, зеркальце, скажи! Да всю правду доложи.* Пушк. Ск. о мертв. царевне <...> В сочетании с собственным именем (иногда с отчеством). *Робеет она тебя, свет Натальюшка.* А.Н.Толст. Петр I. <...> ~ Свет очей (чьих-либо, свет жизни (чьей-либо). Устар. О дорогом, любимом существе» [ССР-ЛЯ 13: 326]. В СРНГ также *свет* толкуется только как «ласковое обращение к кому-л.» или как «обращение священника к мирянину» [СРНГ 36: 253–254].

¹¹ *Нешутка, нешутушка* в олонецких говорах ‘невестка’ [СРНГ 21: 211], документируется только текстами Барсова. Об этимологии см. [Сурикова 2019а: 344–345].

¹² *Ветляный* – в обращении: ‘милый, любезный’ [СРНГ 4: 196].

¹³ *Воля, волюшка* в севернорусских говорах ‘девичий головной убор в виде широкой ленты’ [СРНГ 5: 88], символ девичества и одно из ключевых понятий традиционного свадебного дискурса [Гура 2012: 604–612].

- свет-(крестова) матушка / свет-придрока¹⁴ родна матушка 424:9;
я прошу да свет-крестову тебя матушку 432: 283; ты послушай,
свет-крестова моя матушка 432:302; мою милую крестовую
свет-матушку 470:115; всё идет свет-родна матушка 480:14;
изменят да свет-то-матушка 480:18
- свет-молодушка / свет-молодушка разумная 479:83
- свет-невольница / вы простите свет-невольницу 458:24; 459:37
- свет-нешутушка / вы послушайте, ветляны свет-нешутушки 412:158
- свет-подружка / ты послушай, свет-советна дружна подружка 370:2
- свет-правоплечничек¹⁵ / свет-любимы правоплечнички 426:25
- свет-родители / вы послушайте, желанны свет-родители 323:1;
спамячу желанных свет-родителей 350:87; ко твоим милым
желанным свет-родителям 364:123; говорила тут желанным свет-
родителям 365:128; ты просись да у желанных свет-родителей
374:148; свет-родители на нас да налюбуются 415:316; у своих
желанных свет-родителей 422:50; тебя стритят свет-желанныи
родители 436:72; я при милых при желанных свет-родителях
437:23; свет-желанныи родители 458:48; у моих свет-у родителей
458:58; поразжалюсь, дочь-невольница, свет-желанны, вам,
родители 459:67-68; на крылечушке желанны свет-родители
460:97, 102; призову ж да свет-желанных я родителей 472:227;
вы надсмешнички, желанны свет-родители 472:229; сподманули,
свет-желанны вы родители 473:248
- свет-родитель батюшка / у родителя проси да свет у батюшки
374:151; унимашь же ты, родитель-свет ведь батюшко 473:240
- свет-родитель матушка / ты послушай, свет-родитель родна матушка
345:97, 346:12; уж ты слушай, свет-родитель моя матушка
346:1; у родителя проси да свет у матушки 374:159; говорила
свет-родитель моя матушка 421:37; свет-желанну же родитель
мою матушку 470:126;
- свет-сестрица (сдвуродимая) / свет ко любушке-сестрице
сдвуродимой 323:6; ты послушай, свет-сестрича сдвуродимая
327:94; 328:11, 328:127; 329:51; 330:84; 331:24; вашей любушки
сестрицы-свет родимой 342:82; 399:51, 63; 400:82, 97; 407:310

¹⁴ По данным СРНГ, слово *придрока*, известное только из текстов Барсова, имеет значение ‘нежная забота, ласковый уход за кем-л.’ [СРНГ 31: 195] и, следовательно, здесь выступает как приложение.

¹⁵ *Правоплечничек* – ‘помощник, правая рука’ [СРНГ 31: 60], документируется только олонекскими говорами.

свет-совет-подружка / ты послушай, свет-совет да дружна подружка
374:142
свет-соседушки / вы простите свет-невольницу, свет-споряднии
суседушки 459:31
свет-старички / старички да свет-почтеннии 459:45
свет-суседи / свет-суседи спорядовыи 475:8
свет-старичок / старички да свет-почтеннии 459:45
сестрица-свет / ты послушай же, сестрица-свет родимая 414:268;
честно приняла сестрича-свет любимая 413:212.

Во всех приведенных примерах первый компонент составной номинации имеет неизменяемую (несклоняемую) форму *свет*, выступающую по существу в функции квази-префикса. Это заставляет считать их цельнооформленными сложными словами, несмотря на то, что компоненты подобного типа не соединены жесткой связью и обладают определенной синтаксической свободой как в отношении порядка следования, так и в отношении автономного согласования с другими согласованными и несогласованными распространителями. Например, для фразы *у родителя проси да свет у батюшки* реконструируется «каноническая» исходная форма *свет-родитель батюшка*, которая имеет схему $X + Y + Z$, тогда как реальная текстовая форма имеет схему $\text{ргаер.} + Y + \text{verbum} + \text{conj.} + X + \text{ргаер.} + Z$. Один компонент составной номинации может быть отделен от другого даже несколькими строками: *И ты, родитель моя матушка, / И ты похвастала б – да нечем, / И ты бы красилась – да не во чем, / И ты обула бы – да нечего! / И ты послушай, свет-родимая ...* 480:18 (исходная структура: *свет-родитель-матушка*).

Наряду с такими составными номинациями с неизменяемым первым членом *свет* в текстах причитаний широко употребительны двучленные конструкции, в которых, однако, этот первый компонент склоняется, что, согласно принятым критериям, по существу переводит эти конструкции в другой тип, в разряд словосочетаний.

Вот примеры:

свет-брат сдвуродимы / светов-братьев сдвуродимых 470:120
свет-братец / на утеху светам-братьицам родимым 291:650;
говорили светы-братьица родимыи 305:171; светов-братьицев
родимых 320:29; да света-братца сдвуродимого 323:19; вы
сердечны светы-братьица родимыи 340:30; светы-братьица
родимыи 341:38; светы-братьица родимыи 344:85; на обиду

светам-братьям родимым 354:287; как твои да светы-братья родимы (ринулись) 374:171; воскликни да света-брата жалобненько 379:45; то страшат да светы-братцы богоданни 431:239

свет-родитель матушка / у моей света-родителя у матушки 440:3, 11

светы-родители / у моих светов-родителей 279:80; (не гневаюсь) на вас, светы-желанный родители 280:159; светам-желанным родителям 281:196; во своих светах-желанных родителях 283:258; мои светы-желанный родители 287:439; у моих светов-желанных родителей 299:1008; попрошу светов-желанных родителей 300:104; без своих светов-желанных родителей 348:25; при твоих светах-желанных родителях 371:6; покорюсь светам-желанным родителям 386:54; мои светы-желанный родители 399:60; ко твоим светам-желанным родителям 401:13; от твоих светов-желанных от родителей 401:28; у своих светов-родителей 417:28; от моих светов-желанных родителей 433:310; у вас, светы-желанный родители 441:57; у вас, светы-желанный родители 441:57; со своим светам-желанным со родителям 453:9; вам, светам-желанным родителям 475:18; со светы-родители 481:53.

Так же, т. е. как склоняемый, ведет себя уменьшительный от *свет* первый компонент сложения *светушко*:

светушко-братец / светушку же братцу-то родимому 282:226; светов-братцев ли я да обесчестила 283:271; попрошу да светушков-братцев родимых 292:681; вы возьмите, светы-братья родимы 292:694; я ко светушкам, ко братцам-ясным соколам 293:722; ты со светушкамы-братьям родимым 304:166; я ко светушку ко братцу ко родимому 314:2; да светушков-братцев родимых 323:18; (дождалась) светушка да к сибиряку брата двуродимого 332:76; я со светушкама-братцам со родимыма 333:11; ты не (отдай) светушкам-то братцам-ясным соколам 353:248; отыщи да светушка-брата родимого 357:430; все рубит дровча ведь, светушко, частенько, И колет дровечки он, братец, все маленько! 364:117–118; твоих светушков-то братцев названных 368:303; печальной светушко-братец родимой 368:306; светушков-братцев проси себе любимых 374:157; я без светушка без брата без родимого 374:180; И спамяти да светушка-брата родимого 379:43; моих милых

светушков-братцев родимых (снарядите) 387:58; с светушком-братцем ведь ты да все разъезживать 390:88; покорюсь да светушкам-братцам родимым 396:153, 155; покорюсь да светушку-братцу родимому 409:21; сиде светушко-то братец ко мне родной 411:114; мне-ка мила светушка-братца родимого 411:127; милы светушки-братцы родимыи 412:160; светушком-братцем она да величала 413:217; я на светушка на братца на родимого (прогляжу) 414:247; столько умной светушко-братец родимой 414:266; ты на светушка на братца на родимого 415:305; Светушки-братцы родимыи 426:28; светушков-братцев родимых 427:45; я тоби да светушку-братцу родимому (покорюсь) 434:15; на светушка на братца на родимого 436:93; светушков-братцев приездных сдвуродимых 441:29; как сестрица светушку-братцу родимому 439:86; моих милых светушков-братцев родимых 470:119

воля-светушко / воля-дённой мой прости да белой светушко 461:123
свет-светушко / вы увидите, сдовольны светы-светушки 340:36.

Если не считать общеизвестного сложения *жар-птица* (*быдто жар-птица во клетку посажённая* 297:904), то остается упомянуть еще один случай, который может быть условно квалифицирован как сложное слово, – биномы с первым неизменяемым членом *друг* и *друг-совет*. Они немногочисленны и могут быть отнесены к типу редуPLICATION (или частичных тавтологий):

друг-подружка / милы друг-советны мои подружки 316:9; друг-советны милы подружки 317:67; друг-советных милых подружек 321:27; друг-советны милы подружки 324:50; я тоби, да друг-советной милой подружке 347:9, 348:62; подойти да к друг-советной милой подружке 348:3; слушай, друг-советна дружна подружка 348:13, 22; 349:46; всё к тебе, да друг-советна мила подружка 350:118; на тебя, да друг-советну милу подружку 351:130; ко тоби, да друг-советной милой подружке 352:169; друг-советна мила подружка 353:219; 354:296; ты послушай, друг-советна мила подружка 367:248; 368:263; 369:338; мои милы друг-советны эты подружки 380:16; поспешитесь, друг-советны милы подружки 424:83; друг-советным милым подружкам 424:2; друг-советны дружны подружки 426:26; памяти, да друг-советна прежняя подружка 450:38; И спасет Бог, да друг-советна мила подружка 453:1; вы простите свет-невольницу И друг-советны милы подружки

458:24–25; моих милых друг-советных этих подружек 469:90;
 моих милых друг-советных дари подружек 470:131
 друг-совет-подружка / ты послушай, друг-совет да мила подружка
 371:44; 356:278.

Нельзя не заметить, что в первой группе примеров устойчиво присутствует определение *советна* к опорному слову *подружка*, так что можно подумать, что исходным является не субстантивный бином *друг-подружка* (с адъективным распространителем *советны*), а адъективный бином *друг-советна*. Однако первая трактовка кажется предпочтительней, поскольку среди адъективных биномов сложные слова очень редки, тогда как в субстантивных конструкциях с инкорпорированным прилагательным они очень распространены. Еще одна возможность – считать словосочетание *советна подружка* устойчивой двухсловной номинацией (типа *красная девица*, *добрый молодец* и т. п.).

Любопытный пример сложения с несклоняемым первым элементом представляет собой номинация *родитель-матушка*, в которой структура номинации неустойчива: в большей части случаев *родитель* не склоняется (тем более что в основном это сложение выступает в функции обращения), но отмечаются и склоняемые формы:

родитель матушка / у моей да у родителя у матушки 279:90; на свою да на родитель-родну матушку 280:144; (выкликал) возлюбльничку¹⁶ родитель, тебя, матушку 281:181; у моей же у родителя-у матушки 284:314; (не судачь же ты) на родитель-свою матушку 307:297; попеняю, красна девица, я, родитель тебе матушка 322:66-67; у тебя, родитель-моя матушка 346:7; как желанна бы родитель была матушка 350:90; как послы своей родителя я-матушки 352:204; ты проси да у родителя-у матушки 374:164; без своей да родителя-без матушки 374:178; у родителя-у матушки 451:52; уговаривать, родитель, слёзно, матушка 473:241 (полный список см. ниже).

Эта неустойчивость делает неопределенным тип сложения и соответственно стирает границу между сложными словами

¹⁶ *Возлюбльничка* – слово отсутствует в СРНГ, но его значение восстанавливается из онеж. *возлюблькатъ* ‘вынянчить’ [СРНГ 5: 26] как эпитет матери ‘пестунья, выпестовавшая’.

и словосочетаниями с приложением. Этой неустойчивости способствует то, что соответствующие номинации, относящиеся к родителю-отцу, всегда склоняются:

родитель-батюшка / у моего родителя у батюшки 279:94; желанному родителю-то-батюшке 280:123; принести покор родителю-то батюшку 307:280.

Не вполне ясен статус сложения *искат-гора* ‘крутая гора’ (на *искат-горах*, *голубушко*, *катаючи* 347:46), поскольку отдельного слова *искат* в словарях как будто не засвидетельствовано, но есть производное от него прилагательное *искатный* ‘крутой (о горе)’, документированное в СРНГ онежскими говорами и текстами Барсова и Гильфердинга. Если это сложение двух самостоятельных слов, то это сложное слово (первая часть его неизменна); если же первый компонент сложения – сокращенное (усеченное) прилагательное, то это сложносокращенное слово.

1.2. Аппозитивные сложения (сочетания с приложением).

Самая большая часть составных номинаций субстантивного типа представляет собой словосочетания с приложением, в которых атрибутивный компонент может занимать как первую (*кормилец-батюшко*), так и вторую (*девушки-подружки*) позицию, а в семантическом отношении может служить видовым уточнением к родовому названию (*родитель-матушка*), оценочным эпитетом (*горюха-сирота*, *тетушка-добротушка*, *дочь-невольница*) или функциональным определителем (*хозяин-батюшко*). Преобладают в этих составных номинациях типичные для языка фольклора эмоциональные и оценочные эпитеты. Нужно, однако, заметить, что в подобных сложениях не всегда однозначно определяется главный (опорный) и подчиненный член (Д. Вайс называет их хозяином и слугой [Вайс 2000]) и соответственно направление подчинительной связи. Так, в случае *вагон-ресторан* «хозяином» безусловно является *вагон*, а «слугой», т. е. функциональным определением, – *ресторан*, а в сложении *хозяин-батюшка* в принципе отношения управления обратимы и зависят от семантических акцентов: речь может идти как о хозяине, в роли которого выступает батюшка, так и о батюшке, который получает определение *хозяин*. Приводим перечень номинаций этого типа:

братец-красно солнышко / спасет Бог да тебя братец-красно солнышко 332:46; у тебя да братец-красно мое солнышко 332:53; 332:56; сидит да братец-красно мое солнышко 408:7; не забудь да братец-красно мое солнышко 409:34; заходи да братец-красно мое солнышко 413:201; ты послушай, братец-красно мое солнышко 415:322; у тебя ж, да братец-красно мое солнышко 437:21; ко тоби ж, да братец-красно мое солнышко 438:67

братец-светушко / да ты, братец мой-белой денной светушко 436:66

братец-ясны сокол / братцы-ясны соколы 317:65; у ясна братца-сокола 315:43; чела тысяща ведь братцев-ясных соколов 469:93; я зглянула как на братцев-ясных соколов 345:108; у братцев-ясных соколов 457:5-6; шестьдесят братьев да ясных буде соколов 407:315

бурлак-детина / твои очи, у бурлака – ясна сокола, И твои брови, у детины – черна соболя 449:18–19

воля-красное солнышко / воля-красное прости да меня солнышко 461:122

воскормитель-батюшко / воскормитель-родной батюшко 424:8; воскормителю-надёже свету-батюшку 282:215

голубушка-сестра / со голубушкам милым сестрам 482:10

горюха-сирота / мне горюхе-бедной сироте 482:13

девушки-подружки / пусть-ко девушки ведь косу уплетают, пусть-ко подружки во ленты убирают 388:24–25

добротушка-тетушка / ко добротушкам-желанным родным тетушкам 324:85; добротушку-желанну себе тетушку 334:5

дом-воля / мне-ка свой да дом-своя воля у желанных свет-родителей 457:4–5

дочь-девица / нынь пройду, дочи невольна красна дёвича 475:26

дочь- (красна) девушка / дочи-невольна красна девушка 318:98; заплачу ж, дочи-невольна красна девушка, 424:78; подношусь, дочи-невольна красна девушка 449:13; нонь пойду, дочи-невольна красна девушка 452:1; нонь пойду ж, дочи-невольна красна девушка 456:63; покуплюсь, да дочь-невольна красна девушка 460:91

дочь-невольница / я увидла, дочь-невольница, обзорила 346:1; 358:1; 322:47, 56, 61; не знаю, дочь-невольница, не ведаю 408:27; взвеселейся, дочь-невольница, 420:159; 425:3; вижу-смичу, догадаюсь, дочь-невольница 449:4; прохожу, дочи-невольница 457:15; я пройду ж, дочи-невольница 457:35

душа¹⁷- красна девица / нагуляйся ты душа да красна девица 315:41; ох, раздумаюсь, невольница, я душа да красна девица 321:34; прозабыла я, душа да красна девица 370:10; ты послушай же, душа да красна девица, 450:36; скажи ты, красна душа-девица; изукрашен мой зелёной сад, и сад куницама-лисицама, и душмы-красныма девицама 458:16–18

душа- красна девушка / (изживаєте) душу-красну столько девушку 283:274; на весельице души да красной девушки 291: 651; я сама пойду, душа да красна девушка 294:762; не садись же ты, душа да красна девушка 296:868; подневольная душа да красна девушка 313:15; с душой-красной этой девушкой 315:15; не тоскуй же ты душа да красна девушка 317:42; (говорил) мне-кова, души да красной девушке 325:88; спамытите-тко, души да красны девушки 340:8; я, обидная душа да красна девушка 348:2; вси в собраньице души е красны девушки 350:101, 115; душа я-красна девушка 352:178; подобрал себе душу да красну девушку 355:302; мы обстанем, души-красны кругом девушки 355:312; я слыхала ведь, душа да красна девушка 366:202; мне не надобно, души да красной девушке 372:57, 77; не годится мне, душе да красной девушке 373:116; я отвитила, душа да красна девушка 373:127; на тебя, да душу-красную ведь девушку 385:12; подневольная душа да красна девушка 401:47, 73, 91, 407:310; души-красныи вы девушки 427:67; вы скажите-тко, души да красны девушки 429:141; ты гуляй да душа-красна моя девушка 450:49; мы ходили как, души да красны девушки 454:41

душа-подружка / я ко этым душам да дружным подружкам 429:138
злодеи-чужие люди / про злодиев-то чужих людей 484:74

злодей-больший сват / как лукав, лукав да злодей-больший сват 471:181
злодей рассказ¹⁸-сват большой / про злодиев-то рассказов-сватов больших 284:319; до злодиев-то рассказов-сватов больших 297:891

¹⁷ Биномы со словом *душа*, хотя и представляют собой конструкции с двумя склоняемыми членами, очень близки к рассмотренным выше сочетаниям с компонентом *свет*, поскольку *душа*, как и *свет*, употребляется в виде дружеского обращения (ср. *душа моя* или *душенька*), и в случае номинативного употребления сохраняет свое позитивное оценочное значение.

¹⁸ Слово *рассказ* в значении 'старший (большой) сват' засвидетельствовано только в олонецких говорах: «Рóсказ 1. В свадебном

злодей-сват большой / уж как этим злодиям-сватам большим 284:322; принаехали злодии-сваты большие 382:55; ты от этого злодия-свата большого 428:107; уже ждешь в гости злодиев-сватов больших 430:175; вы идите-тко, пожалуста, все злодеи-сваты большие 457:11–12; всё злодию-свату большому 457:31; всё пугается злодея-свата большого 462:200; запустили в дом злодиев-сватов больших 464:19

зло-неволище / всё страшится зла-великого неволища 462:201

любушка-сестрица (сдвуродимая) / мы ко любушкам-сестрицам сдвуродимым 324:84; ко любушке-сестрице сдвуродимой 325:9; слушай, любушка-сестрица сдвуродимая 327:77; любушку-сестричу сдвуродимую 331:14; здесь у любушки-сестрицы сдвуродимой 333:5; своей любушке сестрице сдвуродимой 333:17; (не было) ни любушек-сестриц да сдвуродимых 361:101; слушай, любушка-сестрича сдвуродимая 400:6; твоей любушки-сестрицы сдвуродимой 403:134; меня любушка-сестрица принимала 413:237; меня, любушку-сестрицу-то родимую 436:89; сади любушек-сестриц да сдвуродимых 441:28; моих любушек-сестриц да сдвуродимых 470:113

любушка-сестричушка / без любушки-сестричушка (sic) родимой 436:79

матушка-елиночка / уж ты матушка-зеленая елиночка 393:42

матушка-сыра земля / не стонет ли то матушка-сыра земля 294:766; подойми (его) да ты от матушки-сырой земли 356:371; он плевать да стал на матушку-сыру землю 374:139; из-под матушки-сыры земли 483:37

мужикище-грубиянище / мужикища-то наедут грубиянищи 444:64

надёжа-свет батюшка / у надёжи света-батюшки 417:29; у надёжи света-батюшки 451:53; выкликал да он надёжу света-батюшка 281:180

обряде – старший (большой) сват, который руководит свадебной церемонией со дня обручения до конца свадьбы» [СРНГ 35: 192]. В текстах свадебных причитаний Барсова устойчивая составная номинация *злодей рассказ-сват большой* представляет собой конструкцию из опорного слова *рассказ* и двух приложений – в препозиции оценочного *злодей* и в постпозиции – терминологического уточнения *сват большой*. Вариантами этой «полной» номинации могут быть сокращенные конструкции без слова *рассказ* или с изменением порядка слов, как видно из следующих примеров.

надёжа сударь-батюшка / и отвечат ему надёжа сударь-батюшка 282:219; я прошу тебя, надёжа-сударь батюшка 323:9
надсмешничка-сестрица сдвуродимая / ты надсмешничка-сестрица сдвуродимая, ты с подману взяла вольну мою волюшку 333:18
неволище-чужа сторона / про неволище-про чужую сторонушку 369:18;
остуда¹⁹-чужа сторона / про остуду-чужу сторону 290:586; увезите от остуды-чужей стороны 292:690; столько жить да на остуды-чужой стороны 298:940; как на этой на остуды-чужой стороны 328:16; про остуду-чужу сторону 329:25; не радио на остуду-чужу сторону 330:103; мимо эту остуду-чужу сторону 344:77; устрашилася остуды-чужой стороны 344:83; на остуды-чужей стороны сбывается 346:28; применись также к остуды-чужой стороны 353:220; остуды-чужей стороны 354:267; про остуду-чужу сторону 358:459; про остуду-чужу сторону розжалилась 360:61; быди проклята остуда-чужа сторона 405:231; буди проклята остуда-чужа сторона 414:256; все страшится-то остуды-чужой стороны! 431:251; со этой остуды-чужой стороны 438:63
остудник-блад отечский сын / что засуливал остудник-блад отечской сын 281:195; не похващаешь, остудник-блад отечский сын 317:52; 339:62; 354:298; 355:330; 360:57; 365:163, 172; 366:207, 222; 367:245; остудника-блада сына пугается 317:37; от остудника-блада сына отечского 368:279, 391:156; остудник-блад отечской сын 391:156
остудник-блад сын отечской / со остудником-бладым сыном отечским 337:41; про остудника-блада сына отечского 358:460; за остудником-бладым сыном отеческим 410:72
остудник-чужанин / у тебя, да у остудника-чужанина 317:57; не допустим мы остудника-чужанина 444:9;
остудник-чужанник / я не сдамся-тко остуднику-чужаннику 462:169

¹⁹ Слово *остуда* как дериват глагола *(о)студить* в рус. диалектах известно в значениях: 'простуда', 'прохлада', 'охлаждение, размолвка, ссора', 'неприятность', 'стыд, позор', 'отказ' и только в олонецких говорах (по данным СРНГ со ссылкой на Барсова) употребляется как негативная характеристика в значении 'чуждый, враждебный', ср. также *остудник* 'чужак, неприятель, враг', *остудный* 'неприятный, злой, враждебный' [СРНГ 24: 92–93]. В русских говорах Карелии *остуда* и *остудна* 1. 'холод, стужа', 2. 'о чужой стороне', 3. 'беда, несчастье', 4. 'осуждение, стыд', 5. 'колдовство, приговор', *остудник* 'жених в свадебных приговорах' [СРГК 4: 265–266].

- остудничек блад сын / про остудничка ведь есть да про блада сына 284:320
- остудничек-блад отечский сын / остудничек плывет да блад отечской сын 366:193; то остудничек плывет да блад отечской сын 431:253; и все остудничек страшит да блад отечской сын 452:31
- остудничек-блад сын отечской / я с остудничком-бладым сыном отечским 319:5; про остудничка-блада сына отечского 329:26; от остудничка-блада сына отечского 407:317; от остудничка-блада сына отечского 408:25
- остудничек-богатина / он богат, скажут, остудничек-богатина 361:86
- остудничек-чужанничек / испугался я остудничка-чужанничка 281:17; про этого остудничка-чужанничка 354:273; 356:345; как у этого остудничка-чужанничка 361:81; 361:105;
- остудушка-чужа сторона / то остудушка стоит да чужа сторона 431:237; остудушка-чужа сторона 452:30
- остудушка-чужа(я) сторонушка / про остудушку, про чужую сторонушку 304:129; про остудушку про чужу про сторонушку 400:103; от остудушки от чужой от сторонушки 407:318; про остудушку про чужу про сторонушку 407:4; от остудушки от чужей от сторонушки 428:105
- придрока²⁰-матушка / у придроки-родной матушки 417:30
- поп-отец / не попам-отцам, ведь сад, да не духовным (помешал) 285:379; попы-отцы духовныи 368:272; там не служат-то попы-отцы духовныи 381:29; я попом-отцем духовным обвенчана 410:74
- придрокушка-матушка / у придрокушки-желанной в доме матушки 442:85
- прогулушка-уличка / по прогулушке по широкой по уличке 460:86; со прогулушки со широкой со улички 460:111
- подмога-дарево²¹ / на твоей же на подмоге-честном дареве (спасет Бог) 453:2
- раздолье-чисто полюшко²² / среди да там раздолья-чиста полюшка 403:118

²⁰ Придрока – ‘нежная забота, ласковый уход за кем-л.’ [СРНГ 31: 195, со ссылкой на Барсова].

²¹ Дарево – ‘подарки’. СРНГ [7: 273] приводит в качестве заглавного слова форму множ. числа и документирует слово олонекскими записями Гильфердинга.

²² Чисто поле – устойчивое словосочетание, по крайней мере в поэтическом контексте.

раздольице-чисто полюшко / по раздольицу по чистому там
 полюшко 329:38; на роздольице вы, светы, на большом поле
 341:44; я раздольицем с тобой-да чистым полюшком (ехала)
 353:239; да ты выдь-ко во раздольице – в чисто поле 308: 346

родитель-батюшка / у моего родителя у батюшки 279:94; желанному
 родителю-то-батюшке 280:123; принести покор родителю-то
 батюшку 307:280

родитель-красно солнышко / ты гневён-гневён, родитель красно
 солнышко; 314:58; у меня ж, моя родитель-красно солнышко,
 крепко обмерло ретивое сердечушко 345:113

родитель-матушка / у моей да у родителя у матушки 279:90; (гляжу)
 на свою да на родитель-родну матушку 280:144; (выкликал)
 возлюбльничку родитель, тебя, матушку 281:181; у моей же
 у родителя-у матушки 284:314; ты послушай же, родитель-
 родна матушка 281:191; (не судачь же ты) на родитель-свою
 матушку 307:297; спацлива родитель-родна матушка 320:27;
 ты, родитель-моя матушка 322:36; на родитель-свою матушку
 322:62; попеняю, красна девича, я, родитель тебе матушка
 322:66-67; и ты, придрокушка родитель-матушка 323:3;
 родитель-родна матушка 323:21; родитель-родна матушка
 323:28; я еще прошу родитель тебя матушка 323:35; моя
 родитель-родна матушка 343:7; у тебя, родитель-моя матушка
 346:7; как желанна бы родитель была матушка 350:90; как
 послы своей родителя я-матушки 352:204; ты проси да у
 родителя-у матушки 374:164; без своей да родителя-без
 матушки 374:178; ты послушай же, родитель-моя матушка
 376:27; моя родитель-родна матушка 376:43; 380:21; подойди
 ж, моя родитель-родна матушка 387:1; мы подумаем, родитель
 с тобой-матушка 387:17, 22; на печальную родитель меня-
 матушку (не гневайся) 392:196; не груби свою родитель-родну
 матушку 413:205; уже ты спала, родитель-моя матушка 423:31,
 47; на доспрос возьму родитель-свет я матушку 429:155²³; да
 ты ждешь к себе, родитель-родна матушка 430:174; говорит
 столько родитель-родна матушка 435:30; говорить стане
 родитель-наша матушка 435:43; у моей света-родителя у
 матушки 440:3, 11; говорит столько родитель-моя матушка
 441:15; погляжу, бедна родитель-родна матушка, 447:143;

²³ В данной составной номинации мы имеем дело с двумя несклоняемыми препозитивными приложениями – *родитель* и *свет*: *родитель-свет-матушка*.

у родителя-у матушки 451:52; уговаривать, родитель, слёзно, матушка 473:241

родитель-сударь-батюшка 323:16

рассказ-злодей-больший сват / догадливый рассказ да злодий-больший сват 281:201; не рассказа я злодия-свата большого 326:52; как найдет тут рассказ да злодий-больший сват 432:294, 298; и ты, рассказ да злодей-больший сват, истоптал да мой зелёной сад 466:27; рассказу-то злодею-свату большому 466:46; не бессудь да ты, рассказ да злодей-больший сват, 466:48

рассказ-сват большой / принаехали рассказы-сваты большие 278:47; со этим со рассказом-сватом большим 279:89; на этих рассказов-сватов больших 279:107; убоялася рассказов-сватов больших 281:172; рассказам-сватам большим 285:345; этим рассказам-сватам большим 285:383; тут пропустят-то рассказов-сватов больших 292:669; рассказы-сваты большие 326:44; как приедут то рассказы-сваты большие 339:61; от этого рассказа-свата большого 408:26; вас, рассказов-сватов больших (не боюсь) 457:3; запустили в дом рассказа-свата большого 471:190; унижаюсь-низко кланяюсь и я рассказу-свату большому, и то злодию супостату 465:5–7; столько этих рассказов-сватов больших 460:106; не поддамся я рассказу-свату большому 462:170 сватухи-наяныщи²⁴ / впереди да сватухи будут – наяныщи и мужикища-то наедут грубинищи 444:63.

Особого внимания заслуживает чрезвычайно частотная в текстах свадебных причитаний составная номинация *блад-сын отечский*, которую регулярно использует невеста для обозначения своего жениха. Слово *блад* – краткое прилагательное со значением ‘молодой’ с характерной для олонецких говоров меной губных *м > б*: на *бладой* на *головушке* 347:38, *блад светел месяц* 376:56 и т. п. (ср. олонец., вят. *бладенец* ‘младенец’ [СРНГ 2:310]). Строго говоря, такое словосочетание не является по своей структуре ни сложным словом (первый компонент склоняется), ни словосочетанием с приложением (определения не являются существительными), поскольку оно состоит из опорного слова *сын* и двух

²⁴ *Наяныщи* – слово отсутствует в СРНГ, но его значение может быть реконструировано на основе родственных слов: *наян* ‘нахал, наглец, бесстыжий человек’, *наянить* ‘назойливо приставать с просьбой’, ‘домогаться чего-л. без стеснения, попрошайничать’ [СРНГ 20: 308], ср. рус. карел. *наяниться* ‘важничать, куражиться. ломаться’ [СРГК 3: 401].

устойчивых определений – препозитивного (*блад*) и постпозитивного (*отечский*). Однако благодаря своему клишированному и терминологическому характеру и не вполне ясному статусу слова *блад*²⁵ оно оказывается близким к словосочетаниям с приложением:

блад-сын отечский / за тобой быть, за бладым сыном отечским 373:119;
ты ведь скуп взяла с блада сына отечского 383:121; от этого блада
сына отечского 428:106; со бладым сыном отечским 481:42.

Таким образом, граница между сложными словами и аппозитивными словосочетаниями (словосочетаниями с приложением) весьма подвижна. Составные конструкции, условно квалифицируемые как сложные слова (благодаря неизменяемости первого члена сочетаний), обнаруживают значительную диффузность своей структуры, что и приводит к нечеткости границ между ними и словосочетаниями с приложениями. Синтаксическая свобода перестановок, вставок и разрывов членов составных номинаций и иногда их неустойчивый морфологический статус поддерживают и усиливают тенденцию к изменямости (склонению) первых членов сложений, что также делает границу между двумя типами составных номинаций (сложными словами и аппозитивными словосочетаниями с приложениями) в значительной степени размытой.

1.3. Тавтологические сложения (формальные и семантические повторы). Эти два типа составных номинативных конструкций, в основе которых лежит повтор, особенно распространены в поэтическом языке, и прежде всего в языке фольклора [Евгеньева 1963: 254–297]. Тавтология в лексическом (формальном) смысле порождает номинации, в которых используется повтор одного и того же слова (*синий-синий, долго-долго*)²⁶ или сочетание однокоренных

²⁵ Ср. арханг. *блада*, которое приводится в архангельском областном словаре со знаком вопроса и снабжается примером *Он пить не пьют, за мной бладу шлёт* [АОС 2: 29], где *блада*, как и *блад*, может быть как существительным (субстантивированным прилагательным), так и кратким прилагательным.

²⁶ В субстантивных сложениях полный повтор как будто не используется, если не считать эмоциональных обращений, произносимых с особой (призывной или укоризненной) интонацией, типа *Тятя-тятя, наши сети притащили мертвеца* (у Пушкина: *Тятя! Тятя!*) или *Эх, Ваня-Ваня!* Ср., однако, выше сноску 3.

слов, т. е. неполная тавтология (*доля-долюшка, ум-разум*); тавтология в семантическом смысле порождает сочетание синонимов (*путь-дорога, пора-время*). Во всех случаях такие номинации относятся к одному денотату и семантически они равноправны (различаются лишь стилистически). Между компонентами таких сочетаний невозможно усмотреть ни подчинительной, ни сочинительной связи, тем не менее в поэтических текстах члены таких сложений нередко разделяются сочинительными союзами (чаще всего союзом *да*).

В языке свадебных причитаний к типу лексических (формальных) тавтологий, т. е. **полных или частичных редупликаций**, относятся:

воля-волюшка / дорога да эта воля-столько волюшка 311:475;
сберегать да мою волю столько-волюшку 327:103
место-местечко / не место тут ведь волюшке-не мистечко 294:755;
то не место мне-ка, волюшке, не мистечко 384:153, 166
сродец-сродничек / не спросила я у сродчев-милых сродничков
281:166; к себе зазвала я сродчев-милых сродничков 344:93;
росскажу да всим сродчам-милым сродничкам 431:226; сродчи-сроднички-то все да отпераются 431:229; сродчи-сроднички
ведь все да отшатились 432:291; как поведут сродчи-сроднички 458:50; при всех сродчах-милых сродничках 468:40;
наб задаривать ведь сродчев-милых сродничек 470:110
ум-разум / (я раздумаюсь) девочьим умом-разумом 278:33; умом-разумом смекать да во все стороны 289:542; ум тот-разум
во головушке глупёшенек 302:38; вы придайте ума-разума
в головушку 317:27; ты придай да ума-разума в головушку
328:133; ум-тот разум во головушке глупёшенек 328:24; не
хватило ума-разума в головушку 331:31; штобы свёл Господь
обычи умы-разумы 337:40; пораздумаюсь печальным умом-разумом 350:86; пороздумаюсь печальным умом-разумом 354:270; ты придай да ума-разума в головушку 359:23;
много ума надо разума в головушке, и много размыслу в
ретливое сердечушко 380:86-87; умом-разумом, лебедушко,
глупёшенька 396:144; ты придай да ума-разума в головушку
400:104; пораздумалась, печальна, умом-разумом 403:126; тут
роздумаюсь печальным умом-разумом 407:294; мне-ка придала
ума-разума в головушку 407:5; мне не по уму, мой светушко,
по разуму 409:64; я девочьим молодым да умом-разумом
(пороздумаюсь) 431:233; я девочьим умом да своим разумом

439:90; умом-разумом, голубошко, глупёшенька 445:48; умом-разумом, победна, несмекаешься 445:54; помешался ум же-разум во головушку 446:89; ума-разума детинушки срекались 449:28; умом-разумом во буйну во головушку 451:12; ты придай да ума-разума в головушку 452:26; ты подумай же умом да своим разумом 460:77; Ой, раздумаюсь, невольна красна девица, подневольным девочьим умом-разумом 461:137–138
чуж-чужбинничек / чуж сидит теперечко чужбинничек 326:46.

Более многочисленны семантические повторы, или **синонимические сложения**, отражающие потребность двойной номинации с целью усиления и, так сказать, объемности выражения, обнажения лежащих в основе лексических единиц мотиваций. Отношения между членами таких сложений весьма различны – от полного тождества (*краса-баса*) до метафорического сближения (*туман-слезы*) – и сами по себе заслуживают специального изучения.

баенка-умываленка / вы пожалуйста во парну эту баенку, вы во эту во белу в умываленку 363:46–47; во эту в теплу парную во баенку, во эту во белу умываленку 364:99–100; ты прости да тёлопарна меня баенка, ты прости да меня, бела умываленка 385:1–2

Бог-Господ / слава Богу-то теперь, да слава Господу 305:184; 332:74; 334:1

буря-падара²⁷ / буря-падара на синем море поднимется 379:53
время-час / скоро время ускоряется, скоро час да скоротается! 426:8–9
гордость-спесь / оставляй-ко, моя белая лебедушка, ты ведь гордость-спесь, голубушко, великую! 308:309–310

горе-обидушка / с горя выпьет да он чару зелена вина, и со обидушки, солдат, хмельных напитокков 358:454–455

гульбище-прокладбище²⁸ / мы ходили по гульбищам-по прокладбищам 416:335; на вешних гульбищах-на прокладбищах 450:44

²⁷ *Падара* в русских диалектах (главным образом северных) – 1. ‘ненастье, буря’, 2. ‘первый снег’, 3. ‘дерево, поваленное бурей’ [СРНГ 25: 118–119].

²⁸ *Прокладбище* (и *прокладнице*) – не вполне ясное слово, приводимое в СРНГ со знаком вопроса и документируемое текстами Барсова [СРНГ 32: 156]; скорее всего отражает фонетический переход *х* > *к* и может читаться как *прохладище* и пониматься как дериват глагола

- гульбищечко-прокладбище / походить стану, невольна красна девушка на гульбищечко ль, невольна, на прокладбище 338:18–19
- дом-жирушка / я во свой да дом-крестьянску пойду жирушку 294:763; как приду да в дом-крестьянскую во жирушку 298:959; ты придешь в дом-крестьянскую ведь жирушку 308:315; принесите в дом-крестьянску свою жирушку 341:41; 356:388; Не постановить да дом крестьянска наша жирушка 350:107; (отпускают) по своим домам крестьянским по жирушкам 356:388; мы во свой бы дом-крестьянскую во жирушку 379:38; во свой дом-во крестьянскую во жирушку (привезите) 387:73; в свой да дом-крестьянскую во жирушку 408:22; во свой да дом-крестьянскую во жирушку 444:10; во свой дом во крестьянскую во жирушку 461:155;
- дом-хоромное строеньице 341:75
- дороженька-тропиночка / вси знакомы ему малыи дороженьки, запримечены единыи тропиночки 390:112–113
- заступа-заборонушка / быдь заступой-заборонушкой 467:12; уже быдь да мне, невольнице, ты заступой-заборонушкой 478:42–43
- земля-сторонушка / ты с какой земли, солдатушка, с какой орды, ты с которой, солдат, е да со сторонушки 357:432–433
- зло-лихость / ты не злом меня, невольничу, не лихостью (вспомни) 333:97; вы не спомните невольницу, и вы не злом, меня, не лихостью 459:42
- именье-богачество / на што кинулась и бросилась иль на именье-на богачество 484:66–67
- имечко-честь / ты по имечке чести да по изотчине 356:373
- краса-баса / на красы-басы стоял да на угожестве 285:352
- народ-люди / вы послушайте, народ да люди добрыи 280:129; пораздвинутся народ да люди добрыи 292:668; штобы слышали народ да люди добрыи 323:14; поглядите -тко, народ да люди добрыи 336:12; много множество народу-людей добрых 342:8, 14; вы расстроньтесь-ко, народ да люди добрыи 362:16; вы послушайте, народ да люди добрыи 393:19; поглядите-тко,

прохлаждаться, т. е. проводить время в увеселениях и гуляньях. Ср. еще моск., влад., арханг. *проклад* 4. 'свободное от работы время' [СРНГ 32: 156], рус. карел. *проклад* 'о праздничной, хорошей одежде': Брошки, сережки досель держал молодой народ на вечеринки да на проклады [СРГК 5: 265] (из примера видно, что толкование, данное в слове, неверно).

- народ да люди добрыи 414:289; оглядитесь, народ да люди добрыи 433:320; с-за народу я теперь да людей добрых 434:1; поглядите-тко, народ да люди добрыи 436:90, 437:1; много множество народу-людей добрых 448:12; собрались народ да люди добрыи 448:20; И я на правеж вас, народ-люди, не выведу 448:31; при народе-людях добрых 468:39
- океан-море / ко славному оны да к океан-мору 423:53, 63; и куничею она да в океан-море 394:80
- океан-моряшко / приобъехали кеян да сине моряшко 357:397; к океан да ведь-ко синему ко моряшку 365:142; к океан она, девича, к синю моряшку (не ездила) 383:104
- поклон-челобитьице / мне воздать да поклон-низко челобитьице 362:33; И не воздаст мне-ка поклона-челобитьица 373:125; вам по низкому поклону-челобитьицу 443:28
- полы-мосты / налажены полы-мосты дубовыи 368:268
- пора-временчко / как до этой поры да было временчки 285:348, 384; как на ту пору, на тое было временчко 292:671; на ту пору ведь буде-тое времячко 294: 785; слободная досужна пора-временчко 304:142; погода ж этой поры да столько-временчка 305:198; как во ту пору, дитё, да в тое временчко 307:27; ты повыбери слободну пору-временчко 308:345; до этой поры-временчка 314:47; как во ту пору, мой свет, да в тое времячко 316:57; до этой поры-временчка 329:62; во ту пору, сестрича, в тое временчко 331:28; до поры-временчка 332:52; до этой поры-временчка 332:86; приходить стане рабоча пора-временчко 340:32; мни-ка не дана слободна пора-временчко 349:33; дала бы слободну пору-временчко 350:91; незадолго до поры да буде-временчка 355:336; на ту пору, советна, на то времячко 365:170, 366:186, 206; при последнем-то поры да, воля, временчки 386:36; што повыбрала слободну пору-временчко 387:12; нонь я выбрала досужну пору-временчко 388:3; как на ту пору, ведь светы, на то временчко 393:30; как до этой поры да было-временчки 415:331; Как допреж сего, до этой поры-временчки 429:145; как допреж сего, до этой поры-временчка 454:40; при последнем поры-временчке 457:43; как на ту ж пору теперь, да в тое времячко 463:207; все во ту пору было да в тое времячко 469:67; при последи же-теперь да поры-временчка 475:30
- придрока-приберега / на придроке у родителя у матушки, И в приберёге у родителя у батюшка 291:648–649
- прощенье-благословеньице / я с великиим прощеньем-бласловленьицем 336:13

путь-дороженька / край пути стоял ведь сад до край дороженьки 285:351; он которой придет путем-дороженькой 289:543; на пути да на широкой на дороженьке 292:697; 303:82; как идут да путем-широкой дороженькой 329:37; на пути стричу на широкой дороженьке 332:69; я повышла на путь-широку дороженьку 335:24; ты поди путем-широкою дороженькой 338:31; этой путем-широкой дороженькой 344:76; (ходили) путем-широкой дороженькой 348:59; не становись путем-широкой дороженькой 360:42; (не знает) проложить да путь-широкой дороженьки 367:223; пролегла же да путь-широка дороженька 371:9; как пойду я путем-широкой дороженькой 380:24; И путь-дороженька итти да не торнёшенька 381:22; приустала путём-широкой дороженькой 396:186; с дальной пути-широкой дороженьки 400:84; подолгу ты в пути-широкой дороженьке 400:93; как я ехала путь-широкой дороженькой 401:49; супротив ночи на путь иде дороженькой 403:128; я отправилась в путь-широку дороженьку 403:136; И обратись да со пути ты со дороженьки 403:140; я ехала путь-широкой дороженькой 404:173; ты ехала путь-широкой дороженькой 408:7; сожидала с пути-широкой дороженьки 408:16; дай вам Бог путем-дороженькой 424:1, 425:32; вам проехать путь-дороженьку 424:3; Во пути, светы, в дороженьке (не стойте) 425:45; в путь-широкую дороженьку 426:6; скличу подружек со пути-со дороженьки 447:143; при пути ж теперь, при широкой дороженьке 449:4; при пути ж да при ширóкой при дороженьке 453:2; по пути в дом по дороженьке 457:38; путь-дороженька сегодня неторнёшенька 460:74

путь-дорожка / в котору путь-дорожку удалятися 311:439; в котору путь-дорожку отряжаешь 353:243; я туды да путь-дорожку пролетала 367:235; тебя на пути ль-дорожке ль не честили 399:47; в путь-широку дорожку безызвестную 405:202; путь-до я туды да путь-дорожку пролетала 367:235; дальну путь-дорожку снаряжается 462:199; моя воля в путь-дорожку отправляется 466:56

речь-басни / спроста ричь-басни, сестрина, говорила 330:73; спроста ричь-басни, невольна, говорила 433:331; спроста ричь-басни у вас да говорили 454:56

речь-поговорюшка / да ричь-то у детины неумильная, и поговорюшка твоя не чваковитая! 456:58–59

род-племя / буде род-племя теперь да покорённое 289:556; буде род-племя твое да покорённое 296:876; ты ни роду не высказывай,

ни племени 308:343; много прибралось-то роду, много племени 312:485; ни с родом-то не взять воли, ни* с племенем 317:54; во моем-то роду да моем племени 317:60; много роду-то ведь было – много племени 329:58; как по роду бы то было да по племени 335:30; род-племя любимо сжаловались 343:25; отрекнулись, видно, род-племя любимое 358:443; видно, не было ведь роду у тя-племени 361:100; не про род-племя топила я любимое 373:135; И теперь вси вкупе ведь род-племя любимое 378:16; как у нас да во роду же е во племени 387:20; надо подчивать весь род-племя любимое 392:203; все прибрано да ведь род-племя любимое 401:21; ты объехала ведь род-племя любимое 406:248; соберется много роду, много племени 407:312; теперь род-племя любимо отрекнулись 432:290; сади род-племя, голубушко, любимой 441:23; И мое род-племя любимое 458:49; полороты мое род-племя любимое 463:214; много роду у меня да много племени 469:84; наб дарить да мое род-племя любимое 470:109; показать да всему роду-столько племени 474:20; родом-племенем я сведена 478:35

страсть-переполох / с этой страсти-то, мой свет, да с переполоху 379:68
страсть-ужасть / ради страсти тут она да ради ужаста 355:343
талан-участь / штоб дал Господь талану тебе-участи 312:494; я таланом наделяю тебя-участью 336:8; штобы дал Господь талану теби-участи 337:42; наделите-тко, пожалуста, Вы таланом меня участью 481:32

тоска-досада / все до́лит тоска-великая кручинушка 302:33; со тоски да моя волюшка кидалася, со досады моя волюшка бросалась 386:35–36

тоска-кручинушка / все до́лит тоска-великая кручинушка 302:33
трудничка-роботничка / знать не трудничка была вам, не роботничка 283: 281; это трудничка идё моя, роботничка 305:188

туман-слезы / скрозь туман-слезы, невольнича, горячи 346:2
участь-талан / меня участью-таланом наделяете 320:37; меня участью-таланом наделяла 334:8

час-минуточка / в этот час, да во минуточку 279:82; в этот час да ведь, советны, во минуточку 386:42; в эвот час да во минуточку 467:5

частиночка-долиночка / ты по малой роздари да по частиночке, и не по большой дари, дитё, да по долиночке 447:131-132

честь-место / буде честь-место ведь нам да во большом углу 282:254; была честь-место, невольной, во большом углу 332:54; будет честь-место ведь вам да во большом углу 454:23

честь-похвала / мы не глѣ чести возьмем да не для похвалы 315:50
 честь-совесть / честью-совестью теби да открываюся 370:3
 честь-хвала / буде честь-хвала-то мне да позаочная 282:251
 честь-хвала / все не честь-хвала сидеть долго в девичестве 346:20
 шутки-шмоночки²⁹ / ты оставь да шутки-шмоночки девочки 308:
 306; 316:16; шутки-шмоночки девочки 333:4.

Из приведенных примеров видно, что хотя семантически компоненты этих синонимических сочетаний относительно равноправны, синтаксически они находятся в неравном положении: один из синонимов доминирует над другим. На это указывает «внешнее» согласование, которое может быть раздельным, автономным для каждого члена (*во ту пору было да в тое времечко* 469:67), но может определяться одним из компонентов сочетания – чаще первым (*свободная досужна пора-времечко* 304:142; *повыбрала свободну пору-времечко* 387:12), реже – вторым (*при последнем поры-времечке* 457:43).

1.4. Составные номинации сочинительного типа. Хотя словосочетания типа *гуси-лебеди* в структурном отношении сходны с рассмотренным выше типом аппозитивных сочетаний (словосочетаний с приложением) по признаку автономной изменяемости обоих членов конструкции, в грамматиках они решительно отделяются друг от друга на основании синтаксического и семантического признака. В отличие от словосочетаний с приложением, где компоненты соединены подчинительной связью, биномы этого типа представляют собой сочинительные бессоюзные конструкции (ср. [Молошная 1973; Журавлев 1982: 85]) и нередко допускают преобразование в словосочетания с сочинительными союзами. Что касается семантической связи между членами этих конструкций и их общего значения, то они часто вслед за Т.Н. Молошной называются суммирующими, т. е. как бы объединяющими значения обоих членов по принципу конъюнкции. Действительно, некоторые из таких словосочетаний подтверждают такое толкование (ср. *вилки-ложки*, *чашки-тарелки*, *овощи-фрукты*, *мясо-рыба* и т. п.). Вывеска на магазине «Овощи-фрукты» означает, что в нем продаются и овощи и фрукты, просьба достать *вилки-ложки* предполагает, что будут выложены вилки и ложки, а также скорее всего и ножи; выражение *хлеб-соль*

²⁹ *Шмоночки* – ‘шутки, веселье, смех’ (ср. рус. карел. *шмонить* ‘смеяться, веселиться’ [СРГК 6: 894]).

может быть эквивалентно выражению *хлеб с солью, поднести хлеб-соль* = *поднести хлеб и соль* или *хлеб с солью* и т. п.

Однако далеко не все сочетания этого типа основаны на конъюнкции. Нередко сочинительные словосочетания связывают слова по принципу дизъюнкции, например, *куница-лисица* – это не куница и лисица вместе взятые, а один из этих зверьков, будь то куница или лисица, *гуси-лебеди* тоже скорее не гуси вместе с лебедями, а либо гуси, либо лебеди. Важнейшее отличие этих конструкций от аппозитивных словосочетаний состоит в том, что последние обозначают один денотат, тогда как сочинительные конструкции – два денотата или один сложный денотат, расчлененный на несколько автономных компонентов. Эти части могут семантически объединяться друг с другом, взаимно заменять друг друга (на основе выбора), могут обозначать начальную и конечную границу некоего целого (ср. *внести плату за май – октябрь*), могут, наконец, объединять друг с другом конверсивы (*купля-продажа*). Как и в других типах сложений, одни и те же сочинительные конструкции могут быть как бессоюзными, так и разделенными союзом и другими словами. Ниже приводятся составные сочинительные конструкции из севернорусских свадебных причитаний по сборнику Барсова:

ангелы-архангелы / налетите с небес Ангелы-Архангелы 428:108
 белила-румяна / билила-то, румяна каргопольские 368:288; ты
 белила положи да со румянама 369:335; от белил-румян девиче
 liche перхает 373:109
 гуси-лебеди / он стрелять охоч гусей да серых лебедей 295:814
 дружье-братье / у дружьев-братьев ведь он да у приятелей 319:13;
 дружье-братье у него будут в собраньице 444:61; дружью-
 братью бы не жалиться 468:27
 золото-серебро / много золота ты брала, да много серебра 370:36; мне
 ни золота от тебя, да ведь ни серебра 372:58
 крылье-перыце / кабы вороны слетались бы, крылье-перыце щипались
 бы 278:66-67; крылем-перыцем она да поколачивать 341:80
 куница-лисица / изукрашен мой зелёной сад, и сад куницама-
 лисицама 458:16-17
 луна-солнышко / воссияла тут луна-да красно солнышко 398:15
 обычай³⁰-разум / сведи Господи обычи ваши-разумы 312:500;
 штобы свёл Господь обычи умы-разумы 337:40

³⁰ *Обычай* – здесь, вероятно, в значении ‘нрав, характер’ [СРНГ 22: 289].

отец-матушка / отец-матушка того да испугались 285: 371
перстни-жуковье³¹ / по спаям перстни-жуковье распаялися 319:9
серебро-золото / много чистого сулил да хотя ж серебра, и уж он
красного давал да мне-ка золота 372:51-52
Спас-Богородица / мне-ка стать да перед Спасом-Богородичей 428:83
тученька-гром / быв от тученьки-от грому испугалася 320:24
хлеб-образ / с хлебом-с образом, невольничу, стрицаете 320:36; они
с хлебом-то стретают меня, с образом 460:100
хлеб-соль / на хлеби-соли, сестрича, на столовых 331:8; и была
хлеб да соль, невольной, в дубовом столе 332:55; не гля хлеба
пришла-соли наеданьица 334:29; с хлебом-солью вы стретаєте
да с образом 343:18; буде хлеб да соль ведь вам за дубовым
столом 454:24.

2. Глагольные составные конструкции

Составным глагольным конструкциям в русском языке (главным образом разговорном) посвящена большая литература. Для наших целей особенно важны обстоятельные работы Д. Вайса, который называет эти конструкции двойными глаголами³² и анализирует их синтаксические, морфологические, семантические, просодические свойства, а также их ареальные характеристики и типологические соответствия в других языках [Вайс 2000; 2003; 2008]. В нашем материале составные глагольные конструкции занимают следующее по численности место после субстантивных. В них в принципе можно выделить те же типы, что и у составных существительных, но количественное соотношение этих типов иное. Естественно было бы ожидать, что среди глагольных сочетаний не будет аналогов сложных слов, т. е. сочетаний с неизменяемым (неспрягаемым) компонентом. Действительно, один пример такого рода, приводимый ниже, весьма сомнителен. Из остальных

³¹ Жуковье – в СРНГ отсутствует, ср., однако, олонец. жуковинка ‘кольцо, перстень’ [СРНГ 9: 224].

³² Речь идет о бессоюзных глагольных конструкциях типа *пойди узнай, сидит читает* и т. п., которые в основном относятся к типу сочетаний с подчинительной связью (подобно аппозитивным именным сложениям), однако среди них есть и тавтологические биномы типа *ждет-поджидает, живут-поживают*, и сочинительные конструкции типа *едят-пьют, купить-продать* и т. п. [Вайс 2000: 358].

типов наиболее многочисленными оказываются тавтологические (формальные и семантические) конструкции, выражающие одно и то же действие или состояние дважды, используя разные лексические средства выражения с целью усиления или дополнительной конкретизации. Менее употребительны аппозитивные сочетания двух глаголов с подчинительной связью, в которых второй глагол семантически дополняет первый и фактически присоединяет некое новое действие, которое могло бы быть выражено деепричастием: *выкупить-выручить* можно трактовать таким образом, что второе действие в некотором смысле интерпретирует первое, а первое имеет своим следствием второе, иначе говоря, ‘выкупить и тем самым выручить’; бином *идти-шататься* может пониматься как ‘идти, шатаясь’; *принять-пожаловать* – как просьба принять или, так сказать, ‘принять, пожалуйста’ и т. п. Ближе всего к двойным глаголам, рассматриваемым Д. Вайсом, оказываются сочинительные глагольные конструкции типа *кормить-поить*, *прийти-засмотреть*, *жить-расти*, *умыться-удалиться* и т. п., которые семантически демонстрируют те же разновидности, что и сочинительные субстантивные сочетания, прежде всего конъюнкцию.

В структурном отношении все эти типы сходны в том, что оба члена составных глагольных конструкций морфологически оформлены одинаково, и даже вид в большинстве биномов совпадает. Ниже приводится материал из свадебных причитаний (вынужденно без подробного разбора).

2.1. Сложные слова. Единственный пример, формально подходящий под это определение, как сказано выше, весьма сомнителен:

молчи-схватиться / молчи-схватишься ведь белая лебедушка, по своей да по бажёной дорогой воли 302:49.

2.2. Аппозитивные конструкции с подчинительной связью.

Один из сочетающихся глаголов может указывать на цель действия, выраженного другим глаголом (*выйти-встретить* ‘выйти, чтобы встретить’), на смысл или эффект другого действия (*почестить-поподчевать* ‘оказать честь, угостив’), на сопутствующее действие (*сидеть-шататься* ‘сидеть и при этом шататься’), на способ действия (*сходиться-съезжаться* ‘прибывать в одно место верхом’):

выйти-стретить / выду-стричу на крылечике перёном³³ 305:182
 выкупить-выручить / выкупи-тко миня, выручи 482:27; выкупи меня
 да выручи 484:57
 закручиниться-заобидеться / закручинится он тут, да заобидится
 358:437
 идти-шататься / уж он пьян-не пьян, злодий идё-шатается 356:363
 катить-жаловать / катит-жалует ведь матушка крестовая 336:8; катит-
 жалует голубушка – всё родитель-моя матушка 480:5–6
 почестить-поподчевать / почести гостя, поподчивай 484:90
 прийти-засмотреть / приди-засмотри, крестово мое дитяtko 337:50
 прийти-посулиться / ты когда придешь-посулишься 482:32
 принять-пожаловать / тебе добро принять-пожаловать, тебе стакан
 да пива пьяного 485:3–4
 сидеть-шататься / быдто деревче в лесу сидишь-шатаешься 392:175
 сходитьсь-сезжаться / уж как сходятся-сезжаются два свата
 полюбовныи 278:64–65.

2.3. Тавтологические сложения – редупликации (дублиеты или однокоренные сложения). Таких глагольных конструкций немного:

дарить-дарить / уж как дарил-дарил остудник-блад отечской сын
 474:1
 стоять-стоять / как стоит-стоит велико зло неволище 461:161
 говорить-уговаривать / говорит еще, остудник, уговариват 373:95
 сидеть-усёживать / недосуг сидеть, печальной мне, усеживать
 360:57; недосуг сидеть горюше мне, усёживать 392:197
 спать-высыпаться / она спит да высыпается 417:27
 сулить-засуливать / тут сулил еще, остудник, мне засуливал 372:50.

2.4. Синонимические сложения. К этому типу относится бо́льшая часть составных глагольных номинаций:

видеть-сметить³⁴ / вижу-смичу же, невольна красна девушка 288: 509;
 вижу-смичу я, печальная головушка 313:23; вижу-смичу

³³ Крыльцо перёное – ‘крыльцо с перилами’ [СРНГ 26: 175, со ссылкой на тексты Барсова и Рыбникова].

³⁴ Сметить, смечать – ‘считать’, ‘отмечать’, ‘замечать, примечать’, ‘догадываться’ [СРНГ 39: 10–11]. Бином *вижу-смичу* и словоформа

ж, дочь-невольница 426:10, 29; 430:181, 189; вижу-смичу, догадаюсь, дочь-невольница 449:4; вижу-смичу, дочь-невольница 465:1; вижу-смичу, дочь-невольница 479:70
вспотешить-взвеселить / и воспотешат красну девушку, и взвеселят да дорогу волю! 457:44–45
вытолить³⁵-вымолвить-выпросить / ты не мог, да все удалой доброй молодец, и ты ни вытолить, детинушка, ни* вымолвить, и на церковном крылечике ни выпросить 456:51–53
глядеть-смотреть / я гляжу-смотрю, невольница 278:74; я гляжу-смотрю, невольна красна девушка 300:1064; гляжу-смотрю 324:65; ты гляди-смотри, родитель-родна матушка 380:21; я гляжу-смотрю, печальная головушка, 391:170; столько смотрячи на бело твое личушко, и столько глядячи на твои да горючи слезы 392:184–185; я гляжу-смотрю, невольна красна девушка 392:1; я гляжу-смотрю, невольница, 426:21; я гляжу-смотрю ж, невольна красна девушка 439:80; 460:95
дознаться-доведаться / я дозналася-доведалась 277:28
есть-кушать / я не ваше ела-кушала 457:7
знать-ведать / знаю-ведаю невольна красна девушка 284:317; 324:69; 327:111; 329:41; кабы знала ты, голубушка, да ведала 307:287; можешь знать да ведать, красное мое солнышко 332:61; можешь знать-ведать 348:7, 22; 349:29, 42; ты не знашь того, голубушко, не ведаешь 367:251; можешь знать-ведать, сердечно мое

смичу не засвидетельствованы в причитаниях в других формах, есть лишь причастие *смиченный* ‘сосчитанный, учтенный’, которое должно относиться к глаголу *сметить*. Что же касается формы 1 ед. *смичу*, то она может принадлежать либо глаголу сов. вида *сметить* (ср. *заметить* – *замечу*), но тогда *вижу-смичу* – редкий среди глагольных конструкций случай, когда сочетаются глаголы разных видов, либо – глаголу несов. вида *смечать* при условии, что он имеет форму 1 ед. не *смечаю*, а *смечу* (ср. *кричать* – *кричу*), но тогда его придется считать дериватом глагола с корнем *тѣк-*, а не *тѣт-*.

³⁵ Глагол *вытолить* отсутствует в СРНГ, а *то́лить* приводится в следующих значениях, ни одно из которых не проясняет нашего контекста: 1. ‘изнушать, утомлять’, 2. ‘томить, доставлять страдание’, 3. ‘беспокоить, тревожить’, 4. ‘шутить, проказить’ [СРНГ 44: 184]. В текстах причитаний Барсова глагол *вытолить* употреблен лишь однажды, в приводимом выше контексте; его значение предположительно ‘смягчить, разжалобить’, ср. *утолить* ‘прекратить, сдерживать действие чего-л., унять’ [СРНГ 48: 178].

дитятко 378:9; кабы знали-то, желанны, да вы ведали 386:33; не знаю, дочь-невольница, не ведаю 408:27; знаю-ведаю, родитель, сдогодаюся 429:164; знаю-ведаю я, белая лебедушка 434:27; можно знать – да можно ведать 485:17

испугаться-убояться / испугалась я остудничка-чужанничка и убоаяся рассказов-сватов больших 281:172–173

кидаться-бросаться / со тоски да моя волюшка кидалась, со досады моя волюшка бросалась 386:35–36

кинуть-бросить / кинусь-брошусь во косевчато³⁶ окошечко 444:22

кинуться-броситься / на што кинулась и бросилась 484:66

класть-девать / куды класть-девать бажёну мне-ка волюшку 473:252

кориться-проситься / я корюсь-прошусь, невольница 478:40

налюбоваться-надивоваться / свет-родители на нас да налюбуются, и соссторонь да добры люди надивуются 415:316–317

намаяться-надяться / не намаялась, невольна, не надиялась 283:257

надоесть-напрокучить³⁷ / надоело што же воля, напрокучила 297:886; 353:220

нет – не водится (безличная конструкция) / нет да того на свете, не водится 311:481

повыглядеть-повысмотреть / ты где ж да меня девушку повыглядел, и дорогу да мою волюшку повысмотрел 468:42–43

повыучить-повышколить / хорошо да я жену свою повыучу, и школьно-нашкольно, детина я, повышколю 289: 559–560

поглядывать-высматривать / стали девушки поглядывать и меня матушку высматривать 418:48–49

поглядывать-посматривать / ты на волюшку-то будешь всё поглядывать, и на бажёную, голубушко, посматривать 391:167–168

посматривать-поглядывать / я в окошечко, невольница, посматривать, и скрозь хрустальное стекло да я поглядывать 439:70

поспешить-поторопиться / поспешила-поторопилась 484:64

прилюбить-приглядеться / мне-ка што да прилюбилось, мне-ка што ли пригляделось 278:41–42

прилюбить-приглянуться / его рубка-то ведь мне не прилюбилась, дровьца ведь мне не приглянулись 364:120–121

причутися-прислышаться / што причулось да прислышалось 483:8

³⁶ *Косевчатый* (с.-рус.) – обычно об окне: ‘имеющее косяки’ [СРНГ 15: 48].

³⁷ *Напрокучить* – ‘надоест, наскучить’, ср. в том же значении *напрокучить* [СРГК 3: 360], *напрокутить* (? к сожалению, без примеров), *напрокучать*, *напрокучивать* [СРНГ 20: 101].

приютитися-придолитися / мы не знаем куды, соловьи, приютитися,
и во котору нам во рошу придолитися 466:38–39
просказать-пробаять / просказали люди добрыи, пробаяли 289:351
простить-извинить / прости-извини, родитель жалосливой 314:61
спомнить-спамятить (спамятовать) / спомню-спамячу, невольна красна
девушка 319:21; спомни-спамяти невольну красну девичу 333:96;
спомни-спамятуй, советна дружна подружка 347:44
сторопиться-поспешиться / уже как да вы скоренько сторопились: в
парну баенку итти да поспешились 363:53–54
убояться-устрашиться / по деревням вси робята убоялися, и вси-то
добрыи ведь люди устрашилися 456:32–33
увидеть-обозреть / я увидла, дочь-невольница, обóзрила 346:1
чесаться-кобайдаться³⁸ / не чешитесь-ко теперь да не кобайдайтесь
363:61.

2.5. Сочинительные глагольные конструкции. Сложения этого типа указывают на разные действия или процессы, которые обычно следуют друг за другом (*кормить-поить*) или происходят одновременно (*жить-расти*) и образуют единый блок или ритуал.

воскормить-споить / воскормил-споил невольну красну девушку
442:14
жить-расти / я живу-росту, душа да красна девушка 348:24; хоть я
девушка живу-росту кручинная 374:177
испить-выкушать / испей-выкушай, уда́лой доброй мо́лодец, 451:1
кормить-поить / меня, кормячи, невольну, столько поячи 287:441
набелиться-нарумяниться / мне набилиться девиче, нарумяниться
376:30;
напиться-накушаться / напилася я, невольница, накушалась 437:108
напоить-накормить / столько досыта суседей накормили нас, и еще
допьяна ведь нас да напоили 454:33–34
пить-кушать / знать, не пьешь, да доброй молодец, не кушаешь 455:16
садить-поливать / сросло деревче сахарнее, не сажёно-не поливано
467:3–4
умыться-уладиться / ты умылась бы, лебедушко, уладилась 367:242,
257.

³⁸ *Кобайдаться* – ‘чесаться’ [СРНГ 13: 354], документируется ссылкой на Барсова.

3. Адъективные составные конструкции

Адъективных сложений в текстах свадебных причитаний значительно меньше, чем субстантивных и глагольных, но они весьма разнообразны по своей структуре и семантике, хотя и отличаются той же диффузностью и перетеканием из одного типа в другой, что и остальные конструкции.

3.1. Цельнооформленные сложения (по типу сложных слов).

Сложения этого типа (с неизменяемым первым членом) представляют собой своего рода конденсацию определительных словосочетаний (*горькое горе* > *горе-горький*, *унылый звон* > *звон-унылы*) или объединение разнородных (разноаспектных) определений (*синий* и *славный* > *сине-славный*, *угрюмый* и *струистый* > *угрюм-струисты*)³⁹, или же соединение синонимичных прилагательных (*скорый* = *борзый* > *скороборзый*):

горе-горький / про печально горегорько возрастаньце 352:182

звон-унылый / звон-унылы колокольчики 314:43, 315:24; звон-унылы жалки писенки 316:10; звон-унылы колокольча 318:3; запоем да звон-унылы жалки песенки 409:53; звон-унылы жалки писенки спевали 433:334; вы простите, звон-унылы жалки писенки 439:10; звон-унылу жалку писенку (споют) 457:42; звон-унылы жалки писенки 458:23

кругло-малый / мы повыплетем кругло-малое озёрышко 388:15; он напиться к кругло-малому озерышку 390:119; (подъехала) я ко эту кругло-малому озерышку, и кругло малое озерко становилася (sic) 402:93–94

сине-славный / подкати да сине-славное Онегушко 385:9; тут разлилось сине-славное Онегушко 385:6; за сине-славное за морюшко 427:47

скороборзый / напоил да он коня тут скороборзого 383:119

тёпло-красный / тепло-красно мое солнышко 319:15; ты послушай, тепло-красно мое солнышко 409:22; 410:66; спасет Бог да

³⁹ О порядке следования разноаспектных прилагательных, соподчиненных одному существительному, в зависимости от их семантики и синтаксических свойств см. [Иорданская 2000]. В приводимых примерах из причитаний общее правило, требующее, чтобы прилагательные, обозначающие объективные свойства и признаки определяемого, были ближе к нему, чем субъективные и оценочные определения, как видим, не соблюдается.

тёпло-красно мое солнышко 434:12; 435:17; мы придем как,
 тепло-красно с тобой солнышко 436:57; тут вспомнишь,
 тепло-красно мое солнышко 436:88; наглядись, да тепло-красно
 мое солнышко 437:16; тепло-красно миженъско мое солнышко
 438:43; ты сжалуйся, тёпло-красно мое солнышко 439:77; и
 спасет Бог, да тепло-красно мое солнышко 443:20
 тепло-парный / мне-ка в эту тёплопарну итти баенку 381:23;
 ты прости да тёплопарна меня баенка 385:1; я приду да с
 тёплопарной как баенки 385:10; как во этой тёплопарной во
 баенке 386:34
 угрюм-струисты / мы еще угрюм-струисту ричку быструю
 (повыплетем) 388:19
 хитро-мудрый / по подолу нет узоров хитромудрых 330:98; ты
 найми да писарёчков хитромудрых 354:258; столько швиек
 хитромудрых 427:53
 честно-мужня / честно-мужниим отдать да молодым женам 363:76;
 честно-мужны жены да взрадовалися 363:79
 тонко-белый / наделяю тонкобелой сорочечкой 380:76.

3.2. Аппозитивные сложения (бессоюзные словосочетания с подчинением). Эти конструкции объединяют независимые определения, характеризующие объект с разных сторон: *бедна-невольна* ‘бедная невольная’ (девушка), *затула-синя* ‘синяя затулая (закрывающая, защищающая)’ *завеска* (занавеска). В семантическом отношении они близки к предыдущему типу: одни и те же сложения могут быть сложными словами и аппозитивными словосочетаниями (ср. *честно-мужныи жены* и *честны мужни жены*; *тонко-белый* и *тонкий-белый*, *хитро-мудрый* и *хитрый-мудрый*).

бедна-невольна / и спроста речь бедна-невольна говорила 333:99;
 стовору, бедна-невольна, потихошеньку 410:108
затулый-синий / эту затулу-синю завеску 290:605; этой затулы-
 синей завески 291:625
затула-синя (завеска) 478:18, 22
невольны-почетны / из места невольного, из невольного-почетного
 484:6
почтово-ямская (дороженька) / почтовой-емской широкой ты
 дороженькой 335:7
теплый-красный / тепло-красно мое солнышко 337:2
тонкий-белый / у утрись да в тонкобело полотенышко 353:210;
 тонку белую клади свою рубашечку 369:322; и тебе подать

тонку белую рубашечку 378:6; штобы сшили красны девушки тонкобело полотенышко 427:55; вокруг да тонкабела полотенышка 427:70; тонку белую рубашечку 480:12
 утылы-сини / я за славную утылу-синю завеску 464:27; уж ты быдь-ко ты, утыла-синя завеска 464:29
 честна-мужня / уж вы эты честны мужни молоды жены 363:77
 чудный-грозный / чуден-грозен сон невольной показался 430:195.

3.3. Тавтологические сложения. Редупликация полная и частичная. Среди адъективных составных номинаций в текстах свадебных причитаний представлено только несколько сложений с лексическим повтором – полным и частичным:

гневён-гневён / ты гневён-гневён, родитель-красно солнышко 314:58
 вольный-самовольный / я, вольная девича-самовольная 358:458
 пьян-не пьян / уж он пьян-не пьян, остудничек, шатается 289:550;
 уж он пьян-не пьян, злодий идё-шатается 356:363
 умный-разумный / ты не плачь да столько, дочь наша умная и не тужи, дочи, теперечко разумная 473:242–243.

3.4. Синонимические сложения представлены более широко:

блад-молод / вы простите, блады-молоды вьюночки 316:8
 гордлив-спесив / как гордлив-спесив остудник-блад отечской сын 307:289
 злой-спесивы / зла-спесива богоданна буде матушка 287:448
 нерадостный-невеселый / нерадостна ты ходишь, невеселая 310:411
 обидны-печальны / я стояла тут, обидна, не дрожала, и отвечала я, печальна, не боялася 371:44–45
 советный⁴⁰-дружный / советна дружна подружка 366:178, 183;
 370:16; будет гневаться советна дружна подружка 372:86, 101;
 (проси) и себи милых советных дружных подружек 374:160;
 мои милыи советны дружны подружки 440:26
 строгий-грозный / строгой-грозной богоданной этой матушке 309:381;
 строга-грозная надежная головушка 328:4; строги-грозны богоданны есть родители 360:49; строги-грозны богоданныи родители 405:231; 431:241

⁴⁰ *Советный* – ‘дружелюбный, приветливый’ [СРНГ 39: 185] (с указанием на олонедкий диалект).

строгий-злой / строга-злая богоданная-то матушка 306:233
 строгий-лихой / строга-лиха богоданна эта матушка 309:370
 тихий-смирный / тиха-смирная прости меня, бесёдушка 316:2
 угрюмая-невеселая / ты угрюмая, советна, невеселая 367:244
 унылый-жалкий / вы спевайте-тко унылы жалки писенки 381:11
 чуден-дивен / россужу, невольна, чуден-дивен сон 431:235.

3.5. Сочинительные конструкции. Конструкции этого типа допускают трансформацию в словосочетания с сочинительными союзами *и*, *да*, *или*.

рождённый-куболёный⁴¹ / ты послушай, мое дитятко, ты ж, рожёно-куболёное 420:163
 гусиный-лебединый / я со стадушком приехала гусиным и со другим я, невольна, лебединым 326:54–55; у нас забрано ведь мяса-то гусяного, и приготовлено жаркое лебединое 441:34–35, 49–50; подросли да ей ведь крылышка гусяины, и да ей перьяца ведь, воле, лебединыи 463:209–210
 соболий-куний / и не гриет-то соболя-кунья шубонька 297:911
 соболина-кунья / соболина-кунья шубонька скидывана 406:264
 шитый-бранный / по конец да шита-брана полотенышка (повышейте) 427:61; среди да шита-брана полотенышка 427: 64; во руках да несет матушка тонку белую рубашечку, шито-брано полотенышко 480:11–13.

Стоит обратить внимание на особый вид адъективных сложений, производных от устойчивых атрибутивных сочетаний (разных типов):

горючие слезы > горючий-слезной / на горючее-слезное обливаньце 312:488; слёзно-горючий / на твое слёзно-горюче унываньце 401:15
 белый день > денно-белый / как придешь, дённой-белой да мой светушко 436:80
 унылый звон > звон-унылы колокольчики 314:43, 315:24 (см. выше).

⁴¹ *Куболёный* – в СРНГ отсутствует, однако дается производящий глагол *кубóлить* (олонец.) ‘любить, лелеять’ [СРНГ 15: 384].

4. Прочие составные конструкции

В этом разделе собраны в основном биномы, составленные из наречий и числительных. Первые в большинстве случаев соответствуют производящим прилагательным (ср. *жалко-уныло* и *унылый-жалкий*) и их семантическим типам, вторые относятся к типу сочинительных конструкций (ср. *три-четыре* ‘в пределах данного отрезка числового ряда’).

Конструкций, которые можно было бы отнести к **сложным словам**, здесь нет.

4.1. Аппозитивные сложения (с подчинительной связью).

С некоторым сомнением к этой категории можно отнести сочетания

тошно-больно / тошно-больно от утробушки родила 301:4
честно-именно⁴² / честно-именно, невольну, почитаете 320:35.

4.2. Тавтологические сложения (редупликации)

невесто⁴³-невестёшенько / и столько нёвесто мне, свет, да невестёшенько
410:89

нёвесто-невестимо / и тебе нёвесто, знать, было, невестимо 398:28
оттошна-тошнёшенько / оттошна́ да жаль горяше мне – тошнёшенько
445:37

пустым-пустёшенько / всё пустым будет у нас да ведь пустёшенько
310:425

школьно-нашкольно / школьно-нашкольно, детина, я повышколю
289: 560.

4.3. Синонимические сложения

жалко-уныло / жалко-уныло ведь писенки спеваючи 347:48

⁴² *Честно-именно*, т. е. с почестью и обращаясь по имени, ср. онеж. *честно и именно*: «Встречайте меня честно и именно; Спроводили его честно и именно» [СРНГ 12: 192]. Ср. рус. карел. *именно* нареч. ‘степенно (?)’: «Честно, именно провела, дак как выконтовала» [СРГК 2: 290].

⁴³ *Невесто* – предикатив со значением ‘неведомо, неизвестно’ [СРНГ 20: 336], отмечен в олонецких (в причитаниях Барсова) и псковских говорах. Правда, ПОС дает это слово без примеров и только с отсылкой к СРНГ [ПОС 21: 36].

жалобно-уныло / поет жалобно-уныло мала птиченька 341:56
жаль-тошнёшенько / жаль-тошнёшенько со братцем поросстатися
414:287; 452:33; 461:128
жаль-тошно / мне-ка жаль-тошно, кручинной головушке 303:109;
мне-ка жаль-тошно бажёной дорогой воли 318:83
кругом-около / кругом-около, невольна, обходила 324:72
по-прежнему-по-досюльному / по-прежнему, мой свет, да по-
досюльному 415:330
по-старому- по-прежнему / не по-старому хожу, да не по-прежнему
433:324
строго-грозно / строго-грозно вы мне-ка наказали 314:4
строго-грубо / строго-грубо-то она да поговариват 309:374
строго-сурово; строго-сурово, невольна, отвечаю 317:51
теперь-нонечи (нонеча, нонечку, нынечко) / и теперь-нонечку,
невольна красна девушка, я вси думушки, невольна нынь
придумала 314:53; топерь-нонечи, душа я-красна девушка, я
повыскажу великую кручинушку 352:178; и теперь-нынечко
ведь вдруг да объявилось 473:255
теперь-нынь / и теперь-нынь да при последи поры-времечка 473:253
трудно-тяжело / трудно-тяжело тебя да я носила 301:3.

4.4. Сочинительные конструкции. В основном это сложения числительных, указывающие на интервал допустимых количественных показателей или возможность выбора между ними.

два-три-четыре / видно две да три-четыре оставляются 346:8
сто-тысяча / изо ста была да ты из тысячи 338:10
три-четыре / на все на три-четыре на сторонущи 428:120
досыта-допьяна / столько досыта суседей накормили нас, и еще
допьяна ведь нас да напоили 454:33–34.

* * *

Рассмотренный в этом разделе материал севернорусских свадебных причитаний позволяет выделить следующие признаки, релевантные для характеристики и типологии составных номинаций: 1) структурный – изменяется ли (склоняется, спрягается) каждый компонент бинома или только один; по этому признаку сложные слова противопоставляются всем остальным типам, относимым к бессоюзным словосочетаниям; 2) «внешне»-синтаксический – с каким компонентом согласуется по роду и числу бином в целом

(ср. *луна-солнышко* / *воссияла тут луна-да красно солнышко* 398:15 с опорным словом *луна*, определяющим согласование по женскому роду; *родитель-матушка* / *как желанна бы родитель была матушка* 350:90 с опорным вторым членом, определяющим внешнее согласование бинома в женском роде; *род-племя любимое сжались* 343:25 с двумя видами согласования – по среднему роду второго члена и с семантическим согласованием во множ. числе); 3) «внутренне»-синтаксический – каков тип связи между компонентами бинома: подчинительный или сочинительный (ср. *выйти-встретить* ‘выйти, чтобы встретить’ с подчинительной связью и *поить-кормить* ‘поить и кормить’ с сочинительной связью); 4) семантический – во-первых, относится ли номинация к одному денотату или более чем к одному (или к расчлененному денотату), во-вторых, каковы семантические отношения между членами бинома, является ли один из членов эмоциональным, оценочным, функциональным определением другого или же дополнением, уточнением, модификацией и т. п. Имеет значение и порядок следования составляющих бинома, ср. *бой-баба* и *яйца-бой* или сложное слово *свет-батюшка* и междометие *батюшки-светы!* Наконец, существен и критерий акцентологический – на какой член бинома падает главное ударение, является ли сложение в целом просодически слитным и т. п. (см. об этом, в частности, [Вайс 2000: 356–357]).

II. Структура составных номинаций (биномов)

Во второй части рассматриваются составные номинации **во всех трех корпусах причитаний** сборника Барсова – свадебных (С), похоронных (П) и рекрутских (Р). В отличие от первой части, внимание обращается здесь не на типы биномов и их лексикологический статус, а на их **внутреннюю структуру**, т. е. на отношение между компонентами биномов, на формальные признаки их номинационного лексического единства. Среди этих признаков могут быть выделены: словообразовательно-морфонологические, грамматические (морфологические и синтаксические) и семантические.

Биномы как целые лексические единицы могут относиться к разным частям речи – существительным (*воля-волюшка*, *беда-невзгода*, *сирота-вдова*), прилагательным (*строгий-грозный*, *гневен-гневен*, *сине-славный*), глаголам (*бояться-страшиться*, *глядеть-смотреть*, *гнуться-ломиться*, *ходить-гулять*), наречиям (*теперь-нонеци*, *тошно-больно*), хотя и в разном соотношении – как и в разговорной

речи, в языке фольклора преобладают двусоставные субстантивные номинации. Приблизительные⁴⁴ количественные показатели по всем трем массивам причитаний (свадебным, похоронным и рекрутским) таковы: из общего числа около 870 биномов – субстантивных 470, адъективных 140, глагольных 190, адвербиальных более 5, нумеративных (числительные) 3. Принадлежность обоих членов бинома к одной части речи составляет главный признак их формального единства. Кроме того, каждая категория биномов имеет свои специфические формальные показатели, объединяющие их в единую лексикологическую группу.

1. На уровне словообразования и морфонологии характерными свойствами составных номинаций являются: однотипность суффиксов и префиксов, тавтология (частичная редупликация), рифма.

Для субстантивных биномов характерно оформление их членов одними и теми же суффиксальными, как правило экспрессивными, морфами: *баенка-умываленка, гульбище-прокладбище*⁴⁵, *гульбищечко-игрищечко, гуляньице-весельице, добротушка-тётушка, заюшко-горносталюшко, кручинушка-досадушка, кручинушка-тоскичушка, мужичище-грубиянище, невзгодушка-обидушка, невзгодушка-кручинушка, обидушка-досадушка, обидушка-кручинушка, остудничек-чужанничек, пированьице-столованьице, пительице-яденьице, плотнички-работнички, повозничек-извозничек, поскакучий-полетучий, потихошеньку-полегошеньку, прогулушка-улушка, тётушка-добротушка, чудушко-дивушко*. Такое единообразие, облегчаемое ограниченным набором уменьшительных суффиксов, создает эффект рифмы, которая служит одной из характерных примет звукописи фольклорного текста. Уподобление членов бинома по словообразовательной модели и способу суффиксации, разумеется, не является обязательным, но высокочастотным. Оно нарушается, в частности, в тех случаях, когда один из членов бинома выражен не отдельной лексемой, а словосочетанием (*дом-хоромное строеньице, дом-крестьянска жирушка, остуда-чужа сторона*,

⁴⁴ Приблизительность подсчетов объясняется тем, что как выделение биномов, так и их группировка не всегда безусловны; иногда те или иные биномы могут выделяться как самостоятельные, но могут трактоваться и как составная часть другого бинома.

⁴⁵ См. сноску 28.

братец-красно солнышко) или фразеологизмом (*бить челом-кланяться, бить челом-поклоняться*).

В адъективных биномах показателем единства может служить префиксация: *бескручинный-беспечальный, несчастный-бесталанный, несчастный-неталанный*.

Но особенно заметную роль играет единая префиксация в глаголе, где она связывает прежде всего синонимичные глаголы: *выспрашивать-выведывать, выговаривать-высказывать, дознаваться-доведаться, закручиниться-заобидеться, искушати-испивать, набелиться-нарумяниться, надоесть-напрокучить, налюбоваться-надивоваться, находиться-набродиться, начаться-надеяться, отречься-отказаться, повыглядеть-повысмотреть, помедеть-пожелезеть, пораскидать-поразметать, разбросать-раскидать, скрыться-схорониться, стоснуться-сгорючиться, убояться-устрашиться* и т. п. Соединение подобных синонимических глаголов играет усилительную роль, а повторение префикса (иногда двух префиксов) закрепляет их единство. Дополнительным средством объединения служит и показатель возвратности, маркирующий оба члена: *броситься-кинуться, взвеселиться-взрадоваться, видаться-знать, сохраняться-спасаться*. Не последнюю роль в качестве объединяющего средства играет одинаковая словообразовательная модель сочлененных глаголов (ср. бином с отыменными глаголами *помедеть-пожелезеть*) или грамматическое согласование по виду с одними и теми же суффиксами. Наконец, нельзя не отметить, что словообразовательно-морфонологическая структура биномов в определенной степени обеспечивает ритмическую организованность текстов причитаний.

В глагольных биномах продуктивен и иной тип сочленения, а именно приставочного глагола с соответствующим бесприставочным: *глядеть-заглядывать, глядеть-наглядывать, глядеть-поглядывать, говорить-уговаривать, ждать-дождаться, сидеть-усеживать, спать-высыпаться, стать-восстать, сулить-засуливать*. В этих случаях единство бинома обеспечивается тавтологией, т. е. повторением глагольной основы, при этом приставочный член служит уточняющей характеристикой обозначаемого глаголом действия и может конкретизировать его аспектуальные, пространственные, обстоятельственные или прагматические значения. Подобное отношение может связывать и субстантивные биномы с редупликацией, только здесь уточняющим (усиливающим) средством служит не префиксация, а присоединение экспрессивного диминутивного суффикса, ср. *воля-волюшка, гости-гостибище, куст-кустарничек*,

место-местечко, родина-родинка. Ср. еще изолированный пример с тавтологическим усилением с помощью деепричастия в усилительной функции: *рвучи-рвать* (ср. разговорное *ревмя реветь*).

Особенно продуктивна усилительная редупликация в сочетаниях с префиксацией или суффиксацией в биномах-наречиях: *близко-наблизко, близко-поблизку, далеким-далекошенько, жалко-жалобно, крепко-накрепко, невесто-невестёшенько, низко-нанизко, обидным-обиднёшенько, оттошна-тошнёшенько, плотно-наплотно, томным-томнёшенько*. Ср. подобные модели в адъективных биномах: *единым-единёшенький, малый-малёхонький, трудным-труднёшенький*.

Частичная редупликация представлена в единичных именных биномах: *ду-друг, чуж-чужбинничек*, а полная редупликация – в глагольных и наречных: *гневен-гневен, дарить-дарить, простить-простить, стоять-стоять, далее-далее*.

Специфическими свойствами отличаются биномы, относящиеся к типу сложных слов (с неизменяемым первым членом): они представляют особого рода конденсацию адъективных словосочетаний (*горькое горе > горе-горький, унылый звон > звон-унылым, белое полотно > бело-полотняный*) или объединение разнородных (разноаспектных) определений (*синий и славный > сине-славный, угрюмый⁴⁶ и струистый > угрюм-струисты, круглый и малый > кругло-малый, тонкий и белый > тонко-белый, сухой и красный > сухо-красный*), или же соединение синонимичных прилагательных (*скорый и борзый > скороборзый*).

2. Лексическое единство биномов обеспечивается также средствами грамматики – **морфологии и синтаксиса**. Самым сильным и самым общим признаком, как уже было сказано, является принадлежность составляющих бинома к одной части речи⁴⁷.

⁴⁶ *Угрюмый* здесь, вероятно, в значении 'имеющий неровную, с резкими подъемами и ямами, поверхность', характерном для архангельских говоров: *Угрюмы поля, с грёмами* (пригорками). Пинеж.; *Берега-то у Малетина угрюмы – угорья да ямы* [СРНГ 46: 260].

⁴⁷ Исключениями из этого правила являются сложные слова, которые могут включать в себя основы разных частей речи, но как целое принадлежат одной части речи: *богоданный* (S+V), *водоплавный* (S+V), *доброумиться* (A+S), *доброхотушка* (A+V), *добровекий* (A+S), *рыболовушка* (S+V). Квази-исключениями оказываются биномы с неизменяемым первым членом, формально совпадающим со словоформой

Для субстантивных биномов нормой является согласование членов бинорма по числу: *бурлак-дети́на, вера-пра́вда, вдова-солдатка, день-ноченька, жена-се́мья* и т.д.; *ангелы-архангелы, детушки-победушки, гуси-лебеди, полы-мосты, шутики-шмоночки* и т. п. Отступления от такого согласования касаются случаев, когда один из членов бинорма имеет собирательное или обобщенное значение (семантическое множественное число), что позволяет ему сочетаться с существительным во множ. числе: *братье-ясны соколы, дружье-братье-приятели, народ-люди добрые, веселье-радости, года-времечко, речь-басни*. В этих случаях внешнее согласование бинорма соответствует компоненту во множ. числе⁴⁸: *пораздвинутся народ да люди добрыи* 292:668; *штобы слышали народ да люди добрыи* С 323:14.

Согласование по роду у субстантивных биномов более свободно: различие в грамматическом роде не препятствует сочетанию имен в бинормах, относящихся к типу аппозитивных и сочинительных сочетаний: *братец-красно солнышко, весельице-забава, воля-светушко, горе-оби́душка, день-ноченька, дом-жи́тье, думушка-розы́сел, зло-лихость, злодей-оби́да, имечко-че́сть, кровь-румянец, луна-солнышко* и т. п. Внешнее согласование может определяться как первым (*принесли бы вы к селу да деревенскому, и вы во свой бы дом-хорошное строеньице* С 341:75; *кровь-румянец со бела лица сменилась* П 115: 92; *воссияла тут луна-да красно солнышко* С 398:15), так и вторым членом бинорма (*буде род-племя теперь да покорённое* С 289:556; *в котору путь-дорожку удалятися* С 311:439; *уж вы дом-мое житье нонь освятите-тко!* П 229:43; *у нас дом-житье теперь да изменилося* Р 212:39; *тут злодий эта обида поуходится* Р 151:269; *огонь-пламя из гор да объявилося!* П 237:32); возможно и согласование по обоим членам (*я во свой да дом-крестьянску пойду жирушку* С 294:763). И даже они и те же биномы, например, *пора-времечко*, могут иметь разное согласование – по первому члену (*приходить стане рабоча пора-времечко* С 340:32; *свободная, досужна пора-времечко* С 304:142), по второму члену (*при последнем-то поры да, воля, времечки* С 386:36; *при последнем поры-времечке* С 457:43), по обоим

существительного или прилагательного: *горе-горький, звон-унылый, обидным-обиднешенько*.

⁴⁸ Согласование по множ. числу характерно для собирательных существительных независимо от сочлененности с формами множ. числа: *и дружье-братье у него будут в собраньице* С 444:61.

членам (как на ту пору, на тое было времечко С 292:671; все во ту пору было да в тое времячко С 469:67). Наконец, глагольное и адъективное согласование в одном и том же биноме могут не совпадать (отрекнулись, видно, род-племя любимое С 358:443; и што ведь род-племя любимо сжаловалися С 343:25).

Особое положение среди субстантивных биномов занимают сочетания с двуродовым существительным *родитель*, чрезвычайно частотным в свадебных причитаниях. *Родитель* муж. рода имеет стандартную парадигму: *родитель, родителя, родителю* и т.д.: у моего родителя у батюшки С 279:94; желанному родителю-то-батюшке С 280:123; у родителя проси да свет у батюшки С 374:151. *Родитель* жен. рода (*родитель-матушка, родитель-тетушка, родитель-дяденька*⁴⁹) изменяется по смешанной парадигме: у моей да у родителя у матушки С 279:90; на свою да на родитель-родну матушку С 280:144; и у меня, ж, моя родитель красно солнышко, и крепко обмерло ретливое сердечушко С 345:113; как послы своей родителя я-матушки С 352:204; не груби свою родитель-родну матушку С 413:205; послушай-ко, родитель моя дяденька П 164:1, однако Вин. пад. жен. рода *родитель*, а Твор. ед. *родителью*: мне-ка сдиять в пути доброе здоровьице, во-других да со родителю со тетушкой П 159:75–76. Внешнее согласование, как видно из приведенных примеров, оформляется по семантическому типу, в соответствии с муж. и жен. полом.

Необходимо еще сказать о квази-префиксах *свет-* и *друг-*, присоединяемых к существительным, но нередко отделяемых от них «втавными» словами. Эти элементы во многих случаях остаются несклоняемыми, что позволяет отнести соответствующие биномы к категории сложных слов. Например, *свет-волюшка* (*изукрашу свет-бесценну свою волюшку* С 473:269); *свет-дядюшка* (*там повзыщем свет-желанного мы дядюшку* П 181:3); *свет-матушка* (*мою милую крестовую свет-матушку* С 470:115); *свет-родители* (*говорила тут желанным свет-родителям* С 365:128; *призову ж да свет-желанных я родителей* С 472:227); *свет-родитель матушка* (*свет-желанну же родитель мою матушку и ты ситцем дари ведь есть да новомодным* С 470:126) *свет-головушка* (*разгневила свет-надежную головушку* С 329: 56).

Однако наряду с такими составными номинациями с неизменяемым первым членом *свет-* в текстах причитаний широко

⁴⁹ Дяденька арханг. олонец. ‘жена дяди’ [СРНГ 8: 306].

употребительны двучленные конструкции, в которых *свет-* склоняется, что переводит эти конструкции в другой разряд биномов. К этой категории относятся прежде всего биномы, в которых склоняемый *свет-* присоединяется к субстантивам муж. рода ед. числа и к форме множ. числа *родители*: *воскликай да света-брatца жалобнѣшенько* С 379:45; *светов-братцев не гневить надо* П 51:66; *моего ли света-дядю сдвуродимого* П 177:158; *на утеху светам-братыицам родимым* С 291:650; *ко твоим светам-желанным родителям* С 401:13; *от твоих светов-желанных от родителей* С 401:28; *и ты гостіко мне, советна дружна поддружка, и со своим светам-желанным со родителям* С 453:9. Отмечен единичный случай, когда склоняемый элемент *свет-* предшествует существительному *родитель* жен. рода: *у моей света-родителя у матушки* С 440:3, 11.

Несклоняемым элементом является и квази-префикс *друг-* (не имеющий, в отличие от *свет-*, склоняемого варианта): *друг-могилушка в глазах да показалася!* П 41:3; *милы друг-советны мои подружки* С 316:9; *подойти да к друг-советной милой подружке* С 348:3 и т.д.

Значительно меньшую роль играет грамматическое согласование в адъективных и глагольных биномах. Адъективные биномы не обязательно единообразны в отношении полных и кратких форм прилагательных: *мать бедна-бессчастливая* Р 46:1; *в дики-темные леса да во дремучи* П 66:15; *где оставила, сердечное желаньице, свои ласковы-прелестны словечушка?* П 67:36–37; *за сине-славное за морюшко* С 427:47 (ср., однако, *хоть за синее за славное за морюшко* Р 105:750); часто выбор формы диктуется ритмическими требованиями. В глагольных биномах часто (но не всегда) соблюдается единство аспектуальных характеристик, т. е. согласование парных глаголов по виду и способу действия: *бежать-идти, есть-пивать, высказывать-выговаривать, вытолить-вымолить-выпросить, глядеть-любоваться, гнуть-ломиться, кинуться-броситься, пройти-миноваться*, ср., однако, отсутствие согласования: *бояться-устрашиться, плакать-возрыдать*. Среди глагольных биномов присутствуют единичные сочетания с неизменяемым первым компонентом – деепричастием или императивом: *рвучи-рвать, молчи-схватиться*; ср. еще *знай-сиди*.

К числу релевантных грамматических признаков составных номинаций лишь частично может быть отнесен порядок слов. Его роль различна в разных типах биномов. С одной стороны, некоторые биномы соблюдают строгий порядок компонентов: *друг-подружка, хозяин-батюшко, братец-красно солнышко, дочь-невольница*

и т.д. С другой стороны, составные номинации нередко допускают инверсию: *глядеть-смотреть* и *смотреть-глядеть*, *тетушка-добротушка* и *добротушка-тетушка*, *белый-денный* и *денный-белый*, *злодей-рассказ-большой-сват* и *злодей-рассказ-сват большой*.

Наконец, члены биномов, как контактные, так и разделенные другими словами в предложении, объединяются на основе одинаковой синтаксической роли (субъекта, предиката, прямого или косвенного объекта, обращения, обстоятельства и т. п.).

3. Семантические отношения между членами биномов различны в разных конструкциях. В сложных словах и аппозитивных словосочетаниях одни члены биномов представляют собой уточняющий или оценочный эпитет других: *дочь-невольница*, *мушкетер-грубиянец*, *кормилец-батюшка* и т. п. В редупликациях и сочетаниях синонимов компоненты взаимно усиливают друг друга, создавая двойной формальный (*место-местечко*, *сродни-сроднички*) и/или семантический (*путь-дороженька*, *зло-лихость*, *пора-времечко*) эффект повтора. Другой тип семантических отношений характеризует так называемые сочинительные конструкции, в которых компоненты образуют некое совокупное единство: *отец-матушка*, *злато-серебро*, *хлеб-соль*, *гуси-лебеди*, *луна-солнышко*, *кормить-поить*, *набелиться-нарумяниться* и т. п. Подробнее см. [Толстая 2020b].

xxx

Таким образом, составные номинации представляют собой как в своем лексикологическом статусе (сложные слова, аппозитивные сочетания, редупликации, синонимические пары, сочинительные конструкции), так и в своих внутренних формальных и семантических отношениях особый тип единиц лексической системы языка, наделенных в языке фольклора стилистическими и ритмико-поэтическими функциями и проливающими дополнительный свет на системные отношения и связи слов в языке и на структуру поэтического фольклорного текста.

Главной особенностью составных номинаций в фольклорных текстах, и в частности в севернорусских причитаниях, как уже было сказано, является их «диффузность», синтаксическая свобода и проницаемость. В фольклорных текстах представлены как неразрывные биномы, не допускающие перебивки их другими лексическими элементами, так и прерывные, члены которых могут отстоять друг от друга на расстоянии нескольких слов. Например,

к неразрывным биномам относятся *отец-матушка* в значении ‘родители’, *буря-падар* ‘сильная буря’, *много-множество* ‘очень много’, *оттошина-тошнѣшенько* ‘очень тошно’, *остуда-чужа сторуна* (о женихе) и т. п. Семантически близкие биномы могут в этом отношении различаться. Так, бином *печаль-горе* относится к контактному, непрерывному (*печаль-горе на ретливое сердечушке* Р 222:19), а *печаль-досадушка* – к дистантным (*во печали я, горюша, во досадушке* Р 135:92). Нередко одни и те же биномы могут выступать и в контактном, и в дистантном вариантах, ср. *хлеб-соль*: (контактно) *на хлеби-соли, сестрича, на столовых* С 331:8; *с хлебом-солью вы стретае да с образом* С 343:18 и (дистантно) *не гля хлеба пришла-соли наеданьца* С 334:29; *путь-дороженька*: (контактно) *путь-дороженька сегодня неторнѣшенька* С 460:74 и (дистантно) *при пути ж да при широкой при дороженьке* С 453:2.

Биномы, как уже говорилось, могут «размываться» за счет включения между их компонентами разного рода частиц, союзов, предлогов, местоимений и других единиц. Поэтому составные номинации в большинстве случаев должны реконструироваться из более широкого контекста, в рамках которого могут быть установлены их структура, синтаксис и семантика. Например, из фразы *твои очи, у бурлака-ясна сокола, и твои брови, у детины-черна соболя* С 449:18–19 реконструируются не биномы *бурлак-ясный сокол* и *детина-черный соболев*, а *бурлак-детина*, поскольку с ясным соколом сравнивается не бурлак, а его очи, а с черным соболев – не детина, а его брови. Иначе говоря, вся фраза в соответствии с современными правилами должна была бы быть записана иначе: *твои очи, у бурлака, – ясна сокола, и твои брови, у детины, – черна соболя* (точнее: ‘у тебя, бурлака, очи ясного сокола, и у тебя, детина, брови – черна соболя’).

Вместе с тем, анализ фольклорного материала показал недостаточную изученность составных номинаций в литературном (разговорном) языке, отсутствие строгих критериев их систематизации и интерпретации и необходимость дальнейшего их изучения.

Ниже в алфавитном порядке приводится список всех найденных в олонечских причитаниях составных номинаций независимо от их структуры и лексикологического статуса.

Index.
Составные номинации (биномы)
в «Причитаньях Северного края» Е.В. Барсова⁵⁰

ангелы-архангелы / налетите с небес Ангелы-Архангелы С 428:108

баенка-умываленка / вы пожалуйста во парну эту баенку, вы во эту
 во белу в умываленку С 363:46–47; во эту в теплу парную во
 баенку, во эту во белу умываленку С 364:99–100; ты прости да
 тёлопарна меня баенка, ты прости да меня, бела умываленка
 С 385:1–2

беда-напасть / времена пошли с бедама со напастями Р 83:49

беда-незгода / про твою беду-незгodu про великую П 243:82

бедный-бессчастный / я чего да сижу, мать бедна-бессчастливая Р 46:1

бедный-кручинный / хоть дождусь, бедна-кручинна головушка Р 139:31

бедный-невольный / и спроста речь бедна-невольна говорила

С 333:99; сговорю, бедна-невольна, потихошеньку С 410:108

бедный-печальный / посидим, бедны печальны, посоветуем Р 131:206

бедный-победный / спамятуешь меня, бедную-победную П 40:87

бедный-унылый / мое бедное, уныло причитаньице Р 89:256

бежать-идти / бежит конь – иде дорожкой, подтыкается П 229:31

белила-румяна / билила-то, румяна каргопольский С 368:288; ты

белила положи да со румянама С 369:335; от белил-румян девиче
 лице перхает С 373:109

бело-дубовый / во эту нонь колоду белодубову П 106:25

бело-румяный / твое бело-румяное личико П 99:9

бело-полотняный / в белополотняны шатры он ушатрился П 160:86

белочки-заюшки / и быдто белочки солдатушки поглядывают, и быв

упалы серы заюшки посматривают Р 70:222–223

белый-денный / да ты, братец мой-белой денной светушко С 436:66

бескручинный-беспечальный / знать, головушка моя да бескручинная,

и утробушка моя да беспечальная Р 120:13–14

бессчастный-бесталанный / во бессчастный день во пятницу

засияны, в бесталанный день во среду вспорожены П 31:26–27

бессчастный-неталанный / ой, бессчастливы мои мысли неталанные!

П 97:57

⁵⁰ С – свадебные, П – похоронные, Р – рекрутские причитания [Барсов 1997]; цифры указывают страницы соответствующего тома и номер строки.

- бессчастье-бесталань / знать, боишься ты великова бессчастье,
уж какого е злодейна бесталань! П 30:14–15
- бить челом-кланяться / и он челом бил, мой ведь свет, да низко
кланялся Р 72:312
- бить челом-поклоняться / она бьет челом да поклоняется Р 101:91
- благодетель-служитель / вы простите-тко, попы-отцы духовный, и
благодетели-служители церковный Р 52:17–18
- блад-молод / вы простите, блады-молоды вьюночки С 316:8
- блад-сын отечский / за тобой быть, за бладым сыном отечским
С 373:119; ты ведь скуп взяла с блада сына отечского С 383:121;
от этого блада сына отечского С 428:106
- бладенец-недоросточек / вы простите, вси старушки стародревний,
меня малыи бладенцы-недоросточки Р 51:21
- Бладыка-свет / не за тым я у Бладыки-света послана! П 27:79
- близко-наблизко / сойдум-ко-ся близко-наблизко П 141:38
- близко-поблизку / близко-поблизку кругло малое озерышко П 138:29
- Бог-Господь / слава Богу-то теперь, да слава Господу С 305:184;
332:74; 334:1; ой, не дай же Боже-Господи жить обидной во
сирочестве П 48:27–28
- богоданный / нет почёту-то от братцев богоданных Р 164:29
- болезный-малый / ублажали бы болезно-мало дитятко! П 82:76
- болеть-щемить / как болит-щемит ретливое середечушко П 149:97
- большак-настоятель / большака нету по дому-настоятеля П 34:16
- большак-начальник / по дому нет большака у их начальника П 145:143
- бояться-полохаться / тут боялася, победнушка, полохалась П 214:290
- бояться-страшиться / во темных лесах звирёв я не боялась бы, в
темной роще волков серых не страшилась бы П 132:31–32
- бояться-устрашиться / знать, боялись вы тяжела неможеньица,
устрашились, видно, скорой вы смерётушки П 108:33-34
- бранить-журить / все бранит-журит ветляную нештушку П 85:10
- братец-красно солнышко / спасет Бог да тебя братец-красно
солнышко С 332:46; у тебя да братец-красно мое солнышко
С 332:53,56; сидит да братец-красно мое солнышко С 408:7;
не забудь да братец-красно мое солнышко С 409:34; заходи
да братец-красно мое солнышко С 413:201; ты послушай,
братец-красно мое солнышко С 415:322; у тебя ж, да братец-
красно мое солнышко С 437:21; ко тоби ж, да братец-красно
мое солнышко С 438:67
- братец-светушко / да ты, братец мой-белой денной светушко С 436:66
- братец-тепло солнышко / не возрощены там братцы-теплы солнышки
П 163:9

братец-ясный сокол / у ясна братца-сокола С 315:43; братцы-ясны соколы С 317:65; я зглянула как на братцев-ясных соколов С 345:108; у желанных свет-родителей и у братцев-ясных соколов С 457:5–6; чела тысяща ведь братцев-ясных соколов С 469:93

братия-солдаты / между братией-солдатами походныма Р 86:144
братья-ясны соколы / шестьдесят братьев да ясных буде соколов С 407:315

броситься-кинуться / и она бросилась, победна, неоглядью, и она кинулась, победна, суровёшенько Р 209:23–24

булат-железо / как булат-это железо разжигали П 31:31

бурлак-детина / твои очи, у бурлака – ясна сокола, и твои брови, у детины – черна соболя С 449:18–19

бурлакушка-охотничек / да приберем бурлакушка-охотничка Р 82:34
буря-падара / буря-падара на синем море поднимется С 379:53

век-по веку / тосковать буде, горюшице, век по веку Р 145:6

вековечный / тут ведь всё ей виковично поминаньице П 119:12

вера-правда / служить верой правдой нам, солдатушкам Р 65:55

веселешенько-умилешенько / вы пойдите, новобранны, веселёшенько, и пойте писенку, походны, умилёшенько Р 71:253–254

веселым-веселешенький / веселым стоят оны да веселёшеньки Р 161:122

веселье-радости / на веселье и на радостях Р 119:218

весельице-забава / все весельица-забавы молодецкие П 169:170

весточка-грамотка / нету весточки горюше мне ни грамотки Р 167:190

ветер-вихорь / не от ветру, не от вихоря светла свитлица растворилася П 77:8–9

ветер-север / в витре в сивере – великое желаньице П 67:39

вдвое-второе / вдвое-второе поприбавила П 59:97

вдова-матушка / ты послушай, сирота же вдова-матушка! П 28:119

вдова-солдатка / вдова солдатка горегорькая Р 119:225

взвеселиться-взрадоваться / тут несчастная голова да взвеселилась бы, и тут сердечушко мое да взрадовалось бы Р 156:76–77

взвеселять-спотешать / взвеселяла вас спацливых родных дяденек, спотешала всё сердечных ваших детушек! П 109: 91–92

взять-поднять / взять-поднять колоду белодубову П 145:13

видаться-знаться / молодых да дён, горюша, не выдаюца, и я хорошества, горюшица, не знаюца Р 159 :32–33

видеть-смекать / вижу-смичу же, невольна красна девушка С 288:509;
вижу-смичу я, печальная головушка С 313:23; вижу-смичу ж, дочь-невольница С 426:10, 29; 430:181, 189; вижу-смичу,

догадаюсь, дочь-невольница С 449:4; вижу-смичу, дочь-невольница С 465:1; 479:70

водоплавный / не стрият ли водоплавных серых утушек П 102:16
возлюльничка-родитель матушка / (выкликал) возлюльничку
родитель, тебя, матушку С 281:181

возраст-волос / мни ни возрастом, горюшице, ни волосом Р 142:37
вольна-волюшка / мне-ка не своя вольна столько волюшка П 87:67
вольный-самовольный / я, вольная девича-самовольная С 358:458
воля-волюшка / дорога да эта воля-столько волюшка С 311:475;
сберегать да мою волю столько-волюшку С 327:103

воля-денный светушко / воля-дённой мой прости да белой светушко
С 461:123

воля-солнышко / воля-красное прости да меня солнышко С 461:122
вопору-вовремя / не вопору, не вовремя середи веку молодого ты
оставил, кормилец батюшко П 62:26–28

воротиться-пойти / ворочусь-пойду, печальная головушка П 193:1
воскормитель-батюшко / воскормитель-родной батюшко С 424:8
воскормитель-свет-батюшка / воскормителю-надёже свету-батюшку
С 282:215

воскормитель-родитель / воскормителя ведь нет в доме-родителя
Р 165:64

воскормить-споить / воскормил-споил невольну красну девушку
С 442:14

вспотешить-взвеселить / воспотешат красну девушку и взвеселят
да дорогу волю! С 457:44–45

впору-вовремя / уж не впору да и не вовремя П 220:56

врать-манить / што ты врешь-манишь, белая лебедушка! П 181:41
врать-нести / што ты врешь-несешь, голубко, пустословушку П 128:184
время-час / скоро время ускоряется, и скоро час да скоротается!
С 426:8–9

всякий-разный / всяки-разные цветочки расцветали бы П 37:40
выговаривать-высказывать / как ведь дитятко тебе да выговаривал и
скрозь обиду при добрых людях высказывал Р 86-87:162–163
выйти-стретить / выду-стричу на крылечике перёном С 305:182;
П 180:26

выкупить-выручить / да выкупи-тко миня, выручи С 482:27; выкупи
меня да выручи С 484:57

высказывать-выговаривать / ты высказывашь, родитель, выговаривашь
Р 227:178

выспрашивать-выведавать / не выспрашивай, родитель, не выведывай
Р 200:605

вытолить-вымолвить-выпросить / ты не мог, да все удалой доброй
молодец, и ты ни вытолить, детинушка, ни вымолвить, и на
церковном крылечике ни выпросить С 456:51–53

глупый-молодой / глупы-молоды скаченные жемчужинки П 201:14
глядеть-любоваться / сродчи-сроднички глядили-любовались бы
Р 85:113

глядеть-наглядать / ты глядеть станешь за сине за Онегушко, и ты
наглядать будешь черных больших кораблей Р 87:182–183

глядеть-поглядывать / я глядеть буду, поглядывать Р 113:64

глядеть-сидеть / я гляжу-сiju во ясны его очушки П 174:6

глядеть-смотреть / я гляжу-смотрю, невольница С 278:74; ты гляди-
смотри, родитель-родна матушка С 380:21; я гляжу-смотрю,
печальная головушка С 391:170, П 244:1; столько смотрячи на
бело твое личушко, и столько глядячи на твои да горючи слезы
С 392:184–185; я гляжу-смотрю ж, невольна красна девушка
С 439:80

гневён-гневён / ты гневён-гневён, родитель-красно солнышко С 314:58
гнуться-ломиться / вы не гнитесь-ко, мостиночки дубовые, не ломитесь,
перекладинки кленовые П 80:14–15

говорить-уговаривать / говорит еще, остудник, уговариват С 373:95
года-времечко / уж как в нынешни года да в это времечко Р 143:8

годышки-времена / и пошли годышки теперь да всё бедовый, и
времена пошли с бедама со напастями Р 83:48–49; и теперь
годышки ведь е да все не прежни, и времена пошли теперь да
не досюльные Р 131:209–210

голодный-холодный / как голодный придут оны-холодные П 134:9

голопузый / запоходят мироеды голопузыи П 244:134

голубушка-невестушка / аль голубушка-невестушка пожалилась П 199:24

голубушка-сестра / со голубушкам милым сестрам С 482:10

голубушка-сестрица / голубушка мила сестрица П 140:1

гордливый-спесивый / как гордлив-спесив остудник-блад отечской
сын С 307:289

гордость-спесь / оставляй-ко, моя белая лебедушка, и ты ведь
гордость-спесь, голубушко, великую С 308: 309

горе-горький / про печально горегорько возростаньце С 352:182;
обольемся мы слезами горегорькими П 93:115

горе-обидушка / с горя выпьет да он чару зелена вина, и со
обидушки, солдат, хмельных напитокочков С 358:454–455

горе-кручина / и от тошна горя к сердечку прижимала бы, и со
кручины к белу лично прилагала бы Р 81:28–29

- горе-служба / уже ой да горе-служба Государева! Р 73:349
- горесть-чад / горесть-чад да по лугам бы по зеленым Р 218:98
- гореть-туманиться / темной ноченькой свечи горят-туманятся Р 60:62
- горюха-сирота / мне горюхе-бедной сироте С 482:13; со мной,
горюхой-сиротой П 64:28
- горючий-слезный / на горячее-слезное обливаньце С 312:488
- горюша-жена / и ты живи, бедна горюша-молода жена Р 152:15
- горюшко-обидушка / и хоть я в горюшке, победна, – на своей воли,
и хоть в обидушке, горюша, – в своей стороны Р 167:178–179
- горький-бессчастный / поосталась сирота горька-бессчастливая П 66:24
- горько-детинный / я не знала, бедна мать горька-детинная П 104:18
- Господь-Бладыка / так ведь Господом-Бладыкой обзаконено П 91:51
- Господь Бог / да вы Господа-то Бога хоть побойтесь-ко П 183:67
- Господь Владыка / знать, што Господом Владыкой обзаконено П 66:33
- гости-гостибище / поезжай в гости-любимое гостибище П 92:77
- грусть-досадушка / с этой грусти я, горюша, со досадушки Р 158:145
- грусть-обидушка / меня грусть возьмет, великая обидушка Р 149:170
- гульбище-прокладбище / мы ходили по гульбищам-по прокладбищам
С 416:335; на вешних гульбищах-на прокладбищах С 450:44
- гульбищечко-игрищечко / на гульбищечка пойдешь невеселёшенька,
с игрищечка придешь да ты печальная П 169:149–150
- гульбищечко-прокладбище / на гульбищечко ль, невольна, на
прокладбище С 338:19
- гульливый-щегольливый / ты, гульливая сторонка, щегольливая Р 52:40
- гуляньце-весельце / гуляньце буде со весельцем П 109:80
- гулять-взвеселяться / нонь гулять будешь, голубко, не по-прежнему,
взвеселяться да ты будешь по-старому П 170:182–183
- гуси-лебеди / он стрелять охоч гусей да серых лебедей С 295:814
- гусятинный-лебединный / со стадушком садись да со гусятинным, и
со другим садись, дитё, – да лебединным С 344:71–72; у
нас забрано ведь мяса-то гусятинного, и приготовлено жаркое
лебединое С 441:34–35, 49–50; подросли да ей ведь крылышка
гусятинны, да ей перыца ведь, воле, лебединыи С 463:209–210
- дале-дале / дале-дале от родимой сторонушки Р 58:107
- далеком-далекохонько / провожаю тебя, горюшица, во солдаты
новобраныи, далеком-далекохонько Р 114:3–5
- далеком-далекошенько / мы прираскинем свои-то очи ясные
далеком-далёкошенько на все четыре стороны! П 221:83–84
- дальный-украинный / в города те я во дальные, во дальные да во
украинные Р 115:68–69

дарить-дарить / уж как дарил-дарил остудник-блад отечской сын
С 474:1

два-три-четыре / видно две да три-четыре оставляются С 346:8
девушки-подружки / пусть-ко девушки ведь косу уплетают, пусть-ко
подружки во ленты убирают С 388:24–25

дела-суды / по делам-судам душа будет праведна П 239:3

демян-ладон / вы демян да этот ладон разжигайте-тко П 101: 22
день-ноченька / с ума-разума детей я тут не выложу, я не в день-то
их, не в темную ведь ноченьку П 135:54–55

дённый-белый / как придешь, дённой-белой да мой светушко С 436:80
детушки-победнушки / станут детушек-победнушек подергивать
П 36:51

дикий-темный / в дики-темныи леса да во дремучи П 66:15

добротушка-тетушка / ко добротушкам-желанным родным тетушкам
С 324:85; добротушку-желанну себе тетушку С 334:5

доброумиться / доброумились победы мы головушки П 98:30;
доброумься, сирота да бесприютная Р 155:50

доброумьце / за твое да за велико доброумьце! П 186:4

доброхотушка / сердобольна доброхотушка П 162:17

добрый-хороший / може, возратит Бладыко многомилосливой да на
доброй тебя путь он на хороший П 227:217–218

дознаться-доведаться / я дозналася-доведалась С 277:28

долговекий / долговеко ль его было неможеньце? П 162:2

долить-крушить / и тут тоскичушка меня да не долила бы, и все
кручинушка меня да не крушила бы Р 159:58–59

дольщица-участница / ты не дольщица теперь да не участница
Р 169:266

дольщик-участник / и ты не дольщик крестьянской нашей
жирушки, и не участник участкам деревенским Р 76:21–22

дом-воля / мне-ка свой да дом-своя воля у желанных свет-родителей
С 457:4–5

дом-крестьянска жирушка / я во свой да дом-крестьянску пойду
жирушку С 294:763; как приду да в дом-крестьянскую во
жирушку С 298:959; ты придешь в дом-крестьянскую ведь
жирушку С 308:315; принесите в дом-крестьянску свою
жирушку С 341:41; не постановить да дом крестьянска
наша жирушка С 350:107; (отпускают) по своим домам
крестьянским по жирушкам С 356:388; мы во свой бы
дом-крестьянскую во жирушку С 379:38; во свой дом-во
крестьянскую во жирушку (привезите) 387:73; в свой да дом-
крестьянскую во жирушку С 408:22

- дом-житье / не дом теперь-житье не разживается П 154:303; уж вы дом-мое житье нонь освятите-тко! П 229:43; у нас дом-житье теперь да изменилося Р 212:39
- дом-подворьице / опускает дом-подворьицо Р 112:18
- дом-хормное строеньице / и поимали перелётну вы бы птиченьку <...> и принесли бы вы к селу да деревенскому, и вы во свой бы дом-хормное строеньице С 341:75
- дороженька-тропиночка / вси знакомы ему малыи дороженьки и запримечены единыи тропиночки С 390:112–113
- досада-кручина / во досады, во кручины во злодийной Р 157:113
- досада-обида / со досады на крылечико перёное, со обиды на прогульную на уличку П 172:14–15
- доспроситься-доведаться / доспрошусь до человека я, доведаюсь! П 126:92
- доспроситься-уповедаться / доспрошусь я у соседок, уповедаюсь П 159:54
- досыта-допьяна / столько досыта суседей накормили нас, и еще допьяна ведь нас да напоили С 454:33–34
- дочи-девица / нынь пройду, дочи невольна красна девича С 475:26
- дочи-невольна красна девушка / и нынь прошу дочи-невольна красна девушка С 318:98; нонь пойду, дочи-невольна красна девушка С 452:1; 456:63
- дочи-невольница / я пройду ж, дочи-невольница С 457:35
- дочь-невольна красна девушка / заплачу ж, дочи-невольна красна девушка С 424:78; подношусь, дочи-невольна красна девушка С 449:13; и покуплюсь, да дочь-невольна красна девушка С 460:91
- дочь-невольница / я увидла, дочь-невольница, обóзрила С 346:1; не знаю, дочь-невольница, не ведаю С 408:27; взвеселяйся, дочь-невольница С 420:159; 425:3; вижу-смичу, догадаюсь, дочь-невольница С 449:4
- друг-могилушка / друг-могилушка в глазах да показалася! П 41:3
- друг-совет-подружка / ты послушай, друг-совет да мила подружка С 356:278; 371:44; не бессудь, да друг-совет да мила подружка С 451:56
- друг-советна подружка / милы друг-советны мои подружки С 316:9; друг-советных милых подружек С 321:27; я тоби, да друг-советной милой подружке С 347:9, 348:62; подойти да к друг-советной милой подружке С 348:3; всё к тебе, да друг-советна мила подружка С 350:118; на тебя, да друг-советну милу подружку С 351:130; ко тоби, да друг-советной милой

- подружке С 352:169; друг-советна мила подружка С 353:219; С 354:296; ты послушай, друг-советна мила подружка С 367:248; С 368:263; 369:338; поспешитесь, друг-советны милы подружки С 424:83; друг-советным милым подружкам С 424:2; друг-советны дружны подружки С 426:26; спамати, да друг-советна прежня подружка С 450:38; вы простите свет-невольницу и друг-советны милы подружки С 458:24–25; моих милых друг-советных этих подружек С 469:90; моих милых друг-советных дари подружек С 470:131
- дружье-братье / и дружье-братье у него будут в собраньице С 444:61; дружью-братью бы не жалиться С 468:27
- дружьё-братъё-приятели / и спасет Бог да вам, дружьё-братъё, приятели Р 56:1; у дружьев-братьев ведь он да у приятелей С 319:13
- дружье-братьица Р 51:10; и дружьев-братьицев садили все приятелей и своих милых садили поровечников Р 89:281–282
- дружье-приятели / и хоть дружьём иде, мой свет, да со приятелям Р 53:8
- ду-друг / уж мы ду-другу ведь тут да рассказали С 405:198; оны с ду-другом ведь там да взвеселяются С 409:62; жить на сем свете – ду-друга любить! П 138:51; про обидушку у ду-друга повыспросим П 189:143; вы ду-друга, победны, приузнаете Р 67:81; вы на ду-друга, победны, усмотритесь-ко Р 67:84; между ду-другом тихонько разговаривают Р 78:25; и мы молебеньки за ду-друга служили бы Р 161:279; тут с ду-другом солдаты распросились Р 218:82
- думушка-розмысел / и не по думушкам теперь да дело ставится, и не по розмыслам у ей да обрещается Р 82:38–39
- душа-красна девица / душа да красна девича С 315:41; я душа да красна девича С 321:34; прозабыла я, душа да красна девица С 370:10; ты послушай же, душа да красна девича, С 450:36; изукрашен мой зелёной сад, и сад куницама-лисицама, и душмы-красныма девицама С 458:16–18
- душа-красна девушка / (изживаєте) душу-красну столько девушку С 283:274; на весельице души да красной девушки С 291:651; я сама пойду, душа да красна девушка С 294:762; не садись же ты, душа да красна девушка С 296:868; с душой-красной этой девушкой С 315:15; мне, души да красной девушке С 325:88; спаматите-тко, души да красны девушки С 340:8; я, обидная душа да красна девушка С 348:2; вси в собраньице души да красны девушки С 350:115; подобрал себе душу да

красну девушку С 355:302; мы обстанем, души-красны кругом
 девушки С 355:312; я слыхала ведь, душа да красна девушка
 С 366:202; мне не надобно, души да красной девушке С 372:57,
 77; не годится мне, душе да красной девушке С 373:116; я
 отвитила, душа да красна девушка С 373:127; на тебя, да душу-
 красную ведь девушку С 385:12; подневольная душа да красна
 девушка С 401:47, 73, 91; вы скажите-тко, души да красны
 девушки С 429:141; души-красны вы девушки С 427:67; ты
 гуляй да душа-красна моя девушка С 450:49; мы ходили как,
 души да красны девушки С 454:41

душа-подружка / я ко этым душам да дружным подружкам С 429:138

едать-пивать / и хлеба-соли мы пять суток не едали, и десять дён
 воды, несчастны, не пивали Р 217:73–74

еденьице-питьецо / и как еденьице вам буде ведь скотиное, и точно
 питьецо, победным, лошадиное Р 73:350–351

еденьице-питемьице / как еденьице солдатушкам – сухарики, как
 питемьице им – водушка со ржавушкой Р 104:71–72

единым-единешенький / единым бедна горюша единешенька!
 П 187:53

ествушко-питье / и уж он ествушек, горюн, не искушает, и медвяного
 питья не испивает! Р 54:36–37

ествушко-питьицо / и тебе ествушки сахарны составлены, и тебе
 питьица медвяны налажены Р 76:6–7

есть-кушать / я не ваше ела-кушала С 457:7

есть-пить / лучше день лежим, родитель, не едаюца, да мы суточки,
 родитель, не пиваюца П 136:85–86

жалко-жалобно / жалко-жалобно печёт да красно соднышко Р 146:44

жалко-уныло / жалко-уныло ведь писенки спеваючи С 347:48

жалобно-уныло / поет жалобно-уныло мала птиченька С 341:56

жаль-тошнёшенько / жаль-тошнёшенько со братцем поросстатися
 С 414:287; жаль-тошнёшенько надёжной мне головушки
 Р 167:187

жаль-тошно / мне-ка жаль-тошно, кручинной головушке С 303:109;
 мне-ка жаль-тошно бажёной дорогой воли С 318:83

жар-птица / быдто жар-птица во клетку посажённая С 297:904; жар
 как-птицю опустила я со клеточки П 66:18

ждать-дождаться / уж мы ждали, да не дождалися П 221:93

ждать-дожидатися / стала ждать бы-дожидатися Р 117:131; будем
 ждать да дожидатися! П 65:43

жена-семья / после милой-то жены-семьи много ума надо разума в
головушке П 82:52–53; спомянуешь ты жену-семью любимую
П 82:58

жить-воспитаться / тебе как жить, горюше, воспитатися П 132:11
жить-расти / я живу-росту, душа да красна девушка С 348:24; и хоть
я девушка живу-росту кручинная С 374:177

жить-растить / жить ведь, растить-то сиротных малых детушек
П 156:59

жить-служить / мне-ка жить-служить во службе Государевой Р 122:118
житье-добро / и помалёхоньку ведь мы бы да исправились, и на
житье-добро ведь мы бы всё наладились Р 159:60–61

закручиниться-заобидеться / закучинится он тут, да заобидится
С 358:437

заложить-снести / заложил-снеси крестьянину богатому П 205:25
заобидеться-закручиниться / заобидишься, солдат, ты закучинишься
Р 76:32

заразить-побить / заразил-побил Илья свет Преподобной П 203:75
заступа-заборонушка / быдь заступой-заборонушкой С 467:12; уже
быдь да мне, невольнице, ты заступой-заборонушкой С 478:42–43
заступушка-заборонушка / был заступушкой тоби, был заборонушкой
П 168:129

заступушка-приберегушка / на заступушку была, на приберёгушку
Р 63:195

затулый-синий / эту затулу-синю завеску С 290:605; этой затулы-
синей завески С 291:625; и ты, зату́ла-синя за́веска, и захити ж
меня, невольничу С 478:18, 22

заюшко-горносталюшко / хоть с-под кустышка приди да серым
заюшком, из-под камышка явись да горносталюшком П 37:20–21

звать-честить / да звать-честить в хоромное строеньице Р 175:33

звать-честовать / и зовё-чёстуете любимого ведь гостюшка Р 230:338

звон-унылый / звон-унылы колокольчики С 314:43, 315:24; запоем
да звон-унылы жалки песенки С 409:53; звон-унылы жалки
писенки спевали С 433:334; вы простите, звон-унылы жалки
писенки С 439:10; (споют) звон-унылу жалку писенку С 457:42;
запоют как звон-унылы оны писенки П 91:58

земля-матушка / ой не дай да Боже-Господи Земли-матушки без
пахаря П 72:49

земля-мать / земли-матери теперь да он не пахарь П 170:22

земля-орда-сторонушка / ты с какой земли, солдатушка, с какой орды,
ты с которой, солдат, е да со сторонушки С 357:432–433

- златокрыленький / тут спорхнет наш соколочик златокрыленький
П 91:60
- златокрылый / жаль-тошнёшенько мне братца сдвуродимого,
потошние – соколочка златокрылого П 162:5
- злато-серебро / много злата ты брала, да много серебра С 370:36; и
мне ни злата от тебя, да ведь ни серебра С 372:58
- зло-бессчастье / зло-бессчастье тут велико устоялося П 67:52
- зло-бессчастьеце / уж как это зло-великое бессчастьеце впереди
меня, злодейно, снаряжался П 29:48
- зло-бесталаньеце / и сустигало зло-велико бесталаньеце Р 212:56
- зло-лихость / и вы не спомните невольницу, и вы не злом, меня, не
лихостью С 459:42; уж вы злом его не спомните-тко, лихостью!
П 30:16
- зло-неволище / всё страшится зла-великого неволища С 462:201
- зло-несчастьеце / про ваше зло-великое несчастьеце П 160:88
- злодеи-люди / про злодиев-то чужих людей С 484:74
- злодей-больший сват / как лукав, лукав да злодей-больший сват С 471:181
- злодей-командир / и как злодии-камендеры скрозекозныи Р 70:198
- злодей-неприятель / и уж где да вы, победы, сохраняетесь, и от
злodies-неприятелей спасаетесь? Р 101:64–65; и воевать да со
злodies-неприятелем Р 143:47
- злодей-обида / тут злодий эта обида поуходится Р 151:269
- злодей рассказ-больший сват / лукав злодий да рассказ-больший
сват С 282:243
- злодей рассказ-сват большой / про злодиев-то рассказов-сватов
большиих С 284:319; до злодиев-то рассказов-сватов больших
С 297:891
- злодей-сват большой / уж как этим злодиям-сватам большим
С 284:322; принаехали злодии-сваты большии С 382:55; ты от
этого злодия-свата большого С 428:107; уже ждешь в гости злодиев-
сватов больших С 430:175; вы идите-тко, пожалуста, все злодеи-
сваты большии С 457:11–12; всё пугается злодея-свата большого
С 462:200; запустили в дом злодиев-сватов больших С 464:19
- злодей-служба / объявили злодей-службу завоенну Р 127:30
- злодей-смерётушка / ты возьми, злодей-скорая смерётушка П 26:62
- злодейка-бесталанница / тут проклятая злодийка-бесталанница
впереди меня, злодийка, уродилася П 29:34–35
- злодейка-душегубица / она крадчи шла, злодейка-душегубица
П 25:34; я бы видела злодийку-душегубицу П 66:5
- злодейка-лиходеица / она крадчи шла, злодийка-лиходеица П 66:8
- злодейка-мачеха / навязалася злодийка-лиха мачеха П 84:133

злой-несносный / зла-несносная тоска неугасимая П 67:48
злой-спесивый / зла-спесива богоданна буде матушка С 287:448
знакомый-запримеченный / вси знакомы ему малыи дороженьки и
запримечены единыи тропиночки С 390:112–113
знать-ведать / знаю-ведаю невольна красна девушка С 284:317;
кабы знала ты, голубушка, да ведала С 307:287; можешь знать
да ведать, красное мое солнышко С 332:61; ты не знашь того,
голубушко, не ведаешь С 367:251; можешь знать-ведать, сердечно
мое дитяtko С 378:9; кабы знали-то, желанны, да вы ведали
С 386:33; не знаю, дочь-невольница, не ведаю С 408:27; знаю-
ведаю, родитель, сдогодаюся С 429:164; знаю-ведаю я, белая
лебедушка С 434:27; можно знать да можно ведать С 485:17
знать-сидеть / знай сиди да ты за столиком дубовым П 233:86
золотой-дорогой / и со русой косы клади да алу ленточку, золотую
дорогую косоплётчку С 369: 327–328

игрищечко-прокладбище / проходить да станут милы твои подружки
на игрищечка оны да на прокладбища П 166: 25–26
идти-подвигаться / мне-ка поблизу итти да подвигатися С 364: 94
идти-шататься / уж он пьян-не пьян, злодий идё-шатается С 356:363;
и хоть не пьяны – путем идут, все шатаются Р 153:75
извинить-простить / извини-прости, спорядная суседушка Р 161:117
Илья Пророк / пресвятой Илья-Пророк свет преподобный П 202:3
именье-богачество / на што кинулась и бросилась – иль на именье-на
богачество? С 484:66–67
имечко-изотчинка / ты по имени скажись, да по изотчинке Р 240:145
имечко-честь / ты по имечке чести да по изотчине С 356:373
искат-гора / на искат-горах, голубушко, катаючи С 347:46
искушать-испивать / и уж он ествшек, горюн, не искушает, и медвяного
питья не испивает! Р 54:36–37
испить-выкушать / испей-выкушай, удалой доброй мóлодец С 451:1
исправиться-наладиться / и помалёхоньку ведь мы бы да справились,
и на житье-добро ведь мы бы всё наладились Р 159:60–61
испугаться-убояться / испугалася я остудничка-чужанничка и
убоялася рассказов-сватов больших С 281:172–173

казаться-объявиться / и он во снях да мни, горюшице, не кажется, и
наяву мне-ка, горюше, не объявится Р 96:151–152
катить-жаловать / катит-жалует ведь матушка крестовая С 336:8;
катит-жалует голубушка – всё родитель-моя матушка С 480:5–
6; катит-жалует сестрица двуродимая П 164:55

- кидаться-бросаться / со тоски да моя волюшка кидалася, со досады
моя волюшка бросалась С 386:35–36
- кинуться-броситься / кинусь-брошусь во косевчато окошечко
С 444:22; на што кинулась и бросилась С 484:66
- класть-девать / куды класть-девать бажёну мне-ка волюшку 473:252;
и куды класть-девать сердечных своих детушек? Р 170:322
- кокошица-горюша / и как кокошица-горюша во сыром бору Р 219:25
- кориться-проситься / я корюсь-прошусь, невольнича С 478:40
- кормилец-батюшко / Бог дает да дорогá гостя, дорога гостя
сердешного, моего кормильца-батюшка С 483:36; не бывать
кормильцу-батюшку в своем доме благодатном! С 485:20
- кормилец-дитятко / после моего кормильца-мила дитятка П 95:1
- кормилец-свет батюшка / у кормильца света батюшка П 59:58; ко
кормильцу-свету батюшку П 59:85
- кормить-поить / и меня, кормячи, невольну, столько поячи С 287:441
- краса-баса / на красы-басы стоял да на убожестве С 285:352
- краснословьице / краснословьице было мне-ка отчимое П 156:69
- красота-хорошество / он сменял бы красоту свою-хорошество Р 212:28
- крепко-накрепко / крепко-накрепко сердечко подтягали Р 69:182
- кроволитье / понапрасное живет да кроволитье Р 151:282
- кровь-румянец / кровь-румянец со бела лица сменилась П 115:92
- круг-танец / во кругах-танцах оны да их завертывают Р 221:93
- кругло-малый / мы повыплетем кругло-малое озёрышко С 388:15; и
не подойде он ведь близко к быстрой риченьке, и он напиться к
кругло-малому озерышку С 390:119; и как подъехала, печальная
головушка, и я ко эту кругло-малому озерышку, и кругло малое
озерко становилася С 402:93–94
- кругом-наокол / как снежёчки быдто тают кругом-наокол огней П 105:54
- кругом-около / я на этой на урёчной на неделюшке и кругом-около,
невольна, обходила С 324:72
- крутой-складный / у тяжела, круто-складного зголовьица П 25:29;
на слезливо круто складне сголоивьице П 188:107
- кручина-обида / во кручине, знать, ума да не хватило, во обиды в
добрых людях не спросили! П 161:171–172
- кручина-обидушка / и ты меняй свою кручину на весельице, и ты
обидушку свою на доброумьице Р 51:7–8
- кручина-печаль / вы кручины-то-печали не слыхаюца Р 81:21
- кручина-тоскичушка / и ты письмо пиши, наш свет, да всё кручиною,
и запечатай ты его да ведь тоскичушкой! Р 106:133–134
- кручинушка-досадушка / и со злодийноей великой со кручинушки,
и с проклятой теперь да со досадушки Р 52:17–18

- кручинушка-обидушка / прозабудешь всю великую кручинушку,
поставишь всю злодийную обидушку П 38–39: 9–10
- кручинушка-тоска / и со кручинушки смерётушка не приде, и со
тоски у мя душа с грудей не выдет Р 127:15–16
- кручинушка-тоскичушка / накопилось кручинушки в головушку, все
несносные тоскичушки в сердечушко П 32:12–13
- крылье-перыице / кабы вороны слетались бы, крылье-перыице щипались
бы С 278:66–67; и стала б птиченька по клеточке поскакивать и
крылем-перыицем она да поколачивать С 341:80
- куница-лисица / изукрашен мой зелёной сад, и сад куницама-лисицама
С 458:16–17
- кусочки-объедочки / едят щеечки-охлёбочки и кусочки-объедочки
П 56:60–61
- куст-кустарничек / все мелки кусты-кустарнички Р 111:42
- кусточек-листочек / не глядела под ракитовой под кусточек, не
смотрела под малиновой под листочек П 193:40–41
- кустышек-камышек / хоть с-под кустышка приди да серым заюшком,
из-под камышка явись да горносталюшком П 37:20–21
- кушанье-питье / у мя кушанья теперь да не солдатский, у мя питья
про тебя да не артельный Р 243:268–269
- кушанье-питьице / и от кушаньев пойти да от сахарных, и от
питьцев пойти да от медвяных Р 56:21–22
- ладно-хорошо / мы не ладно-то, лебедушки, удумали, мы не хорошо,
победнушки, уладили П 178:28–29
- ласковый-прелестный / где оставила, сердечное желаньице, свои
ласковы-прелестны словечушка? П 67:36–37
- лист-бумага / на гербовой лист-бумагу обчинили П 214:288
- лист-бумаженька / не купили лист-бумаженьки гербовые П 27:93
- ловец-добрый молодец / не успели тут ловцы-добры молодцы
П 238:76
- луга-нивы / как я стану обрабатывать свою землю хлебопашеством,
свои поженьки прокосные, и луга-нивы продольные Р 111:40
- луга-травы / недород да всё довольным этим хлебушкам, недорос
да на дугах-травях шелковых П 154:302
- луна-солнышко / воссияла тут луна-да красно солнышко С 398:15
- лучше-краше / лучше-краше мне девоцяго живленьица на судимой,
скаже, этой мне сторонушке! П 194:17
- любо-дорого / со сторон смотреть любо было дорого! П 149:117
- любушка-сестрица / нету любушек-сестриц, видно, родимых
Р 78:39; меня любушка-сестрица принимала С 413:237; и тут

вспомнишь, тёпло-красно мое солнышко, и меня, любушку-сестрицу-то родимую С 436:89

любущка-сестрица сдвуродимая / и мы отпустим тебя, белую лебедушку, <...> и мы ко любушкам-сестрицам сдвуродимым С 324:80–84; и мы приехали к селу да деревенскому, и мы ко этому хоромному строеньицу, и свет ко любушке-сестрице сдвуродимой С 325:7–9; слушай, любушка-сестрица сдвуродимая С 327:77; и ныне к себе прошу, невольна красна девушка, и тебя любушку-сестрицу сдвуродимую С 331:14; и вы останьтесь, шутки-шмоночки девóчки, и здесь у любушки-сестрицы сдвуродимой С 333:4–5; есть ведь любушка-сестрича сдвуродимая С 388:21; слушай, любушка-сестрича сдвуродимая С 400:6; и твоей любушки-сестрицы сдвуродимой С 403:134; моя любушка-сестрица сдвуродимая С 407:300; сади любушек-сестриц да сдвуродимых С 441:28; моих любушек-сестриц да сдвуродимых С 470:113
любущка-сестричка сдвуродимая / и слушай, любушка-сестричка сдвуродимая С 329:61
любущка-сестричушка / и единёшенек ты в дом, да свет, являешься, и ты без любушки-сестричушка родимой С 436:78–79
любь-согласице / и што в любви живешь с надёжей во согласице Р 161:113

малый-малёхонный / со своим да дитём малым, с малым да малёхонным Р 118:199–200
малюм-малёхонный / со своим да дитём малым, со малюм да малёхонным Р 115-116:81–82
манить-лестить / хотя ж манят-лестят сестрицы сдвуродимые П 186:15
матушка-елиночка / уж ты матушка-зеленая елиночка С 393:42
матушка-сыра земля / и не стонет ли то матушка-сыра земля С 294:766; подойми (его) да ты от матушки-сырой земли С 356:371; и он плевать да стал на матушку-сыру землю С 374:139; из-под матушки-сыры земли С 483:37
мать-солдатка / и сирота-то мать-солдатка поклоняется Р 174:5
мелко-прядный / уплетешь да мелкопрядну косу русую П 166:45
мелко-рубленный / ты пойди да в мелкорубленные клеточки П 154:326
мелко-складный / сарафаны я роздам им мелкоскладные! П 111:60
мертвый-убитый / вы возьмите-тко со чистого со полюшка, вы во свой дом тело мертвое-убитое П 206:59
место-местечко / не место тут ведь волюшке-не мистечко С 294:755; тут не место моей волюшке-не мистечко С 295:837; то не место мне-ка, волюшке, не мистечко С 384:153, 166

миловать-жаловать / тебе Бог да станет миловать, Государь да станет жаловать Р 109:71

милость-прощеньице / и нету милости, несчастным, нет прощеньица Р 73:355

милый-любимый / к сыну милому-любимому Р 112:7

милый-сердечный / и про тебя, мило-сердечно это дитятко Р 242:252

мироед / запоходят мироеды голопузыи П 244:134

мироедный / укатилася съедуба мироедная П 233:114

много-множество / много-множество народу-людей добрых С 342:8, 14; много множество крестьянской е роботушки С 350:106; много-множество попов стоит духовных П 244:2; много-множество кручинушки наскопится Р 125:4

многопобедный / и ты вспомни-ко меня, престарелую, многопобедную головушку Р 110:12

молчи-схватиться / и молчи-схватишься ведь белая лебедушка, и по своей да по бажёной дорогой воли С 302:49–50

мостиночки-перекладинки / вы не гнитесь-ко, мостиночки дубовые, не ломитесь, перекладинки кленовые П 80:14–15

муж-головушка / впереди стоит надёжа муж-головушка Р 231:36

мужики-глупцы / вы даёте все повольку мужикам-глупцам П 232:66

мужикище-грубиянище / мужикища-то наедут грубиянищи С 444:64

мурава-трава / мурава-трава на ней тут выростала бы П 37:35

мученьице-ученьице / и нам больши того живет да все мученьице, и день до вечера живет да на ученьице Р 203:726-727

набелиться-нарумяниться / мне набилиться девиче, нарумяниться! С 376:30

набояться-наполохаться / набоялася победна, наполохалась П 226:195

надёжа-свет батюшка / выкликал да он надёжу света-батюшка С 281:180; у надёжи света-батюшки С 417:29; 451:53

надёжа сударь-батюшка / и отвечат ему надёжа сударь-батюшка С 282:219; и да мой спáцливой надёжа сударь-батюшка, и да не жалел да ты ступистых лошадушек С 344:89

надоесть-напрокучить / надоело што же воля, напрокучила С 297:886

надсмешничка-сестрица сдвуродимая / и ты надсмешничка-сестрица сдвуродимая, и ты с подмáну взяла вольну мою волюшку С 333:18

наеданьице-упиваньица / и не гля хлеба приду-соли наеданьица, и не гля сладких приду да упиваньицей Р 173:34–35

наедаться-напиваться / уж ты досыта, родитель, наедайся-тко, уж ты долюби, родитель, напивайся-тко! П 184–185:131–132

- накормить-напоить / столько досыта суседей накормили нас, и еще
допьяна ведь нас да напоили С 454:33–34
- налюбоваться-надивоваться / свет-родители на нас да налюбуются,
и состоронь да добры люди надивуются С 415:316–317
- намаяться-надияться / не намаялась, невольна, не надиялась С 283:257
- нанёмщикек-охотничек / не нанёмщикек иду да не охотничек Р 125:3
- напасть-беда / и позабудут светушки-братцы родимыи, оны
нынешнюю напасть-беду великую Р 76:25–26
- напитаться-напиваться / и мы великой тут кручиной напитаемся, и
мы горючима слезама напиваемся Р 129:85–86
- напиться-накушаться / напилася я, невольнича, накушалася С 437:108
- народ-люди добрые / пораздвинутся народ да люди добрыи
С 292:668; штобы слышали народ да люди добрыи С 323:14;
вы расстроньтесь-ко, народ да люди добрыи С 362:16; вы
послушайте, народ да люди добрыи С 393:19; с-за народу я
теперь да людей добрых С 434:1; поглядите-тко, народ да
люди добрыи 436:90; много множество народу-людей добрых
С 448:12; собрались народ да люди добрыи С 448:20; я на
правеж вас, народ-люди, не выведу С 448:3; при народе-людях
добрых С 468:39
- находиться-набродиться / мне в опорченках, победной, находится,
буде по миру горюше набродитися П 98:5–6
- начаяться-надеяться / не начаяла я горя, не надиялась П 28:22; и не
начаешься – ты горя накачаешься, и не надиешься – обидушки
навидишься Р 73:345–346
- небылица-напрасница / небылицу ты, горюша да напрасницу
(принимать будешь) П 40:52–53
- невесто-невестёшенько / и столько нёвесто мне, свет, да невестёшенько
С 410:89
- невесто-невестимо / столько невесто, родитель, невестимо С 346:23;
теби нёвесто, знать, было, невестимо С 398:28
- невестушка-голубушка / и нет почёту-то от братцев богоданных, и
краснословья от невестушек-голубушек Р 164:29
- неволище-чужа сторона / про неволище-про чужую сторонушку
С 369:18
- невольный-почетный / из места невольного, из невольного-
почетного С 484:60
- незгодушка-обидушка / про мою да про великую незгодушку, про
эту бы несносную обидушку П 31:37–38
- незгодушка-кручинушка / и ты не ведал про велику, знать,
незгодушку, и ты про эту про злодийскую кручинушку Р 239:88

незгодушка-тоскичушка / у нас е в дома великая незгодушка, е
злудийская великая тоскичушка Р 241:196–197
необутый-неодетый / и бессчастны будут ножки необутыи, и
бесталанны будут плеча неодетыи Р 149:157–158
неправосудный / задарить надо судей неправосудных П 150:131
нерадостный-невеселый / нерадостна ты ходишь, невеселая С 310:411
нести-вести /я несу-веду сердечных малых детушек Р 120:33
несчастный-неталанный / ты несчастная пришла да неталанная П 227:223
несчастье-бесталанье / вдруг по нашему великому несчастью,
как по этому злудийну бесталанье П 213:243–244
нет – не водится / нет да того на свете, не водится С 311:481
неумильный-складный / неумильное-складное причитанье П 166:18
низко-нанизко / поклоним-ко-ся низко-нанизко П 141:39
низкий-поклонный / скажи низкое поклонно челобитье П 165:16
носить-держать / ты головушку носи-держи поклонную П 113:36
ныть-ржаветь / ноет-ржавеет ретливое сердечушко П 67:50

обдержечки-обтопочки / носят платица-обдержечки и обуточки-
обтопочки П 56:58–59
обидным-обиднешенько / обидным буде, победным, обиднешенько
П 136:99
обидный-бросливый / на словах была обидная-бросливая П 117:38
обидный-горький / и не попушу да я, кокоша, жалка голоса, и я
обидной горькой причети солдатской Р 65–66:3–4
обидный-печальный / и я стояла тут, обидна, не дрожала, и отвечала
я, печальна, не боялася С 371:44–45
обидушка-досадушка / я обидушки, родитель, злой досадушки
(привиделся) Р 206:867
обидушка-кручина / великою обидушкой составлено, злой этой
кручиной запечатано! П 158:12–13
обидушка-кручинушка / при обидушке ведь ты, да при кручинушке
Р 213:91
обуточка-надеточка / тут обуточка видь нам да и надеточка Р 141:104
обуточка-обтопочки / носят платица-обдержечки и обуточку-
обтопочки П 56:58–59
обутый-одетый / не обуты будут дети, не одетыи П 138:8; и вы
обутии ведь были бы, одетыи Р 146:35
обычай-разум / и сведи Господи обычи ваши-разумы С 312:500
обычай-ум-разум / штобы свёл Господь обычи умы-разумы С 337:40
огонь-пламя / огонь-пламя изо гор да объявилось! П 237:32; с огня-с
пламяни буйна голова рострескалась Р 218:78

- однокровный-единоутробный / однокровны ведь дети, единоутробны Р 212:15
- океан-море / куничею она да в океян-море С 394:80; ко славному оны да к океян-морю С 423:53; с океан-моря напасть ли, моря синего П 174:20
- океан-моряшко / приобъехали кеян да сине моряшко С 357:397; к океан да ведь-ко синему ко моряшку С 365:142; к океян она, девица, к синю моряшку (не ездила) С 383:104
- окрикнуть-оговорить / не окрикнешь меня, не оговоришь П 140:19
- опомниться-опаматоваться / не опомнюсь я, горюша, не опаматусь Р 152:9
- орда-земля / вы какой орды, несчастны, во коёй земли Р 100:59
- орел-птица / не орлом-птичей мне-ка пролететь П 80:11
- оружьица-матушки / и вы, оружьица военны – родны матушки, и штыки вострыи ведь вы – да сестры родныи Р 205:816–817
- оставить-спокинуть / ты оставила-спокинула на желанного на батюшка П 73:33–34
- острастить-сполохать / не острастил-то начальник, не сполохал П 215:349
- остуда-чужа сторона / увезите от остуды-чужей стороны С 292:690; столько жить да на остуды-чужой стороны С 298:940; как на этой на остуды-чужой стороны С 328:16; про остуду-чужу сторону С 329:25; не радио на остуду-чужу сторону С 330:103; мимо эту остуду-чужу сторону С 344:77; устрашилась остуды-чужой стороны С 344:83; на остуды-чужей стороны сбывается С 346:28; про остуду-чужу сторону розжалилась С 360:6; быди проклята остуда-чужа сторона С 405:230; со этой остуды-чужой стороны С 438:63
- остудник-блад отечской сын / што засуливал остудник-блад отечской сын С 281:195; не похвастаеть, остудник-блад отечской сын С 317:52; как приедет-то остудник-блад отечской сын С 339:62; похваляется остудник-блад отечской сын С 354:298; тут остудник-блад отечской сын спохватится С 355:330; позади стоит остудник-блад отечской сын С 360:57; и не прознает ю остудник-блад отечской сын С 391:156
- остудник-блад сын / остудника-блада сына пугается С 317:37
- остудник-блад сын отечский / со остудником-бладым сыном отечским С 337:41; про остудника-блада сына отечского С 358:460; от остудника-блада сына отечского С 368:279; за остудником-бладым сыном отечским С 410:72
- остудник-чужанин / и у тебя да у остудника-чужанина, и все конишка у тебя да призаезжены С 317:57; не допустим мы остудника-чужанина С 444:9

остудник-чужанник / я не сдамся-тко остуднику-чужаннику С 462:169
остудничек блад сын / про остудничка ведь есть да про блада сына
С 284:320

остудничек-блад отечский сын / и што остудничек плывет да блад
отечской сын С 366:193; то остудничек плывет да блад отечской
сын С 431:253

остудничек-блад сын отечский / я с остудничком-бладым сыном
отечским С 319:5; про остудничка-блада сына отечского С 329:26;
и сбережем, може, бесценну твою волюшку и от остудничка-блада
сына отечского С 407:317–318; и сберегла бы ты бесценну мою
волюшку и от остудничка-блада сына отечского С 408:25

остудничек-богатина / он богат, скажут, остудничек-богатина С 361:86
остудничек-чужанничек / испугалася я остудничка-чужанничка
С 281: 172; лучилось слышать невольной красной девушке
про этого остудничка-чужанничка С 354:273; как у этого
остудничка-чужанничка С 361:81; 361:105

остудушка-чужа сторона / то остудушка стоит да чужа сторона
С 431:237; и все остудушка страшит да чужа сторона С 452:30

остудушка-чужа(я) сторонушка / и кабы знала ты, сердечно мое
дитятко, и про остудушку, про чужую сторонушку С 304:129;
и ты поробскажи, сестрича сдвуродимая, и про остудушку про
чужу про сторонушку С 400:103; и рассказала мне, невольной
красной девице, и про остудушку про чужу про сторонушку
С 407:4; и ты покрой меня, невольну красну девушку, и от
остудушки от чужей от сторонушки С 428:105

отец-матушка / отец-матушка того да испугались С 285:371; отца-
матушки я дочь была разумных П 223:60

отец-поп / вси отцы-попы духовныйи собираются П 32:22

отрекнуться-отказаться / и отрекнулась бы, родитель, отказалася
Р 206:253

оттошна-тошнёшенько / оттошна́ да жаль горюше мне-тошнёшенько
С 445:37

очи-брови / и твои очи, у бурлака – ясна сокола, и твои брови, у
детины-чёрна соболя С 449:18–19

перстень-жуковень / распоялися перстни его-жуковенья Р 96:171

перстни-жуковье / по спаям перстни-жуковье распоялися С 319:9

печалиться-кручиниться / Пресвятая Богородица печалится? Буйна
голова моя да все кручинится П 173:14–15

печаль-горе / печаль-горе на ретливоем сердечушке Р 222:19

печаль-досадушка / во печали я, горюша, во досадушке Р 135:92

- печальный-обидный / делама ты, печальна, занималась, со
крестьянамы, обидна, угощалась П 132:16–17
- пированьице-столованьице / и не честное ведь у нас да пированьице,
и не весело у нас да столованьице Р 90:308–309
- письмо-грамота / напишу письмо-грамоту Р 112:36
- письмо-грамотка / написать нам словечушка прелестныи, письмо-
грамотку, победным, заветную П 92:92
- питемьице-яденьице / нету водушки, родитель, на питемьице, хлеба-
соли нет у нас да на яденьице Р 205:804–805
- пить-кушать / знать, не пьешь, да доброй молодец, не кушаешь С 455:16
- плакать-возрыдать / слёзно плачут-то оны, да возрыдают Р 228:225
- плакать-тужить / ты не плачь, бедна вдовушка несчастная, не тужи,
да бедна мать ты горегорькая П 153:271–272
- платьица-обдержички / носят платьица-обдержечки П 56:58
- платьица-обуточки / носят платьица-обдержечки и обуточки-
обтопочки П 56:58-59
- плотники-работники / уж вы слушайте, плотники-работники П 178:14
- плотнички-работнички / я бы наняла ведь плотничков-работничков
П 37:34
- плотно-наплотно / плотно-наплотно ведь были б подпоясаны Р 76:457
- плотный-каменный / плотно-каменно ретливо, знать, сердечушко
Р 78:47
- плоты-тела / мы ходили-то солдаты, на плотах-телах Р 206:835
- плут-лиходейничек / он не плут был до вас, не лиходейничек П 231:6
- плут-разбойничек / ты не плут да был ведь, свет-то, не разбойничек
Р 67:55
- победный-бессчастный / во победном бессчастном живленьице /
Р 175:42
- победный-горький / и насмотрелась на бессчастных я головушек, и
на победну, горьку жизнь да я солдатскую Р 66:17–18
- победный-несчастный / и веселым наб быть, победным, не смеяться,
и при обиды вас, несчастным, не расплакаться Р 74:376–377
- повозничек-извощик / и да вам летной был, голубушкам, повозничек,
и да вам зимной безответной был извощик Р 93:22–23
- повыглядеть-повысмотреть / и ты где ж да меня девушку повыглядел,
и дорогу да мою волюшку повысмотрел С 468:42–43
- повыучить-повышколить / и хорошо да я жену свою повыучу, и
школьно-нашкольно, детина я, повышколю С 289: 559–560
- поглядать-посматривать / и быдто белочки солдатушки поглядают, и
быв упалы серы заюшки посматривают Р 70:222–223
- поглядеть-налобоваться / поглядит, бедна горюша, налюбуется П 115:128

поглядывать-высматривать / и стали девушки поглядывать, и меня
матушку высматривать С 418:48–49

поглядывать-посматривать / ты на волнушку-то будешь всё поглядывать,
и на бажёную, голубушко, посматривать С 391:167–168

поговорюшка-разговорушки / и поговорюшка была твоя учливая, и
разговорушки-то были чваковитиы Р 91:16–17

подмога-дар / на твоей же на подмоге-честном дареве (спасет Бог)
С 453:2

подождать-подумать / подожду, бедна горящица, подумаю П 191:29

подойти-сказать / подойди-скажи, родитель-родна матушка Р 79:66

подрачивать-поглаживать / и по головушке никто да не подрачивает,
и по несчастным его плечам не поглаживает Р 78:40–41

позаныть-позаржаветь / позаныло-позаржавело у меня, бедной
горющицы (сердечушко) П 49:63–64

пойти-выйти / пойду-выйду я на широку на уличку Р 51:1

пойти-идти / ты пойдиди к столу да ко дубовому П 184:126

показаться-обчудиться / и мни во снях ли то, горяше, показалось, и
на яву ли то в дому да обчудилося Р 233:14–15

показаться-привидеться / ты во сне нонь не покажешься, наяву мне
не привидишься П 140:20–21

показаться-прийти / покажись-приди, надежная головушка П 37:19

поклон-почет / мне поклон да был от добрых от людюшек, и мне
почет да был от мужниих от женушек Р 142:10–20

поклон-челобитьице / мне воздать да поклон-низко челобитьице
С 362:33; и не воздаст мне-ка поклона-челобитьица С 373:125;
вам по низкому поклону-челобитьицу С 443:28; и нам ведь
низких поклонов-челобитьицев Р 107:171

Покров-Мать-Пресвятая Богородица / и ты спаси да нас, несчастных
добрых мóлодцев <...> и ты Покров-Мать-Пресвятая
Богородица Р 57:33

Покров Пресвятая Богородица / и на новѣх сенях ты стрить да на
решѣтчатых и ты Покров да Пресвятая Богородица С 312:508–509
полномочный / тут повыберу судиму ей сторонущу, я крестьянина
в селеньи полномочного П 116:128–129

полночь-ночка / среди ли ты белого дня или в полночь-ночку темную
П 64:39

полы-мосты / налажены полы-мосты дубовыи С 368:268

помедеть-пожелезеть / золота сбруя помидила, серебряны подковы
пожелезили П 178:13–14

пониловный-поукрайный / из городов-то понилонных, понилонных-
поукрайных Р 113:67–68

- понятие-мудрость / и понятия в ретливо бы сердечушко, и тебе мудрости в бурлацкую утробушку Р 99:6–7
- пооставить-воспокинуть / пооставить так хоромное строеньицо, воспокинуть вся крестьянская наша жирушка П 129:197–198
- поп-отец духовный / не попам-отцам, ведь сад, да не духовным (не мешал) С 285:379; там не служат-то попы-отцы духовный С 381:29; я попом-отцем духовным обвенчана С 410:74
- по-писаному-по-учёному / тут я крест кладу, горяюша, по писаному, я поклон веду, горяюша, по учёному П 160:120–121
- по-прежнему-по-досюльному / и сбереги да мою волю там бесценную, и ты по-прежнему, мой свет, да по-досюльному С 415:229–330
- по-прежнему-по-старому / но по-прежнему, горяющицу стретают, но по-старому, горяюшу провожают Р 174:72–73
- пора-времечко / как до этой поры да было времечки С 285:348; как на ту пору, на тое было времечко С 292:671; на ту пору ведь буде-тое времячко С 294:785; слободная досужна пора-времечко С 304:142; погода ж этой поры да столько-времечка С 305:198; как во ту пору, дитё, да в тое времечко С 307:27; ты повыбери слободну пору-времечко С 308:345; до этой поры-времячка С 314:47; как во ту пору, мой свет, да в тое времячко С 316:57; во ту пору, сестрича, в тое времечко С 331:28; приходит стане рабоча пора-времечко С 340:32; мни-ка не дана слободна пора-времечко С 349:33; дала бы слободну пору-времячко С 350:91; незадолго до поры да буде-времечка С 355:336; на ту пору, советна, на то времячко С 365:170, 366:186, 206; при последнем-то поры да, воля, времечки С 386:36; што повыбрала слободну пору-времечко С 387:12; нонь я выбрала досужну пору-времячко С 388:3; как на ту пору, ведь светы, на то времечко С 393:30; как допреж сего, до этой поры-времячки С 429:145; при последнем поры-времечке С 457:43; все во ту пору было да в тое времячко С 469:67; как до этой поры да было-времечки С 415:331; как на ту ж пору теперь, да в тое времячко С 463:207; при последи же-теперь да поры-времечка С 475:30
- пора-время / поры времени не жалели П 139:25
- пораскидать-поразметать / и белы рученьки у их да пораскиданы, и белы ноженьки у их да поразметаны / Р 166:116–117
- пораскликать-поразговорить / не могу, бедна горяющица, пораскликать, поразговорить я родитель свою матушку П 73:71–73
- порасплакаться-растосковаться / и поросплачемся, победны, ростоскуемся Р 128:76

порост-возрастаньце / и в моем поросту да было, в возрастаньце
Р 50:10

портрет-бумаженька / я бы взяла тот потрет – эту бумаженьку П 133:48

портрет-лицо / и ты бы принесла патрет да личе белое Р 85:110

портрет-личушко / и ты патрет взяла б – бело его личушко Р 87:192

порушка-времечко / и тоей порушкой теперь да тымим времечком Р 50:69

поскакучий-полетучий / аль сорока эта птица поскакучая, аль
вороница она да полетучая П 176:86–87

посматривать-поглядывать / я в окошечко, невольница, посматривать,
и скрозь хрустальное стекло да я поглядывать С 439:70

посохнуть-поблѣкнуть / и были деревца в садочику посохнувши, и
были разные цветочки поблѣкнувши Р 210:64–65

поспешить-поторопиться / да Бог судья родимой матушке, што
поспешила-поторóпилась С 484:64

поспросить-доведаться / попрошу, бедна горяша я, доведаясь П 191:25

по-старому, по-прежнему / не по-старому хожу, да не по-прежнему
С 433:324

по-старому, по-досюльному / ты по-старому приди да по-досюльному
П 37:26

потерять-обронить / и потеряшечку, горяши, потеряли мы, и оброночку,
горяши, обронили ведь Р 153:89–90

потеряшечка-оброночка / и потеряшечку, горяши, потеряли мы, и
оброночку, горяши, обронили ведь Р 153:89–90

потихошеньку-полегошеньку / и уговариват победну потихошеньку,
и уласкат меня, горяшу, полегошеньку Р 122:94–95

почестить-поподчевать / почести гостя, поподчивай С 484:90

почтовая-ямская (дороженька) / почтовой-емской широкой ты
дороженькой Р 335:7

появиться-прийти / появись-приди, надежная головушка П 148:71

правосудивый / настойливы оны да правосудивы П 234:136

прежний-досюльный / и теперь годышки ведь е да все не прежни, и
времена пошли теперь да не досюльные Р 131:209–210

придрока-матушка / у придроки-родной матушки С 417:30

придрока-приберѣга / и на придрокѣ у родителя у матушки, и в
приберѣге у родителя у батюшка С 291:648–649

придрокушка-матушка / у придрокушки-желанной в доме матушки
С 442:85

прийти-засмотреть / приди-засмотри, крестово мое дитятко С 337:50

прийти-посулиться / ты когда да придешь батюшко, ты когда
придешь-посулишься С 482:32; ты когда придешь-посулишься
П 73:66

- прийти-прийти / и ты, приди, приди, надежная головушка Р 156: 60
 прилюбить-приглядеться / мне-ка што да прилюбилось, мне-ка
 што ли пригяделось С 278:41, 42
 прилюбить-приглянуться / его рубка-то ведь мне не прилюбилась,
 дровьца ведь мне не приглянулись С 364:120–121
 принять-пожаловать / тебе добро принять-пожаловать С 485:3
 приотмкнуть-приотпереть / и во церквах да Божьи книги приотмкнуты,
 и двери царски в церквах были приотперты Р 60:96–97
 причутися-прислышаться / што причулось да прислышалось С 483:8
 приютитися-придолитися / и мы не знаем куды, соловьи, приютитися,
 и во котору нам во рощу придолитися С 466:38–39
 приятели-поровечники / дружьев-братыцев садили все приятелей /
 и своих милых садили поровечников Р 89:281–282
 пробаить-проговорить / не пробаешь, не проговоришь одного слова
 единого П 60: 21–22
 прогулочка-уличка / на прогулочке-на уличке не спрашивай П 192:3
 прогулушка-уличка / по прогулушке по шірокой по уличке
 Р 226:165; и находилися ведь резвы мои ноженьки и по
 прогулушке по широкой по уличке С 460:86–87; и не несут да
 теперь резвы теперь ноженьки и со прогулушки со широкой со
 улички С 460:110–111
 прогулушка-улушка / ты прогулушкой ведь широкой-то улушкой
 (пойдешь) С 379:42
 прознать-проведасть / не прознают того добрыи людюшки! Не проведают
 спорядныи соседюшки! П 186:191–192
 пройти-миноваться / все прошло у тебя-миновалось П 100:22
 просить-молить / ты проси-моли у Господа Р 109:72
 просказать-пробаять / и просказали люди добрыи, пробаяли С 289:351
 прославляться-выставляться / нам не для цево с тобой да прославлятися,
 перед добрыма людми да выставлятися П 177:148–149
 проспаться-проглупать / и ты проспала-то по темным по ноченькам,
 и нынь проглупала по Божиим по денечкам Р 84:49–50
 простить-простить / ты прости, прости, теперь да белой светушко!
 П 209:77; ты прости, прости, село да деревенское Р 51:17
 простить-извинить / и прости-извини, родитель жалосливой С 314:61
 простить-прощать / ты прости-прощай, порода родовитая! П 109:7
 прощаться-расставаться / как прощалася, победна, расставалася
 Р 72:306
 прощение-бласловленице / я с великим прощением-бласловленицем
 С 336:13
 птичка-ластушка / налетят да птички-ластушки П 73:85

птичка-пташечка / расклевали ихны тела да молодецкие мелки
птички-пташечки П 219:36

пустословушка / што ты врешь-несешь, голубко, пустословушку П 128:184
пустым-пустёшенько / все пустым будет у нас да ведь пустёшенько
С 310:425

путь-дороженька / край пути стоял ведь сад до край дороженьки
С 285:351; и он которой придет путем-дороженькой С 289:543;
97; на пути да на широкой на дороженьке С 292:6; как идут
да путем-широкой дороженькой С 329:37; на пути стричу на
широкой дороженьке С 332:69; я повышла на путь-широку
дороженьку С 335:24; путь-дороженька / ты поди путем-широкой
дороженькой С 338:31; этой путем-широкой дороженькой
С 344:76; (вспомните меня) путем-широкой, невольную,
дороженькой С 348:59; в котору путь-дорожку отряжаешь
С 353:243; (не знает) проложить да путь-широкой дороженьки
С 367:223; пролегла же да путь-широка дороженька С 371:9; и как
пойду я путем-широкой дороженькой С 380:24; и путь-дороженька
итти да не торнёшенька С 381:22; приустала путём-широкой
дороженькой С 396:186; с дальнóй пути-широкой дороженьки
С 400:84; подолгу ты в пути-широкой дороженьке С 400:93; как
я ехала путь-широкой дороженькой С 401:49; супротив ночи на
путь иде дороженькой С 403:128; я отправилась в путь-широку
дороженьку С 403:136; обратись да со пути ты со дороженьки
С 403:140; я ехала путь-широкой дороженькой С 404:173; ты ехала
путь-широкой дороженькой С 408:7; сожидала с пути-широкой
дороженьки С 408:16; дай вам Бог путем-дороженькой (поехать)
С 424:1, 425:33; во пути, светы, в дороженьке (не стойте) С 425:45;
в путь-широкую дороженьку С 426:6; скличу подружек со пути-
со дороженьки С 447:143; при пути ж теперь, при широкой
дороженьке С 449:4; при пути ж да при ширóкой при дороженьке
С 453:2; по пути в дом по дороженьке С 457:38; путь-дороженька
сегодня неторнёшенька С 460:74

путь-дорожка / в котору путь-дорожку удалятися С 311:439; я туды
да путь-дорожку пролетала С 367:235; тебя на пути ль-дорожке
ль не честили С 399:47; в путь-широку дорожку безызвестную
С 405:202; во дальну путь-дорожку снаряжается С 462:199; моя
воля в путь-дорожку отправляется С 466:56

пьян-не пьян / и уж он пьян-не пьян, остудничек, шатается С 289:550;
уж он пьян-не пьян, злодий идё-шатается С 356:363

пьяница-пропойца / и што не пьяница ведь он да не пропойца Р 159:18;
так сжидала горьку пьяницу-пропойцу! П 223:81

- радость-весело / и не со радости оны да обуваются, и не с весела оны да умываются Р 171:32–33
- радость-весельице / знать, на радости стою да на весельице П 35:4; знать, на радости стали, на весельице П 175:68
- работница-трудница / не работница я, не трудница П 140:14
- разбросать-раскидать / все разбросаны-раскиданы по чужим дальним сторонущам П 49:46
- раздолье-чисто поле / все глядели на раздолье-во чисто поле П 47:70
- раздолье-чисто полюшко / среди да там раздолья-чиста полюшка С 403:118
- раздольице-чисто поле / да ты выдь-ко во раздольице-в чисто поле С 308: 346
- раздольице-чисто полюшко / по раздольицу по чистому там полюшку С 329:38; я раздольицем с тобой-да чистым полюшком (ехала) С 353:239
- разноличний / закупать там товаров разноличних П 120:23
- разойтись-разъехаться / как разошлись да и разъехались П 220:68
- разрядчик-распорядчик / нет разрядчика победным нам головушкам, распорядчика крестьянской работушки П 147:21–22
- расплакаться-разгореваться / как расплачешься, победна, розгорюешься Р 122:99
- растосковаться-распечалиться / и ростоскуется ретливое сердечушко, и распечалится несчастная утробушка Р 129:95–96
- расходиться-разъезжаться / от обидни станут люди расходиться, от вечерень-то народ да разъезжати П 171:24–25
- рвучи-рвать / и мое рвучи-рвёт ретливое сердечушко Р 130:162
- речь-басни / и спроста ричь-басни, сестрича, говорила С 330:73; и спроста ричь-басни у вас да говорили С 454:56; и спроста ричь-басни, невольна, говорила С 433:331
- речь-поговорушка / да ричь-то у дитины неумильная, и поговорушка твоя не чваковитая⁵¹ С 456:58–59
- ровнюшка-жена / буду ровнюшку-жену да прибирать себе П 82: 86
- родина-родинка / я ходила на родину свою родинку П 86:21
- родитель-батушка / у моего родителя у батюшки С 279:94; желанному родителю-то-батушке С 280:123; принести покор родителю-то батюшку С 307:280
- родитель-дяденька / послушай-ко, родитель моя дяденька П 164:1

⁵¹ Чваковитая – ‘похвальная’ [Барсов 1997 2: 644].

родитель-красно солнышко / ты гневён-гневён, родитель-красно солнышко С 314:58; и у меня ж, моя родитель красно солнышко, и крепко обмерло ретливое сердечушко С 345:113

родитель-матушка / у моей да у родителя у матушки С 279:90; на свою да на родитель-родну матушку С 280:144; ты послушай же, родитель-родна матушка С 281:191; у моей же у родителя-у матушки С 284:314; попеняю, красна девича, я, родитель тебе матушка С 322:66–67; и ты (послушай), придрокушка родитель-моя матушка С 323:3; и я еще прошу родитель тебя матушка С 323:35; и попеняю же, невольна красна девушка, и я тебе, моя родитель-родна матушка С 343:7; у тебя, родитель-моя матушка С 346:7; как желанна бы родитель была матушка С 350:90; как послы своей родителя я-матушки С 352:204; ты проси да у родителя-у матушки С 374:164; без своей да родителя-без матушки С 374:178; ты послушай же, родитель-моя матушка С 376:27; и ты еще, моя родитель-родна матушка, и таку, и такú дай тонку белу мне рубашечку С 376:43; 380:21; подойди ж, моя родитель-родна матушка С 387:1; мы подумаем, родитель с тобой-матушка С 387:17, 22; на печальную родитель меня-матушку (не гневайся) С 392:196; не груби свою родитель-родну матушку С 413:205; уже ты спала, родитель-моя матушка С 423:31; да ты ждешь к себе, родитель-родна матушка С 430:174; говорить стане родитель-наша матушка С 435:43; говорит столько родитель-моя матушка С 441:15; погляжу, бедна родитель-родна матушка С 447:143; и уговаривать, родитель, слёзно, матушка С 473:241

родитель-свет батюшка / и у родителя проси да свет у батюшки С 374:151; унимаешь же ты, родитель-свет ведь батюшко С 473:240

родитель-свет матушка / и у родителя проси да свет у матушки С 374:159; на доспрос возьму родитель-свет я матушку С 429:155

родитель сударь-батюшка / и да прошу еще родитель сударь-батюшка С 323:16

родитель-тетушка / мне-ка сдять в пути доброе здоровьице, во-других да со родителю со тетушкой П 159:75–76

род-племя / и буде род-племя теперь да покорённое С 289:556; 296:876; ты ни роду не высказывай, ни племени С 308:343; много прибралось-то роду, много племени С 312:485; ни с родом-то не взять воли, ни с племенем С 317:54; во моем-то роду да моем племени С 317:60; много роду-то ведь было – много племени С 329:58; как по роду бы то было да по племени С 335:30; род-племя любимо сжаловалися С 343:25; отрекнулись, видно,

род-племя любимое С 358:443; видно, не было ведь роду у
 тя-племени С 361:100; полороты мое род-племя любимое
 С 463:214; и не про род-племя топила я любимое С 373:135;
 и теперь вси вкупе ведь род-племя любимое С 378:16; как у
 нас да во роду же е во племени С 387:20; надо подчивать весь
 род-племя любимое С 392:203; все прибрано да ведь род-племя
 любимое С 401:21; ты объехала ведь род-племя любимое
 С 406:248; соберется много роду, много племени С 407:312;
 теперь род-племя любимо отрекнулись С 432:290; и сади род-
 племя, голубушко, любимой С 441:23; и мое род-племя любимое
 С 458:49; и много роду у меня да много племени С 469:84; наб
 дарить да мое род-племя любимое С 470:109; показать да всему
 роду-столько племени С 474:20; родом-племенем я сведена
 С 478:35

родушко-племя / и всё ко родушку теперь да вы ко племени Р 101:82
 рожёно-куболёное / и ты послушай, мое дитятко, и ты ж, рожёно-
 куболёное С 420:163

роздольице-чисто поле / ты прости, прости, роздольице-чисто поле
 С 340:1; на роздольице вы, светы, на большом поле С 341:44

рассказ-злодей-больший сват / лукав-лукав рассказ, да злодий-
 большой сват С 281:173; догадливый рассказ да злодий-
 большой сват С 281:201; (подходит) рассказ-лукав да злодий-
 большой сват С 282:211; лукав рассказ да злодий-больший
 сват С 282:233; как найдет тут рассказ да злодий-больший сват
 С 432:294, 298; и ты, рассказ да злодей-больший сват, истоптал
 да мой зелёной сад С 466:27; не бессудь да ты, рассказ да
 злодей-больший сват С 466:48

рассказ-злодей-сват большой / не рассказа я злодия-свата большего
 С 326:52

рассказ-сват большой / принаехали рассказы-сваты большие
 С 278:47; со этим со рассказом-сватом большим С 279:89; и
 не окинтесь вы, желанныи родители, все на этих рассказов-
 сватов больших С 279:107; убоялася рассказов-сватов
 больших С 281:172; рассказам-сватам большим С 285: 345,
 383; тут пропустят-то рассказов-сватов больших С 292: 669;
 и в светлой свѣтлице рассказы-сваты большие С 326:44; как
 приедут то рассказы-сваты большие С 339:61; и сберегла
 бы ты бесценну мою волюшку <...> и ты от этого рассказа-
 свата бѣльшого С 408:26; вас, рассказов-сватов бѣльших
 (не боюсь) С 457:3; столько этих рассказов-сватов больших
 С 460:106; не поддамся я рассказу-свату большему С 462:170;

унижаюсь-низко кланяюсь и я росказу-свату большому, и
то злодию супостатому С 465:5–7; росказу-то злодею-свату
большому С 466:46; запустили в дом росказа-свата большого
С 471:190

рост-возраст / не поспела моя белая лебедушка с ростом-возрастом
сравнятся П 116:147–148

ручей-речка / не ручей-быстра речка разливается П 121:5

рыболовушка / и возвратил бы на судиму Бог сторонушку и
рыболовушком на сине бы Онегушко, и меня пахарем на чисто
бы на полюшко Р 48:87–88

садить-поливать / сросло деревце сахарнее, не сажёно-не поливано
С 467:3–4

самокатный / во санки самокапные П 178:10

самоцвет-камень / ты злачён перстень стеряла со правой руки, самоцвет-
камень, родитель, со белой груди П 160:94–95

сахарный-медвяный / и от кушаньев пойти да от сахарных, и от
питьцев пойти да от медвяных Р 56:21–22

сватухи-наяныши / и вси вкупи будут сестрицы е родимыи, и впереди
да сватухи будут – наянныши С 444:62–63

сваты-родители / у моих светов-желанных родителей С 299:1008;
попрошу светов-желанных родителей С 300:1044

свекрова-змея / аль голубушка-невестушка пожалилась на меня на
богоданную на матушку, как на эту ю свекрову-змею лютую?
П 199:24–26

свет-брат сдвуродимы / и во-других, да светов-братьев сдвуродимых
С 470:120

свет-братец / спаси Господи мой свет-брата родимого С 319:16;
да света-брата сдвуродимого С 323:19; и как твои да светы-
братыца родимыи (ринулись) С 374:171; и воскликать да света-
брата жалобнёшенько С 379:45; вы сердечны светы-братыца
родимыи С 340:30; светы-братыца родимыи С 341:38; то
страшат да светы-братцы богоданни С 431:239; за твоим да
свет-то братцем богоданным С 478:39; светов-братцев не
гневить надо П 51:66

свет-волюшка / изукрашу свет-бесценну свою волюшку С 473:269

свет-воля / опустили свет-бажёну волю вольную С 463:216

свет-головушка / разгневила свет-надежную головушку С 329:56; ты
вспомнишь свет-надежную головушку П 206:81

свет-голубушка / столько думаешь, свет-голубушка, и што остуда
приотменена С 419:120–121

- свет-дитятко / ты послушай, свет-крестово мое дитятко С 336:1; ты послушай, свет-сердечно мило дитятко С 444:1
- свет-дяденька / нонь пойдем-ко, свет-желанна мила дяденька П 181:1
- свет-дядюшка / там повзыщем свет-желанного мы дядюшку П 181:3
- свет-дядя / моего ли света-дядю сдвуродимого П 177:158
- свет-желаньице / на твоём да свет-великом на желаньице С 338:4; не утай – скажи, велико свет-желаньице С 429:156
- свет-жемчуженка / я прошу да вас, скачены свет-жемчуженки С 323:40
- свет-крестова матушка / я прошу да свет-крестову тебя матушку С 432: 283; ты послушай, свет-крестова моя матушка С 432:302; мою милую крестовую свет-матушку С 470:115
- свет-крестово дитятко / слушай, свет-крестово мое дитятко С 337:46
- свет-любушка-сестрица / и свет ко любушке-сестрице сдвуродимой С 323:6
- свет-матушка / всё идет свет-родна матушка С 480:14; изменят да свет-то-матушка С 480:18
- свет-Микола Угодник / я Миколу свет-Угоднику (молилась) С 419:103
- свет-молодушка / свет-молодушка разумная С 479:83
- свет-надёжа батюшка / свет-надёжу-то дари да родна батюшка С 470:122
- свет-надёжа сударь-батюшка / и спасет Бог да свет-надёжа сударь-батюшко С 442:13
- свет-надёженька / и далеко да свет-надёженька повыслана Р 168:200
- свет-невольница / вы простите свет-невольницу С 458:24; 459:37
- свет-нешутушка / вы послушайте, ветляны свет-нешутушки С 412:158; свет-ветляная нешутушка С 478:45; свет-ветлянута нешутушка С 478:49
- свет-племянник / ты вставай, моя голубушка, свет-любезна моя племянник П 58:37–38
- свет-подружка / ты послушай, свет-советна дружна подружка С 370:2
- свет-правоплечник / и катят-жалуют к невольнице свет-любимы правоплечники С 426:25
- свет-придрока матушка / свет-придрока родна матушка С 424:9
- свет-родимая / ты послушай, свет-родимая С 480:18
- свет-родители / у моих светов-родителей С 279:80; ворочусь да от желанных свет-родителей С 284:308; мои свет-желанный родители С 287:439; у желанных свет-родителей С 325:89; спамачу желанных свет-родителей С 350:87; ко твоим милым желанным свет-родителям С 364:123; говорила тут желанным свет-родителям С 365:128; при твоих светах-желанных родителях С 371:6; и ты просись да у желанных свет-родителей С 374:148; покорюсь светам-желанным родителям С 386:54;

мои светы-желанныи родители С 399:60; ко твоим светам-желанным родителям С 401:13; от твоих светов-желанных от родителей С 401:28; свет-родители на нас да налюбуются С 415:316; у своих светов-родителей С 417:28; у своих желанных свет-родителей С 422:50; вы послушайте, желанны свет-родители С 423:41, 50; как снарядят свет-желанныи родители С 424:86; и вы наймите-тко, пожалуста, свет-желанныи родители, и столько швиек хтитромудрых С 427:52; нас ведь стритя свет-желанныи родители С 435:25; тебя стритят свет-желанныи родители С 436:72; я при милых при желанных свет-родителях С 437:23; ко своим светам-желанным родителям С 438:66; у вас, светы-желанныи родители С 441:57; свет-родители твои да пожеланнее С 450:23; и ты гости ко мне, советна дружна подружка, и со своим светам-желанным со родителям С 453:9; у моих свет-у родителей С 458:58; оразжалюсь, дочь-невольница, свет-желанны, вам, родители С 459:67–68; на крылечушке желанны свет-родители С 460:97, 102; призову ж да свет-желанных я родителей С 472:227; вы надсмешнички, желанны свет-родители С 472:229; сподманули, свет-желанны вы родители С 473:248; вам, светам-желанным родителям С 475:18; вы еще, светы-родители, помолитесь Богородице С 481:53

свет-родитель / от моих светов-желанных родителей С 433:310; свет-родитель тут на стол да накрывает С 435:27; и на пятую дверь отворяется, и свет-родитель объявляется С 480:4

свет-родитель батюшка / и я продумала бажёну дорогу волю, и разгневала свет-родитель тебя, батюшка С 314:56

свет-родитель матушка / ты послушай, свет-родитель моя матушка С 280:151; ты послушай, свет-родитель родна матушка С 345:97, 346:12; уж ты слушай, свет-родитель моя матушка С 346:1; говорила свет-родитель моя матушка С 421:37; у моей света-родителя у матушки С 440:3, 11; и свет-желанну же родитель мою матушку – и ты ситцем дари ведь есть да новомодным С 470:126–127

свет-сестрица сдвуродимая / ты послушай, свет-сестрица сдвуродимая С 327:94; 328:127; 328:11; ты послушай, свет-сестрица сдвуродимая С 329:51; 331:24; 399:51, 63

свет-сестричушка / ты послушай, свет-сестричушко родимая П 167:58

свет-скачёная жемчужинка / ты послушай, свет-скачёная жемчужинка С 410:69, 411:144; уж как ты, да свет-скачёная жемчужинка С 413:223; моя мила свет-скачёная жемчужинка С 439:76

свет-совет-подружка / и ты послушай, свет-совет да дружна подружка
С 374:142

свет-соседушка / и вы простите свет-невольницу, и свет-споряднии
суседушки С 459:31

свет-старичок / и старички да свет-почтеннии С 459:45

свет-суседи / свет-суседи спорядовый С 475:8

свет-уличка / и свет-на широкой на уличке (притомилася) С 467:30

светик-братик / на крылечушке светик-братик стретает П 86:24

светушко-братец / светушку же братцу-то родимому С 282:226; попрошу
да светушков-братцев родимых С 292:681; я ко светушкам, ко
братцам-ясным соколам С 293:722; ты со светушкамы-братьяцам
родимым С 304:166; я со светушкама-братцам со родимыма
С 333:11; я ко светушку ко братцу ко родимому С 314:2; ты не
(отдай) светушкам-то братцам-ясным соколам С 353:248; отыщи
да светушка-братца родимого С 357:430; все рубит дровча
ведь, светушко, частёшенько, и колет дровечки он, братец, все
малёшенько! С 364:117–118; твоих светушков-то братицев
названных С 368:303; печальной светушко-братец родимой
С 368:306; и светушков-братцев проси себе любимых С 374:157;
я без светушка без братца без родимого С 374:180; и спамяти да
светушка-братца родимого С 379:43; моих милых светушков-
братцев родимых (снарядите) С 387:58; с светушком-братцем ведь
ты да все разьеживать С 390:88; покорюсь да светушкам-братцам
родимым С 396:153, 155; покорюсь да светушку-братцу родимому
С 409:21; иде светушко-то братец ко мне родной С 411:114; и
светушков-братцев родимых С 427:45; я тоби да светушку-братцу
родимому (покорюсь) С 434:15; на светушка на братца на родимого
С 436:93; как сестрица светушку-братцу родимому С 439:86; моих
милых светушков-братцев родимых С 470:119

светушко-братец сдвуродимый / светушков-братцев приездных
сдвуродимых С 441:29

светушко-охотничек / и мы прибрали ведь светушка-охотничка
Р 212:22

светы-братьяца / светов-братицев ли я да обесчестила С 283:271;
на утеху светам-братьяцам родимым С 291:650; вы возьмите,
светы-братьяца родимыи С 292:694; говорили светы-братьяца
родимыи С 305:171; светов-братицев родимых С 320:29;
светы-братьяца родимыи С 344:85; на обиду светам-братьяцам
родимым С 354:287

светы-родители / светы-желанные родители / (не гневаюсь) на вас,
светы-желанныи родители С 280:159; светам-желанным

родителям С 281:196; во своих светах-желанных родителях
С 283:258; без своих светов-желанных родителей С 348:25;
светы-светушки / вы увидите, сдовольны светы-светушки С 340:36
Свирь-река / быдто Свирь-река посредничек свирепый П 232:61
свиться-задрожать / тут свилося-задрожало сердце девоцье П 144:85
сдайволлой / и сдайволлой, да спорядовой мой суседушко, и мне
пороссказать про службу Государеву Р 69:157
сдвуродимый / на сестрицу свою сдвуродимую П 161:145
сдеться-сбыться / как што сдиется над им да как што сбудется Р 94:60
сегодня-сего денечка / ты сегодня-сего денечка Господнего поутрышку
стать да ты ранешенько П 122: 43
сердечушко-утробушка / и придосажено ретливое сердечушко, и
приобижена несчастная утробушка Р 73:340–341
сердобольна / сердобольна доброхотушка П 162:17
серебро-золото / и много чистого сулил да хотя ж серебра, и уж он
красного давал да мне-ка золота С 372:51–52
сестрица-свет / вашей любушки сестрицы-свет родимой С 342:82;
400:82, 97; 407:310; честно приняла сестрича-свет любимая
С 413:212; ты послушай же, сестрица-свет родимая С 414:268;
сидеть-укасть / это што у нас за зверь да сидит-укает? П 216:10
сидеть-усеживать / недосуг сидеть, печальной мне, усеживать
С 360:57; недосуг сидеть горяше мне, усёживать С 392:197
сидеть-шататься / быдто деревче в лесу сидишь-шатаешься С 392:175
сила-могута / сила-могута во плечушках придержится П 33:51
синий-славный / и тут разлилось сине-славное Онегушко С 385:6;
подкати да сине-славное Онегушко С 385:9; за сине-славное
за морюшко С 427:47; хоть за синее за славное за морюшко
Р 105:75
сирота-вдова / што останусь, сирота-вдова несчастная П 29:24
сироты-дети / сирот-малых детей да возростить буде П 132:11
сироты-детушки / сироты оставляются, сироты да малы детушки
П 56:46–47
сиротинка-красна девушка / ан приходит холоднёшенько сиротинкам-
красным девушкам! П 73:54
сиротный-бесщастный / (жаль) и мне сиротных бесщастных своих
детушек Р 122:112
сказать-поведать / ты скажи-тко, сирота, да мне поведай-ко П 229:8
складный-умильный / на твоём складе-умильном причитаньице
Р 64:2
скороборзый / напоил да он коня тут скороборзого С 383:119
скорописчатый / написали б скорописчатую грамотку! П 34:50

- скрозекозный / хитроумны стали власти скрозекозны Р 50:76
 скрыться-схорониться / тут от ветрышка, родитель, не скроешься, и
 от погодушки, родитель, не схоронишься Р 202:662–663
 слёзно-горючий / на твое слёзно-горюче унываньице С 401:15
 слововольный-самовольный / слововольной солдаткой самовольной
 (слыву) Р 169:263
 случиться-сочиниться / што случилось у вас да сочинилося? П 216:357
 смерть-душегубица / я не брезгую ведь, смерть да душегубица П 27:82
 смотреть-глядеть / и на солдатски оны слёзушки смотрили, и на
 солдатское моленьице глядили Р 231:50–51
 соболий-куний / не гриет-то соболя-кунья шубонька С 297:911
 соболин-куний / соболина-кунья шубонька скидывана С 406:264
 совет-дума / приложите-тко совет-думу крепкую П 192:13
 советный-дружный / советна дружна подружка С 366:178, 183; 370:16;
 будет гневаться советна дружна подружка С 372:86, 101; (проси)
 и себи милых советных дружных подружек С 374:160
 совет-подружка / ко своей милой совет-да дружной подружке
 С 351:161; поспешилася к совет-да моей подружке С 352:203;
 совет да дружна подружка С 361:111; моя милая совет-да дружна
 подружка С 449:6; я (увидела) совет да прежню подружку
 С 449:18--19; столько слушай же, совет-да мила подружка
 С 450:15; ты послушай же, совет-да дружна подружка С 453:40
 совет-согласице / по совету ли у вас да по согласицу П 229:9
 сокол-брат / от соколов от братьев милых Р 113:51
 сокол-братец / милых ясных соколов-своих братьцев П 220:54
 солдат-караульщик / позади дают солдата караульщика Р 88:227
 сорока-вороница / аль сорока эта птица поскакачая, аль вороница
 она да полетучая П 176:86–87
 соха-борона / соху-борону ведь мы тут забывали Р 244:341
 сохнуть-вянуть / сохну-вяну я кажинный день П 49:43
 сохранить-помиловать / сохранил бы столько Господи, помиловал
 Р 92:8
 сохранить-приберечь / вы от темной их ночи сохраните-тко, вы от
 частого дождя приберегите-тко П 134:12–13
 сохраняться-спасаться / и уж где да вы, победны, сохраняетесь, и от
 злодией-неприятелей спасаетесь? Р 101:64–65
 Спас-Бладыка / уж ты Спас да наш Бладыко многомилосливой!
 Р 57:30; Спас да ты Владыко многомилослив С 312:512
 Спас-Богородица / мне-ка стать да перед Спасом-Богородичей С 428:83
 спасенье-моленье / и во часовенки зайди да ты на спасенье, и в
 Божьи церкви заходи ты на моленье Р 81:38–39

- спать-высыпаться / она спит да высыпается С 417:27
спесь-гордость / куды спесь да моя гордость подевалась? П 156:77
спесь-суровство / куды спись да мое суровство девалось! П 228:27
спешиться-торопиться / куды спешись да торопись Р 112:12
спокой-отдох / и нет покою-то ведь темной этой ноченькой, и нет
отдоху на Бладычны Божьи празднички Р 75:451–452
спомнить-спамятить / спомню-спамячу, невольна красна девушка
С 319:21; спомни-спамяти невольну красну девичу С 333:96
спомнить-спамятовать / спомни-спамятуй, советна дружна подружка
С 347:44
сраженице-война / как сраженице-война да уходила бы Р 218:96
сраженице-кроволитье / и увидали бы ведь нас да на страженице,
и на великом ведь нас кроволитье Р 245:380–381
Сретенье Пресвятая Богородица / и впереди да ты рождёна мила
дитятка! И Сретенье Пресвятая Богородица С 312:505
сродичи-сроднички / поглядите-тко народ да люди добрыи, и
вы, милыи суседи спорядовыи и вси сродичи-сроднички
спорядовыи Р 142:1–3
сродцы-сроднички/ не спросила я у сродчев-милых сродничков
С 281:166; к себе зазвала я сродчев-милых сродничков
С 344:93; сродчи-сроднички ведь вси да отшатились С 432:29;
как повьдуть сродчи-сроднички С 458:50; при всех сродчах-
милых сродничках С 468:40; наб задаривать ведь сродчев-
милых сродничек С 470:110
старатель-рачитель / и не старатель был крестьянской, видно,
жирушки, и не рачитель до участков деревенских Р 63:204–05
староверский / как начало полагают староверское П 200:12
стародревний / мне первой поклон – старушкам стародревниим
С 428:121
старопрежний / с старопрежней советной милой подружкой П 129:213
староста-судья / хоронить пришли надежную головушку, уж вы
старосту-судью да поставленную П 231:4–5
стать-восстать / да ты стань-востань, надежная головушка П 44:131
стоговой / стоговы старики да поужахнулись П 156:93
стозаплатный / кафтанишко одеват да стозаплатное П 170:10; я одену
хоть шубёнку стозаплатную Р 62:161
стоять-стоять / как стоит-стоит велико зло неволище С 461:161
столокотный / не спросит ведь трубы да столокотней П 120:19;
оттуль вынем-ко трубу да столокотную П 177:152
сторопиться-поспешиться / уже как да вы скоренько сторопились: в
парну баенку итти да поспешились С 363:53–54

стоснуться-сгореваться / когда нам стоснется, сгорюется Р 115:44
 стоснуться-сгорековаться / как стоснется мне, победной, сгорекуется!

П 165:35

стоснуться-сгорюниться / хоть стоснется им-сгорюнится на чужой
 дальней сторонущке П 49:48—49

стоснуться-стосковаться / как стоснется, победнушкам, стоскуется!

П 178:24

сто-тысяча / изо ста была да ты из тысячи С 338:10

страсть-власть / и от страстей-властей тебя да страховитых (спаси
 Господи) Р 100:23

страсть-обида / и я страсти ведь-обиды не принимывала Р 142:14

страсть-переполох / с этой страсти-то, мой свет, да с переполоху
 С 379:68

страсть-ужасть / ради страсти тут она да ради ужасты С 355:343; на
 страстях може, светушко, на ужастях Р 75:436

страшиться-бояться-ужахнуться / не страшилася лесов да я дремучих,
 не боялася я мхов да там дыбучих, не ужахнулася я гор да всё
 высоких П 130:241—243

страшно-ужасно / страшно-ужасно тут море расшумелось П 203:45

стращать-полохать / это што у нас за зверь да сидит-укает и стращат
 да нас, победных, полохает П 216:11

стрела-молвия / от стрелы ты сохрани да нас, от молвии П 203:61

строгий-грозный / строгой-грозной богоданной этой матушке С 309:381;
 строга-грозная надежная головушка С 328:4; строги-грозны
 богоданны есть родители С 360:49; строги-грозны богоданныи
 родители С 405:231, 241; П 87:69

строгий-злой / строга-злая богоданная-то матушка С 306:233

строгий-лихой / строга-лиха богоданна эта матушка С 309:370;

строго-грозно / строго-грозно вы мне-ка наказали С 314:4

строго-грубо / строго-грубо-то она да поговариват С 309:374

строго-сурово / строго-сурово, невольна, отвечаю С 317:51

стужа-иней / стужей-инеем оно да там садилось П 239:89

стыд-бесчестье / стыд-бесчестье во ясных держи очюшках П 40:73

сударь-батюшка / ты, спащливой надёжа сударь-батюшко С 323:2;
 тебе спасибо, сударь-батюшко С 483:47

судить-привести / как судил-привел скачённую жемчужинку П 170:12

судьба-участь / знать, судьба моя, горяющицы, несчастная, горька
 участь-то моя, знать, бесталанная П 51:58—59

судьи-власти / судьи-власти-то пошли да скрозекозныи Р 83:14

сулить-засуливать / тут сулил еще, остудник, мне засуливал С 372:50

сухо-красный / вершинки на яблони сухо-красного золота П 99:19

суховерхий / не выращивать дерева суховерхого П 181:52
сухопутный / в сухопутном ли вы, светы, похощеньице Р 100:60
схитить-спрятать / схичу-спрячу я скаченную жемчужинку Р 49:33
сходить-приузнать / сами сходите, крестьяна, приузнаете П 232:48
сходить-сволочиться / ан сходила-сволочилася ко годовым ко
 пздничкам П 61:49–50
сходить-спросить / я схожу спрошу спорядную соседушку Р 161:110
сходиться-сезжаться / уж как сходятся-сезжаются С 278:64
счастливый-таланливый / как на счастливых на жен да на талантливых
 (глядячи) Р 155:38
счастливый-таланный / была счастлива ведь я да все таланная
 П 19:28
счастье-талан / благословите меня, сироту, счастьем-таланом наделите!
 П 76:22–23

талан-участь / штоб дал Господь талану тебе-участи С 312:494; я
 таланом наделяю тебя-участью С 336:8; штобы дал Господь
 талану теби-участи С 337:42; наделите-тко, пожалуста, вы
 таланом меня участью С 481:32
теперь-нонеча / и теперь-нонеча невольна красна девушка <...>
 я точно рыбонька во сетку изловлённая С 297:899–903
теперь-нонечи / и теперь-нонечи, невольной красной девушке, и мне-
 ка стать да перед Спасом-Богородичей С 428:82–83
теперь-нонечку / и теперь-нóнечку, невольна красна девушка, и я вси
 думушки, невольна, нынь придумала С 314:53
теперь-нонь / теперь-нонь живу, кручинная головушка П 156:73
теперь-нынечко / и теперь-нынечко ведь вдруг да объявилось С 473:255
теперь-нынь / и теперь-нынь да при последи поры-времечка С 473:253
тепла-парна (баенка) / истопить да теплу парну эту баенку С 300:1062;
 И ты пожалуй в теплу парну ко мни баенку С 374:143; в тёплой
 парной я во баенке С 479:59
тепловитое (гнездышко) / возрачусь нынь со крылечика перёного я во
 это тепловитое во гнёздышко С 440:1–2; и я во это тепловитое во
 гнёздышко и посажу да этих красных я девушек С 447:145–146
тёпло-красно (солнышко) / ты послушай, тепло-красно мое солнышко
 С 409:22; спасет Бог да тёпло-красно мое солнышко С 434:12;
 435:17; мы придем как, тепло-красно с тобой солнышко С 436:57;
 тут вспомнишь, тепло-красно мое солнышко С 436:88; наглядись,
 да тепло-красно мое солнышко С 437:16; тепло-красно миженъско
 мое солнышко С 438:43; ты сжалуйся, тёпло-красно мое солнышко
 С 439:77; и спасет Бог, да тепло-красно мое солнышко С 443:20

- теплокрасно (солнышко) / поработаю, невольна, день до вечера и до заката теплокрасного я солнышка С 377:77–78
- теплопарна (баенка) / мне-ка в эту тёплопарну итти баенку С 381:23; ты прости да тёплопарна меня баенка С 385:1; я приду да с тёплопарной как баенки С 385:10; как во этой тёплопарной во баенке С 386:34
- теплый-красный / тепло-красно мое солнышко С 337:2
- тетушка-добротушка / я не видела ведь тетушек-добротушек С 309:383; ты ведь тетушек, голубушко, добротушек (объехала) С 406:250; сорок тетушек, голубушко, добротушек С 407:313; сорок тетушек ведь есть теперь добротушек С 469:87; 470:111
- тиха-тишинка / дай-ко Господи-Бладыко Свет ты милосливой тиху тишинку на широкой уличке П 89:116–117
- тихий-смирный / тиха-смирная прости меня, бесёдушка С 316:2
- тихо-кrotко / тихо-кrotко я к кровати подходила Р 214:131
- тихомерный / тихомерны наступают тут беседушки П 169:172
- томным-томнёшенький / што томным идешь, суседушка, томнёшенька? П 47:58
- тонкий-белый / тонки белы паруса мы распустили П 208:17; тонку белую клади свою рубашечку С 369:322; и тебе подать тонку белую рубашечку С 378:6; тонку белую рубашечку С 480:12
- тонко-белый / я утрюсь да в тонкобело полотенышко С 353:210; наделяю тонкобелой сорочечкой С 380:76; тонкобело полотенышко С 427:55; вокруг да тонкабела полотенышка С 427:71
- тонко-бранный / мы бы слали скатерти да тонкобранные П 26:48
- топерь-нонечи / и топерь-нонечи, душа я-красна девушка, и я повыскажу великую кручинушку С 352:178
- топерь-нонечки / топерь-нонечки, желанна моя дяденька, много-множество кручины принакопится П 182:33
- торок-буйный / торок-буйны очень ветры развеваются П 216:365
- тоска-досада / со тоски да моя волюшка кидалася, со досады моя волюшка бросалась С 386:35–36
- тоска-кручина / у меня тоска-кручина порасходится Р 135:106
- тоска-кручинушка / все долит тоска-великая кручинушка С 302:33
- тоска-назолушка / не даешь тоски-великой назолушки Р 213:93
- тоска-обида / мы не можем забыть тоски-обиды великие! П 221:104
- тоска-обидушка / как долит тоска-великая обидушка П 131:298
- тоска-печаль / и ты меня спаси, кокошу горегорькую, и ты от этой тоски неугасимой, и ты от этой печали неудольной Р 99:24–25
- тоскичушка-кручинушка / и тут тоскичушка меня да не долила бы, и все кручинушка меня да не крушила бы Р 159:58–59

- тоска-тоскичушка / как долит тоска-великая тоскичушка! П 31:4
тошно-больно / тошно-больно от утробушки родила С 301:4
тошным-тошнёшенько / ой, тошным да мне тошнёшенько П 89:152
три-четыре / на вси на три-четыре на сторонушки С 309:351; 428:120;
погляжу на все три-четыре на сторонушки Р 147:90
трудница-работница / все не трудницей у них я, не работницей
П 44:143
трудничка-работничка / знать, не трудничка была вам, не работничка
С 283:281; это трудничка идё моя, работничка С 305:188
трудно-тяжело / трудно-тяжело тебя да я носила С 301:3; как служить
да ведь солдатам трудно-тяжело Р 171:13
трудный-больной / аль труден-болен крестовой, видно, батюшко?
П 144:94
трудный-тяжелый / трудня-тяжела ведь служба государева Р 75:449
трудным-труднёшенький / хоть трудным приду, горющица,
труднёшенька Р 166:133
туды-сюды / и ручьям кровь да туды-сюды разливается Р 206:366
туман-слезы / я увидла, дочь-невольница, обóзрила скрозь туман-
слезы, невольница, горючии С 346:2
тученька-гром / быв от тученьки-от грому испугалася С 320:2
тычки-пинки-затыльники / от тычков-пинков ведь он да от затыльников
(хранит тебя) Р 236:4
- убояться-устрашиться / и по деревням вси робята убоялися, и вси-то
добрыи ведь люди устрашилися С 456:32–33
убраться-успокоиться / знать, убралось-успокоилось тепловито мое
солнышко П 73:74
увидеть-обозреть / я увидла, дочь-невольница, обóзрила С 346:1
уговаривать-уласкивать / и уговариват победну потихошеньку, и
уласкат меня, горюшу, полегошеньку Р 121:95–96
уговорить-уласкать / уговорила бы дитё да уласкала бы Р 81:30
угостить-употчивать / угости, моя родитель, да ты употчивай Р 90:336
угостить-учествовать / угощу тебя, дитятко, учёстю Р 54:30
угрюм-струиста / мы еще угрюм-струисту ричку быструю (повыплетем)
С 388:19
угрюмый-невеселый / ты угрюмая, совета, невеселая С 367:244
удалый-добрый / все ласкалися удалы-добры молодцы П 106:11
уданьнице-питемьнице / уданьнице вам будут ведь сухарики, и вам
питемьнице-то – водушка со ржавушкой Р 73:352–353
уданьнице-упиваньнице / и мне-ка не было ведь сладка уяданьница, и
мне медвяного, бурлаку, упиваньца Р 62:155–156

уеданьице-упоеньице / уеданьице – мякины нам сухарики, упоеньице нам – подушка со ржавушкой Р 203:701–702

ум-разум / (я раздумаюсь) девочьим умом-разумом С 278:33; умом-разумом смекать да во все стороны С 289:542; ум тот-разум во головушке глупёшенек С 302:38; вы придайте ума-разума в головушку С 317:27; ты придай да ума-разума в головушку С 328:133; не хватило ума-разума в головушку С 331:31; пораздумаюсь печальным умом-разумом С 350:86, 354:270; ты придай да ума-разума в головушку С 359:23, 400:104; умом-разумом, лебедушко, глупёшенька С 396:144; пораздумалась, печальна, умом-разумом С 403:126; тут роздумаюсь печальным умом-разумом С 407:294; мне-ка придала ума-разума в головушку С 407:5; мне не по уму, мой светушко, по разуму С 409:64; я девочьим молодым да умом-разумом (пораздумаюсь) С 431:233; умом-разумом, голу-бошко, глупёшенька С 445:48; умом-разумом, победна, несмека-ешься С 445:54; помешался ум же-разум во головушке С 446:89; ума-разума детинушки сreakались С 449:28; ты подумай же умом да своим разумом С 460:77; ой, раздумаюсь, невольна красна де-вица, и подневольным девочьим умом-разумом С 461:137–138

ум-разум-розмысел / много ума надо разума в головушке, и много розмыслу в ретливое сердечушко С 380:86–87

умный-разумный / ты не плачь да столько, дочерь наша умная и не тужи, дочи, теперечко разумная С 473:242–243

умыться-уладиться / ты умылась бы, лебедушко, уладилась С 367:242; 367:257

унимать-уговаривать / унимать стане, победну, уговаривать Р 129:97

уныло-печально / она уныло-печально причитает Р 238:55

унылый-жалкий / вы спевайте-тко унылы жалки писенки С 381:11

унылый-черный / унылы черны ризы одевали П 101:16

Успенье Пресвята мать Богородица / и ты, Успенье Пресвята мать Богородица! И ты поспей да на судимую сторонушку С 312:502–503

урашиться-сполохаться / не устрашились бы, горюши, не сполохались Р 95:115

урашиться-уполохаться / и устрашились бы, родитель, уполохались Р 204:742

утехушка-доброумице / на утехушку ты нам – на доброумице Р 92:45

утехушка-забавушка / и на утехушках ведь вы да на забавушках Р 102: 27

утешаться-взвеселяться / и утешались вы со братцем, взвеселялись Р 93:18

утылый-синий / я за славную утылу-синю завеску С 464:27; уж ты быдь-ко ты, утыла-синя завеска С 464:29

участник-дольщик / не участник он участков деревенских, и не
дольщик он крестьянского ведь полюшка Р 65:26–27

участь-талан / меня участью-таланом наделяете С 320:37; меня
участью-таланом наделяла С 334:8

учливый-умильный / мне учливая-умильна поговорюшка П 138:26
ученьице-мученьице / мне ученьице-то было всё мученьице Р 201:633

хитромудрый / ты найми да писарёчков хитромудрых С 354:258;
по подолу нет узоров хитромудрых С 330:98; столько швиек
хитромудрых С 427:53; писарёчков найдем да хитромудрых
П 164:24; хитромудры стали власти страховитые! Р 49:49

хлеб-образ / с хлебом-с образом, невольничу, стричаете С 320:36;
они с хлебом-то стретают меня, с образом С 460:100

хлебосол / нонь корюсь хлебосолам вековечным П 134:1

хлебородный / и на этих я полях да хлебородных, и на этих я
лужках да сенокосных Р 131:175–176

хлеб-соль / на хлеби-соли, сестрича, на столовых С 331:8; и была
хлеб да соль, невольной, в дубовом столе С 332:55; не гля
хлеба пришла-соли наеданьца С 334:29; с хлебом-солью вы
стретаете да с образом С 343:18; буде хлеб да соль ведь вам за
дубовым столом С 454:24; не для хлеба приду-соли наедатися
П 92:105

ходить-гулять / как ходить-гулять без братца без родимого П 169:155

ходить-гуляться / што отдали ходишь, горящица, гуляешься Р 78:48

ходить-ездить / ходить-издить по унылым по свадебкам П 107:38;

ходить-издить к быстрым риченькам П 191:21

ходить-шататься / без ума, да може, мать ходит-шатается Р 81:16

хозяин-батюшко / во домы да есть хозяин-родной батюшко С 362:24

хозяйка-матушка / у печи ж да е хозяйка-родна матушка С 362:25

холодный-голодный / как наедут ведь холодный-голодный П 233:105

хормное строеньице-жирушка / поставить так хормное строеньице,
воспокинуть вся крестьянская наша жирушка П 129:197–198

царь-бог / и служить да верой правдой нам, солдатушкам, и без
измены то царю-богу русийскому! Р 65:55–56

церковь-строеньице / не на Божью вы церковь-на строеньице
П 236:224

чай-кофей / уж вы пейте чай-кофеи горячи Р 90:314; чьем-кофеем
она не обходила бы! П 124:14; заварила ции-кофеи горячи
П 127:138

- час-минуточка / в эвотот час да во минуточку С 467:5; в этот час да
ведь, советны, во минуточку С 386:42
- частиночка-долиночка / ты по малой роздари да по частиночке, и не
по большой дари, дитё, да по долиночке С 447:131–132
- челобитьеце / скажи низкое поклонно челобитьице П 165:16
- челобитьице-поклоненьице / я тебе да челобитьице, низкое да
поклоненьице Р 117:149–150
- чесаться-кобайдаться / не чешитесь-ко теперь да не кобайдаться С 363:61
- честно-именно / честно-именно, невольну, почитаете С 320:35;
честно-именно его да вы отпойте-тко П 101:9
- честно-мужняя (жена) / честно-мужниим отдать да молодым женам
С 363:76; уж вы эты честны мужни молоды жены С 363:77;
честно-мужнии жены да взрадовалися С 363:79
- честовать-жаловать / он не честуе во светлу нову горенку, он не
жалуе за стол сесь за дубовой П 163:41
- честь-место / будет честь-место ведь вам да во большом углу С 54:23;
буде честь-место ведь нам да во большом углу С 282:254; была
честь-место, невольной, во большом углу С 332:54
- честь-похвала / мы не гля чести возьмем да не для похвалы С 315:50
- честь-совесть / честью-совестью теби да открываюся С 70:3
- честь-хвала / буде честь-хвала-то мне да позаочная С 282:251; все
не честь-хвала сидеть долго в девичестве С 346:20
- чудный-грозный / чуден-грозен сон невольной показался С 430:195
- чудный-дивный / россужу, невольна, чуден-дивен сон С 431:235
- чудушко-дивушко / што за чудушко-то мне да причудилося, што за
дивушко-то мне-ко предъявилося? П 42:79–80
- чуж-чужбинничек / чуж сидит теперечко чужбинничек С 326:46
- чужой-дальний / меня верстать во чужи люди на чужу-дальну
сторонушку П 75–76:39–40
- шалить-баловаться/ не шали да ты там, дитё, не сбалуйся-тко Р 100:27
- шалство-безумьице / за шалством пошла она да за безумьицом
П 39:42
- шататься-свиваться / как шатается-свивается твоя молода жена
П 48:22
- шататься-столяпаться / и отпущу да я сердечных своих детушек и
межу дворами, горяша я, шататися и по подоконью их, бедна,
столяпатися Р 139:14–16
- шестынедельный / нанимай да шестынедельно поминаньице П 172:44
- шитый-бранный / по конец да шита-брана полотенышка (повышейте)
С 427:61, 64; шито-брано полотенышко С 480:13

школьно-нашкольно / школьно-нашкольно, детина я, повышколю
С 289: 560

штыки-сестры / и вы, оружица военны – родны матушки, и штыки
вострыи ведь вы – да сестры родныи Р 205:816–817

шутки-шмоночки / ты оставь да шутки-шмоночки девочьи С 308:306;
и шутки-шмоночки простите-тко девочьи С 316:16

щечки-охлёбушки / едят щечки-охлёбочки и кусочки-объедочки
П 56:60–61

яблунь-верба / как у тебя, яблунь-верба кудреватая П 100:24

яденье-питемьице / задам лошадям яденья со питемьицем Р 62:171

СИНТАГМАТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ И В ЯЗЫКЕ ФОЛЬКЛОРА

В древнерусских оригинальных и переводных текстах (в летописях, Житии Александра Невского, Истории Иудейской войны и др.) в описаниях сражений встречаются конструкции типа *трускъ от копий ломления и звукъ от сечения мечнаго* (Житие Ал. Невского); *видити лом копечины* (Галицкая летопись под 1240 г.); *яко от грома тресновение бысть... от крепости ударения копейного* (там же); *бысть видети лом копийны и скрежестание мечное* (История Иудейской войны); *и ту бѣ видити лом копины и звукъ оружьиныи* (Киевская летопись под 1174 г.) [Демин 2019: 16–25]. Ср. также: *тоу бѣаше видити ломъ копѣины и щеть скѣпание* (ЛИ) [СДРЯ 4: 262]; вар. *щитом скепание инии оуязвлены быша w(m) крѣпости ударения копѣинаго* (ЛИ), [СДРЯ 4: 262], *w(m) мечнаго своего ношения* [СДРЯ 4: 526], *како бо воиникъ познаваетсѧ иже по плоти не w(m) мечнаго ли своего ношенья* [СДРЯ 4: 526], *w(m) нападания вражия* [СДРЯ 1: 480].

Сразу обращает на себя внимание то, что в современном языке подобные атрибутивные конструкции A+S или S+A (сочетания прилагательного с определяемым предикатным существительным) невозможны: мы употребляем в них вместо прилагательного родительный падеж существительного, т. е. не *скрежестание мечное*, а *скрежестание* (или *скрежест*) *мечей*, не *лом копейный*, а *лом* (или *ломание*) *копий*, не *звук оружный*, а *звук оружия*, не *мечное ношение*, а *ношение меча* и т.д.

1. Конструкции с прилагательным и с Род. п. существительного

Соотношение атрибутивных конструкций и конструкций с Род. п. неоднократно становилось объектом внимания историков

славянских языков. Но при этом речь шла исключительно или прежде всего о сочетаниях с притяжательными прилагательными.

По мнению многих исследователей, притяжательные прилагательные изначально входили в словоизменительную парадигму существительного на правах особого падежа и лишь со временем были заменены конструкциями с родительным падежом. Об этом еще в 1937 г. писал Н.С. Трубецкой: «<В старосербо-славянском языке> от каждого существительного, обозначающего одушевленное существо, образуется притяжательное прилагательное, которое принадлежит к парадигме склонения этого существительного совершенно так же, как причастия принадлежат к парадигме спряжения глаголов» [Трубецкой 1987: 220]. По заключению А.А. Зализняка, «материал берестяных грамот показывает, что в древненовгородском диалекте XI–XIV вв. еще достаточно хорошо сохранялась древнейшая славянская система выражения принадлежности. Лишь с XIII в. появляются первые надежные примеры (еще весьма редкие), свидетельствующие о расширении первоначальной сферы употребления родительного падежа, т. е. о начале того процесса, который получил полное развитие в современном языке» [Зализняк 1993: 275]¹. Тем не менее в современном русском языке продолжают сосуществовать оба типа конструкций (с притяжательным прилагательным и с родительным падежом, имени обладателя: *отцов дом* и *дом отца*); их соотношение не так давно описал в специальной статье А.Д. Шмелев, показавший, что эти конструкции не всегда являются взаимозаменяемыми и употребляются в соответствии с определенными лексическими, синтаксическими и семантическими правилами [Шмелев 2008].

Если же рассматривать этот вопрос в общеславянском масштабе, то нельзя не заметить, что разные славянские языки значительно отличаются друг от друга в употребительности конструкций с притяжательным прилагательным и конструкций с родительным падежом. Так, в чешском, словацком или сербском языке конструкции с притяжательными прилагательными гораздо употребительнее, чем в русском, а конструкции с родительным падежом, существенно ограничены. Если мы говорим *Словарь Даля* (хотя в XIX в. вполне нормальным было и *Далев словарь*), то сербы говорят *Вуков речник* (а не *Речник Вука*). Подробнее о категории притяжательности

¹ Конструкции с родительным падежом есть и среди приведенных выше древнерусских примеров: *трускъ от копий ломления*, *щеть скъпанія*; не исключено, что они принадлежат позднейшим спискам.

в славянских языках и соотношении адъективных конструкций и конструкций с родительным падежом см. [Категория 1983; Категория 1987: 133–153].

Но еще заметнее отличия разных славянских языков в том, возможны ли притяжательные прилагательные от неоднословных номинаций, когда имя обладателя (посессора) выражено не одним словом, а словосочетанием с зависимым словом (прилагательным или местоимением), например, не *дом отца* (от которого свободно образуется *отцовский дом*, *отцов дом* или *отчий дом*), а, например, *дом моего отца* или *дом отца моего мужа*. В русском языке возможность притяжательных прилагательных в таком случае весьма ограничена, хотя и не исключена, ср. *комната дяди Миши* > *дяди Мишина комната*. Но в некоторых славянских языках или диалектах (словацком, лужицких, группе чешских диалектов) такие притяжательные конструкции распространены гораздо шире. Например, в словацком языке не только нормальна конструкция *mojej tetkina komora* ‘кладовая моей тетки’, но и *mojej mladšej sestrin muž* ‘муж моей младшей сестры’².

Однако древнерусские конструкции, о которых шла речь в начале статьи, содержат не притяжательные, а относительные прилагательные. Тем не менее в них обнаруживается то же соотношение атрибутивных конструкций с конструкциями с родительным падежом существительного.

2. Притяжательные и относительные прилагательные

Известно, что притяжательные прилагательные не удастся категорически отграничить от относительных – ни по формальному (словообразовательному) признаку, ни по семантическому. Если говорить о формальной стороне, то значение притяжательности могут выражать не только прилагательные с суф. *-ов-*, *-ин-*, *-ьн-*, как утверждает в грамматиках и справочниках [РГ 1: 269–271, 543; ЭРЯ 552–553], но и прилагательные с другими суффиксами. В особенности это характерно для дериватов с суф. *-ск-* (*отеческие чувства*), которые с древнейших времен могли выражать отношения

² Таким конструкциям в славянских языках, в которых обладатель обозначен не отдельным именем, а целым словосочетанием, посвящена книга С.С. Скорвида [Скорвид 2019].

посессивности. Ср. [Маројевић 1983] о посессивном значении дериватов с суф. *-ск-* в истории русского языка.

С другой стороны, если говорить о семантике, то «канонические» притяжательные прилагательные могут иметь не только собственно посессивные значения, но и другие; например, типично притяжательное (с формальной точки зрения) прилагательное *щучий*, кроме собственно посессивной (партитивной) семантики (ср. *щучья пасть*), может иметь и другие значения, например субъектное (ср. *по щучьему велению*)³. Некоторые из этих значений у притяжательных прилагательных вполне регулярны – кроме посессивных, это могут быть субъектное, объектное, сравнительное и др. (*волчья шерсть, волчье логово, волчья хватка, волчий аппетит; медвежья берлога, медвежья шкура, медвежья сила, медвежья охота, медвежья походка* и т. п.)⁴.

Та же разнообразная семантика характерна для старославянских и древнерусских притяжательных (и относительных) прилагательных. Ст.-слав. притяжательное прилагательное **божьи** может иметь значение партитивности (Б. *уста, лице, очи, пѣръсть, доухъ, тѣло*), принадлежности (Б. *чада, хлѣбъ, домъ, цркъвь, црство*), субъекта свойства (Б. *милость, гнѣвъ, благодать, святость, трѣпѣниѣ, щедроты*), субъекта действия или состояния (Б. *повѣданиѣ, трѣпѣниѣ, любовь, сждѣ*), прямого или косвенного объекта (Б. *отыць, вѣра, освашчениѣ, страхъ*) [СБР 1: 105–108]. Ср. аналогичный спектр значений др.-рус. *вражии: вражии пѣлкъ, законъ, сила, козни, брань, лѣжа, гнѣвъ, оружикъ, прельсти, сѣти, искушениѣ, соблазны, проказа, нападаниѣ, плѣненьѣ* и т. п. [СДРЯ 1: 479–480]. Показательно хронологическое соотношение конструкций с притяжательным прилагательным и с родительным падежом в древнерусском языке: *повелѣникѣмъ игоумньмъ* УСт к. XII в. и *повелѣникѣмъ игоумена* ПКП 1406 [СДРЯ 6: 460]; *оуби и копинымъ прободениѣмъ* ПрЛ 1282 и *прободеньемъ копья* Надп. 1383 [СДРЯ 8: 675].

³ Словари, как правило, этих отличий в значении не фиксируют (ср. БАС s.v. *щучий*).

⁴ Существует, однако, более широкое понимание категории притяжательности, при котором оба типа (собственно притяжательный: *отцовский дом* и субъектно-предикативный: *отцовское завещание*) трактуются как посессивные конструкции. Ср. определение Ю.Д. Апресяна: «В понимании категории посессивности мы целиком следуем традиции и усматриваем это значение не только в словосочетаниях типа *его книга*, но и в словосочетаниях типа *его мужество, его рука, его кабинет, его порция каши*» [Апресян 1983: 5].

3. Синтагматическая деривация в русском языке

Очевидно, что каждый элемент интересующей нас адъективной синтагмы A+S имеет значение для интерпретации всей конструкции. Если S – термин родства (*мужнин брат*), часть тела (*волчий хвост*) или предмет обладания (*отчий дом*), то A будет иметь собственно посессивную семантику. Если же S – предикатное слово, т. е. отглагольное существительное или иное существительное со значением действия, состояния или свойства, то A будет семантически связано с одним из актантов предикатного слова – субъектом действия или состояния (*материнское проклятие*, *сыновняя любовь*, *отцовское завещание*, *детские страхи*), объектом – прямым (*рыбная ловля*) или косвенным (*медвежья охота*), сирконстантом – локативным (*деревенский отдых*, *дальняя поездка*), темпоральным (*зимние развлечения*) или иным (*музыкальное представление*). Ср. в «Слове о полку Игореве» выражение «по замышленію бояню», в котором предикатное имя *замышленіе* сочетается с притяжательным прилагательным *бояню*, имеющим субъектное значение («Боян замыслил»), или в Успенском сборнике адъективные конструкции с субъектными и другими синтаксическими значениями прилагательных: *течение кровьюно* (субъектное значение: «кровь течет»); *мечнага и огняно моучения жидоу* (орудийное значение: «мучить мечом и огнем»), *беццстия телеснаго обнажения жидоу* (объектное значение: «обнажать тело») [УСб 137–138].

Иначе говоря, конструкции A+S, где S – предикатное слово, являются продуктом **синтагматической деривации**⁵, при которой

⁵ Это понятие отличается от понятия синтаксической деривации, которое в свою очередь употребляется в разных смыслах. В известной статье Е. Куриловича 1936 г. дается такое определение: «Синтаксической деривацией мы называем такое отношение между лексемами, когда они принадлежат к разным частям речи, но имеют тождественное значение [Курилович 1962: 57–70]. Этому определению следуют в своих работах И.А. Богуславский и Л.Л. Иомдин, но трактуют синтаксическую деривацию в более широком смысле: синтаксическими дериватами считаются не только случаи *переехать* – *переезд*, *привыкнуть* – *привычка*, но и такие дериваты, которые лексически (словообразовательно) вообще не связаны с производящим словом, например, *врач* считается синтаксическим дериватом глагола *лечить*, а *мнение* – синтаксическим дериватом глагола *считать* [Богуславский, Иомдин 2020: 12]. Учитывая эту неоднозначность термина «синтаксическая

объектом деривации (производящим элементом) является синтагма, состоящая из *verbum finitum* и его актанта.

Вернемся теперь к нашим древнерусским примерам с относительными прилагательными. В них представлено именно предикатное S. В атрибутивном сочетании *лом копийны дом* – определяемое существительное S, представляющее собой семантический дериват глагола *ломать*; *копиины* – определяющее прилагательное A, производное (семантически и словообразовательно) от существительного *копье* (в собственно притяжательных конструкциях A соотносится с именем посессора: *отцовское поучение*).

Таким образом, в наших примерах *лом копийны* и *скрежестание мечное* мы имеем дело с трансформацией предикативной синтагмы (*копья ломаются*, *мечи скрежещут*) в атрибутивную: S+V > A+S (или S+A), при которой предикат номинализируется (субстантивизируется), а субъект или объект предикативной конструкции становится производящим для прилагательного (S > A): *копья ломаются* > *лом копиины*; *мечи скрежещут* > *скрежестание мечное*; *носить меч* > *мечное ношение*. Мы видим, что актантная структура глагола производящей предикативной конструкции (т. е. отношение субъект – предикат, объект – предикат) «наследуется» производной от нее номинативной конструкцией (субъектное или объектное значение сохраняется в прилагательном *копиины*, *мечное*, а предикатное – в субстантивах *лом*, *ношение*).

Это явление «наследования валентной структуры производящих слов» (мы воспользовались здесь термином И.А. Богуславского и Л.Л. Иомдина⁶) весьма распространено при синтагматической

деривация», мы используем термин и понятие «синтагматическая деривация», которое (в отличие от словообразовательной деривации) относится к случаям, когда производящая единица больше чем слово. В наших примерах и производящая, и производная синтагмы представляют собой конструкции с одним и тем же составом лексических основ (*ломать копья* > *лом копийный*).

⁶ Ср. «Наследование валентной структуры при синтаксической деривации предикатных слов – явление, бесспорно существующее в языке, и оно требует адекватного грамматического и лексико-графического описания. Однако оно, по-видимому, никогда не является простым (straightforward). Дериваты, даже если они наследуют валентности исходного слова: 1) наследуют лишь часть этих валентностей (как в случае *лечить* – *врач*, ср. *лечить Петра* – *врач Петра*, но *лечить групп* <от *группа*> при невозможности **врач группа* <от *группа*>); 2) требуют

деривации и не до конца изучено. Оно имеет определенные ограничения. Степень отражения актантной структуры производящего слова (и самого предиката) зависит от типа деривата: актантная структура глагола более полно отражается в случае *nomina actionis*, чем *nomina agentis*.

При синтагматической деривации может наследоваться не только субъектная или объектная валентность (*мать любит* > *материнская любовь* и т. п., *ловить рыбу* > *рыбная ловля*), но также и другие валентности (*учить в школе* > *школьный учитель*, *плавать под водой* > *подводное плавание*). Ср. в современном языке *распродавать (товары) летом* > *летняя распродажа (товаров)* (обстоятельство времени *летом* передается атрибутивной формой *летний*).

Обращает на себя внимание и порядок следования компонентов сложного слова: как и в конструкциях с притяжательными и относительными прилагательными «актанты» и производные от них прилагательные или части сложного слова предшествуют предикатам, к которым они относятся: *сын любит (мать)* > *сыновья любовь*, *ловить рыбу* > *рыбная ловля* и *рыболов*, тогда как в конструкциях с родительным падежом порядок составляющих обратный: *любовь сына*, *ловля рыбы*. В древнерусских словосочетаниях с притяжательным (и относительным) прилагательным если не предпочитался, то был обычным порядок S+A с постпозицией определения (*лом копины*, *скрежетание мечное*)⁷.

4. Синтагматическая деривация в языке олонекских причитаний

Любопытные примеры такого рода наследования синтаксической структуры предикативных конструкций при их номинализации можно наблюдать в языке фольклора, где также могут сохраняться

соблюдения определенных условий для наследования; 3) выражаются более периферийными средствами (скажем, реализуются не активно, а пассивно или разрывно)» [Богуславский, Иомдин 2020: 22].

⁷ О порядке слов в атрибутивных сочетаниях в древнерусском языке см. [Евстифеева 2008, Минлос 2008]; о порядке слов в предикативных синтагмах см. [Пичхадзе, Родионова 2011; Пичхадзе 2020]. Там же литература вопроса. О соотношении порядка слов в словосочетаниях и порядка следования компонентов в сложных словах см. [Толстая. В печати].

не только синтаксические роли субъекта и объекта, как в рассмотренных древнерусских атрибутивных конструкциях, но и функции других актантов (объектов, определителей, обстоятельственных сирконстантов). Иначе говоря, при трансформации целых синтагм с *verbum finitum* в номинативные словосочетания каждый актант предикативной синтагмы (прямой и косвенный объект, атрибут, локативное или темпоральное обстоятельство) может найти свое выражение в производной номинативной конструкции. Рассмотрим несколько примеров такой номинализации предикативных конструкций в языке русского фольклора.

В севернорусских свадебных причитаниях, собранных в сборнике Е.В. Барсова [Барсов 1997] и других изданиях, мы встречаем такие номинализованные конструкции, производные от предикативных синтагм с *verbum finitum*. В свадебном причитании мать предупреждает дочь, выходящую замуж: «И там не будет тебе *ранно ложеньице*, / И тебе *поздного* не будет *пробуженьица*» [Барсов 1997 2: 305], что значит: ‘И там (т. е. в новой семье) ты не будешь рано (спать) ложиться, и поздно пробуждаться’ (с характерными для языка фольклора уменьшительными формами *nomina actionis*).

Глагол исходной предикативной конструкции может номинализироваться не только в *nomen actionis*, как в предыдущем примере (и в древнерусских примерах), но и в *nomen agentis*. Опять же мать говорит дочери: «И будешь *летна мне*, *горюше*, *водонощичка*, / И будешь *зимня* на *гумни* да *замолотщичка*, / И будешь *баенна родителем* *истопщичка*» [там же: 301], что означает: ‘Будешь летом мне воду носить, будешь зимой на гумне молотить, будешь баню родителям топить’ (выделены курсивом унаследованные и трансформированные актанты глагола). Косвенный объект (адресат) действия *мне* становится косвенным объектом при имени, *носить воду* преобразуется в сложное слово (*водонощица*), где объект действия трансформировался в первую часть сложного слова, а темпоральный сирконстант *летом* из обстоятельства времени исходной конструкции (*носить воду летом*) превратился в атрибутив при имени: *летна (водонощица)*.

Еще один пример с *nomina agentis*: «Кто решетчатым дверям был *отложальщиком*, / Кто злодея супостата *запускальщиком*?» [РСЗ: 44], что означает: ‘Кто *отложил* ‘открыл’ решетчатые двери, кто *запустил* ‘впустил’ супостата?’. Здесь при деривации сохраняется валентность объекта действия (*открывать двери, впустить супостата*, т. е. жениха).

Таким образом, при номинализации предиката прямой объект может принимать форму: родительного падежа при *nomina agentis*

(сберечь вольную волюшку > сберегатели вольной волюшки, впустить злодея супостата > злодея супостата запускальщик), дательного падежа («отложить» решетчатые двери > решетчатым дверям отложальщик, разжигать свечи > свечам разжигальщик), инкорпорироваться в сложное слово (воду носить > водонощица, сено косить > сенокосица, рыбу ловить > рыболовищица), может преобразовываться в прилагательное (баню топить > баенный истопщик).

Косвенный объект в номинативной конструкции сохраняет свою форму (будешь мне воду носить > будешь мне водонощица). Сирконстанты (обстоятельства) могут сохраняться (на гумне молотить > на гумне замолотищичка), но могут и трансформироваться в адъективное определение к *nomem agentis* (летом воду носить > летна водонощица).

Различные актанты глагола могут трансформироваться в адъективные формы при *nomina actionis*: блины печь > блинное печеньеице, долго спать > долгое усыпаниеице, поздно пробуждаться > позднее пробуждение, бить по рукам (брачный ритуал) > ручное рукобительство, рано петухи запевают > раннее петунье воспеваниеице; обливаться слезами > слезное обливание, за столом тесто сочить ('раскатывать') > столовое соченьице и т. п. Ср. еще заговор, читаемый при доении коровы: «Не дай ей, Господи, ни ножного ляганья, ни хвостового маханья, ни рогового боданья», т. е. 'Дай господи, чтобы она (корова) ногой не лягала, хвостом не махала, рогом не бодала' [Майков 1994: 110].

Итак, синтагматическая деривация отличается от словообразовательной деривации тем, что в ней производящим служит не единичное слово, а целая синтаксическая конструкция (синтагма, словосочетание). Если это предикативная синтагма с глаголом, то все или некоторые актанты глагола наследуются производной конструкцией. К типу синтагматической деривации относится не только трансформация предикативной конструкции с *verbum finitum* в адъективную конструкцию и конструкцию с родительным падежом, но и словосложение, т. е. образование одного слова из словосочетания. И в том, и в другом случае производные конструкции и композиты сохраняют синтаксическую и семантическую структуру производящих словосочетаний, а также порядок следования компонентов (постпозиция предикативных составляющих), характерный для древнерусского языка. В конечном счете к сфере синтагматической деривации могут быть отнесены и разнообразные другие способы конденсации (компрессии) словосочетаний начиная

от редукции и аббревиации (*завхоз, райком*) и кончая универбацией (*удаленная работа* > *удаленка* и т. п.).

Во всех рассмотренных типах словосложения мы наблюдаем деривацию, в которой производящей основой служит не отдельная лексическая единица (слово), а синтаксическая конструкция (словосочетание или предикативная структура), результатом же этой деривации является сложное слово или двусоставная номинация различной грамматической структуры и семантики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сложным словам в славянских языках посвящена огромная литература, восходящая к трудам классиков славяноведения Ф. Миклошича [1875] и В. Ягича [1898–1899] и многократно разросшаяся в последующей научной традиции. Исследователи, изучавшие словосложение на материале письменных памятников, вслед за Ягичем считали его результатом греческого влияния (ср. [Zett 1970; Цейтлин 1977; Záborský 2010.] и др.); компаративисты видели в славянских сложных словах чужеродное явление, возникшее под влиянием других языков, прежде всего германских [Handke 1976: 5–6, 15]. В. Ягич считал, что «число композитов, которые можно назвать общеславянскими, вряд ли будет большим» [Jagić 1898: 536]. Между тем, как показал материал ЭССЯ, для праславянского языка реконструируется значительное число сложных слов, не только в сфере ономастики, но и среди апеллятивов. Из этого следует, что позднейшая продуктивность словосложения во всех славянских языках имеет в своей основе не иноязычные образцы, а словообразовательные модели, вполне органичные для праславянской лексической и деривационной системы. Кроме того, сложные слова широко представлены в диалектах. Так, в «Словаре русских народных говоров» их насчитывается несколько тысяч; в словаре польских говоров Я. Карловича [Karłowicz 1–6] – не менее 500.

Явление словосложения обычно рассматривается исключительно в связи со словообразованием и прежде всего как способ создания сложных слов на базе двух (или более) самостоятельных лексических единиц. Однако в большинстве случаев базой создания сложных слов и других составных номинаций являются не атомарные слова, которые «почему-то» вступают в деривационные отношения между собой, а более крупные языковые единицы, устойчивые конструкции, в которых эти слова уже связаны определенными семантическими и синтаксическими отношениями¹. Изучение слож-

¹ Более того, как уже упоминалось, синтаксические конструкции (прежде всего словосочетания) часто служат мотивационной основой

ных слов и других разнообразных составных номинаций, имеющих один денотат, но объединяющих в своей лексической форме две (или более) лексические единицы, без обращения к синтаксическим отношениям между этими единицами превращает словообразование и словосложение в некую выхолощенную манипуляцию, лишает его семантической и синтаксической глубины и приводит к превратной трактовке фактов, при которой близкие явления оказываются разнородными по разным рубрикам, а содержательно и формально разные явления уравниваются между собой.

Такое понимание словосложения одним из первых обосновал французский лингвист Э. Бенвенист в статье 1967 г. «Синтаксические основы именного сложения» [Бенвенист 1974]. Я начала свою книжку словами Бенвениста и, завершая ее, хочу привести другие его слова из той же статьи:

Морфологический анализ оставляет без ответа, а по существу, даже не позволяет поставить основной вопрос: какова функция сложных имен? Что делает их возможными и почему они необходимы? В языке, состоящем из простых знаков, существование единиц из двух соединенных знаков вызывает вопрос: где общий источник сложных имен и откуда происходит разнообразие из форм? Чтобы ответить на этот вопрос, надо, по нашему мнению, рассматривать сложные имена уже не как морфологические типы, а как синтаксические структуры [Бенвенист 1967: 241].

В настоящей книге предложенный Бенвенистом синтаксический подход был применен не только к сложным словам в школьном смысле этого слова, но и к другим составным номинациям, объединяющим две лексические единицы в одно целое на основе типичных для них конструкций и прежде всего словосочетаний. При этом был использован материал разного рода: современный русский литературный корпус сложных слов и пограничных с ними составных номинаций, праславянский лексический фонд апеллятивов и антропонимов, явления фольклорного языка, в котором словосложение представлено множеством формальных и функциональных типов, а также некоторые факты древнерусского языка.

не только сложных слов, но также и аффиксального словообразования, а сами производные слова оказываются результатом конденсации словосочетаний (*продленный день* > *продленка*, *удаленная работа* > *удаленка*, *зачетная книжка* > *зачетка*, *кладовая комната* > *кладовка* и т. п.).

Эти разные по своему происхождению и своим характеристикам сложения принадлежат разным дискурсам, разным историческим эпохам и имеют разный языковой статус, но они обнаруживают сходство в том, что во всех случаях за ними стоят синтаксические конструкции, которые претерпевают в процессе деривации характерные формальные преобразования по правилам аффиксального словопроизводства. При этом синтаксические отношения между объединяемыми словами остаются теми же, что и в соответствующих мотивирующих синтаксических конструкциях. Так, сложные слова, производные от глагола (точнее, от целой предикативной конструкции с *verbum finitum*), включают в себя в качестве компонентов сложного слова различные актанты этого глагола исходной предикативной конструкции: субъект действия: *водопад, водосток, ледоход, бурелом, листопад, камнепад, снегопад, звездопад*; объект действия: *водопой, водонос, лесоруб, пулемет, скотовод, свинопас, землекоп, землемер, градоносный, хлебохранилище, словораздел, казнокрад, волнорез, костоправ, посудомойка*; орудие, инструмент действия: *глазомер, рукопись, губошлѣп, рукоятка*; результат, продукт действия: *дырокол, стеклодув, рифмоплѣт*; локус действия: *мореход, пустынножитель, домосед, водолаз, скалолаз, вездеход, круговерть*; время действия: *долгострой, новодел, новосѣл, свежее испечѣнный*; способ и характер действия: *вертолѣт, самолѣт, самосуд, пустоцвет, пустомеля, молниеносный, двуспальный, дармоед, пустобрѣх, тугодум, дальнобойный* и т. п.

Анализ разного рода сложений показал, что словосложение – это в абсолютном большинстве случаев результат не просто объединения независимых слов в одно слово, а процесс деривации, которому подвержены оба исходных компонента. Если же второй компонент совпадает по своей форме с независимым словом, то это именно совпадение, а не механическое присоединение готового слова: *старосветский* – это не соединение *старо* (или *старый*) + *светский*, а деривация: (*старый свет*) + суф. -ск- > *старосветский* (исключения составляют только сложения типа *девица-красавица, кресло-кровать, пить-гулять* и под., каждый компонент которых сохраняет собственное словоизменение).

Более сложным оказывается явление так называемой синтагматической деривации, когда деривационному преобразованию подвергаются не просто устойчивые словосочетания, а целые развернутые предикативные структуры, на основе которых по строго определенным правилам создаются новые конструкции (например, предикативная конструкция трансформируется

в атрибутивную, как в древнерусских и фольклорных примерах типа *копья ломаются* > *лом копейный*, *кровь течет* > *течение кровное*; *баню истопить родителям* > *баенна родителям истопичка*). При этом актантная структура исходных (производящих) словосочетаний или конструкций находит вполне закономерное отражение в структуре и семантике производного слова или конструкции. Фольклорные биномы типа *родитель-матушка* или *дом-жирушка*, *злодей-обида*, *имя-честь* также базируются на определенных языковых конструкциях, логико-синтаксическую структуру которых еще предстоит изучить.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникин – Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. М., 2007–. Вып. 1–.
- АОС – Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецевой. М.: МГУ, 1980. Вып. 1–.
- Апресян 1983 – *Апресян Ю.Д.* Синтаксические средства выражения посессивности // Категория притяжательности в славянских языках. Тезисы совещания. М.: Индрик, 1983. С. 4–9.
- Багликова 2006 – *Багликова И.В.* Композиты в фольклорном тексте (на материале былин Печоры). Дисс. ... канд. филол. наук. Курск, 2006.
- Барсов 1997 – Причитанья Северного края, собранные Е.В. Барсовым / Изд. подготовили Б.Е. Чистова, К.В. Чистов. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. Похоронные причитанья. Т. 2. Рекрутские и солдатские причитанья. Свадебные причитанья. [Серия «Литературные памятники»].
- Бенвенист 1974 – *Бенвенист Э.* Синтаксические основы именного сложения // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 241–256. (Статья 1967 г.)
- БЕР – Български етимологичен речник. София, 1971–. Т. 1–.
- Богуславский, Иомдин 2020 – *Богуславский И.М., Иомдин Л.Л.* О наследовании валентностей при синтаксической деривации // Труды Ин-та русского языка им. В.В. Виноградова. М., 2020. № 3. От семантических кварков до вселенной в алфавитном порядке. К 90-летию акад. Ю.Д. Апресяна. С. 11–25.
- Вайс 2000 – *Вайс Д.* Русские двойные глаголы: кто хозяин, а кто слуга? // Слово в тексте и в словаре. Сб. статей к семидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна / Отв. ред. Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 356–378.
- Вайс 2003 – *Вайс Д.* Русские двойные глаголы и их соответствия в финно-угорских языках // Русский язык в научном освещении. 2003. № 2 (6). С. 37–59.
- Вайс 2008 – *Вайс Д.* Временная соотношенность двойных глаголов совершенного вида // Динамические модели. Слово. Предложение. Текст. Сб. статей в честь Е.В. Падучевой. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 154–176.
- Васильев 2005 – *Васильев В.Л.* Архаическая топонимия Новгородской земли (древнеславянские деантропонимические образования). Великий Новгород: Новг. ГУ им. Ярослава Мудрого, 2005.

- Венгранович 2004 – *Венгранович М.А.* Экстралингвистическая обусловленность лингвостилевой специфики фольклорного текста: Монография. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004.
- Венгранович 2011 – *Венгранович М.А.* Стилистика фольклорного текста. Учебное пособие. Тольятти, 2011.
- Виноградов 1975 – *Виноградов В.В.* Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 166–220 (первое издание статьи – 1952 г.).
- Герд 1997 – *Герд А.С.* Язык «Причитаний Северного края» // «Причитанья Северного края, собранные Е.В. Барсовым» / Изд. подготовили Б.Е. Чистова, К.В. Чистов. СПб.: Наука, 1997. Т. 2. Рекрутские и солдатские причитанья. Свадебные причитанья. С. 603–618.
- Гинкен 1893 – *Гинкен Г.Г.* Древнейшие русские двусложные личные имена и их уменьшительные // Живая старина. 1893. Вып. III/4. С. 440–461.
- Григорьев 1956 – *Григорьев В.П.* О границах между словосложением и аффиксацией // Вопросы языкознания. 1956. № 4. С. 38–52.
- ГС – *Зализняк А.А.* Грамматический словарь русского языка. М.: Русские словари, 2003. Изд. 4.
- Гудилова 2005 – *Гудилова С.В.* Продуктивные типы образования сложных слов в современном русском языке (на материале неологизмов второй половины XX века). Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- Гура 2012 – *Гура А.В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.: Индрик, 2012.
- Даль 1–4 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1912. Изд. 4. Т.
- Демин 2019 – *Демин А.С.* Историческая семантика средств и форм древнерусской литературы. Источниковедческие очерки. М.: Языки славянской культуры, 2019.
- Дурново 1902 – *Дурново Н.Н.* Мелкие заметки по русскому языку // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. № 6 (Т. 341). С. 257–268.
- Евгеньева 1963 – *Евгеньева А.П.* Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Евстифеева 2008 – *Евстифеева Р.А.* Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях Новгородской Первой летописи // Русский язык в научном освещении. 2008. № 16 (2). С. 162–202.
- Ефимова 2018 – *Ефимова В.С.* К вопросу об образовании старославянских сложных слов // Славяноведение. 2018. № 4. С. 27–39.
- Ефимова 2020 – *Ефимова В.С.* О моделях старославянских композитов // *Palaeobulgarica*. 2020. Год. XLIV. № 1. С. 71–86.

- Желязкова 2012 – *Желязкова В.* Сложные слова в древнейших славянских списках Пролога (на материале житийной части за сентябрь–февраль) // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика. Слово и текст. М.: Ин-т славяноведения, 2012. С. 63–78.
- Журавлев 1982 – *Журавлев А.Ф.* Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке / Отв. ред. Д.Н. Шмелев. М.: Наука, 1982. С. 45–109.
- Зализняк 1993 – *Зализняк А.А.* К изучению языка берестяных грамот. Выражение принадлежности // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1984–1989 гг. М., 1993. С. 270–275.
- Зализняк 2004 – *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 2004. Изд. 2.
- Зализняк 2011 – *Зализняк А.А.* Труды по акцентологии. Т. II. Древнерусский и старовеликорусский акцентологический словарь-указатель (XIV–XVII вв.). М., 2011.
- Зализняк 2012 – *Зализняк А.А.* Механизмы экспрессивности в языке // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сб. статей в честь 80-летия И.А. Мельчука. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 650–671.
- Зализняк 2019 – *Зализняк А.А.* Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь. М.: Языки славянской культуры, 2019. Изд. 2.
- Иванов, Топоров 1983 – *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Лингвистические вопросы славянского этногенеза (в связи с реконструкцией праславянских текстов) // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983 г. Доклады советской делегации. Москва: Наука, 1983. С. 152–169.
- Иорданская 2000 – *Иорданская Л.Н.* Соподчинение прилагательных в русском языке (по следам Вендлера) // Слово в тексте и в словаре. Сб. статей к семидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна / Отв. ред. Л.Л. Йомдин, Л.П. Крысин. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 378–390.
- Категория 1983 – Категория притяжательности в славянских и балканских языках. Тезисы совещания. М.: Наука, 1983.
- Категория 1989 – Категория посессивности в славянских языках / Отв. ред. Вяч.Вс. Иванов. М.: Наука, 1989.
- Курилович 1962 – *Курилович Е.* Положение имени собственного в языке // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. С. 251–266.
- Курилович 1962 – *Курилович Е.* Деривация лексическая и деривация синтаксическая. // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. С. 57–70.
- Майков 1994 – Великорусские заклинания. Сборник Л.Н. Майкова. СПб., 1994. Изд. 2.

- Маројевић 1983 – *Маројевић Р.* Суфикс *-sk-* у посесивној функцији у руском језику (у историјском развоју и данас) // Јужнословенски филолог. XXIX. Београд, 1983. С. 159–178.
- Минлос 2005 – *Минлос Ф.Р.* – Рифмованные сочетания в русском фольклоре. Редупликация и парные слова // Русский язык в научном освещении. 2005. №1 (9). С. 96–115.
- Минлос 2008 – *Минлос Ф.Р.* Позиция атрибута внутри именной группы в языке Псковской летописи // Русский язык в научном освещении. 2008. № 16 (2). С. 203–216.
- Молошная 1973 – *Молошная Т.Н.* Двухкомпонентные субстантивные образования аппозитивного типа в славянских языках // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков / Отв. ред. А.А. Зализняк. М.: Наука, 1973. С. 87–104.
- Николаев 2017 – *Николаев С.Л.* К этимологии имен северогерманского происхождения в «Повести временных лет» // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14, № 2. С. 7–54.
- Пешковский 1938 – *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М.: Гос. уч.-пед. изд., 1938. Изд. 6.
- Пичхадзе 2020 – *Пичхадзе А.А.* О порядке слов в сочетаниях «личная форма глагола – прямое объектное дополнение» в древнерусском языке // Очерки древнерусского и старорусского синтаксиса / Под ред. А.А. Пичхадзе. М.: Нестор-История; СПб., М, 2020. С. 36–140.
- Пичхадзе, Родионова 2011 – *Пичхадзе А.А., Родионова А.В.* О порядке слов в сочетаниях «личная форма глагола – прямое объектное дополнение» в древнерусском языке // Русский язык в научном освещении. 2011. № 21 (1). С. 127–161.
- ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Л.; СПб., 1967–. Вып. 1–.
- Потебня 1941 – *Потебня А.А.* Словорасположение в сочетании аппозитивном // Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. IV. Глагол. Местоимение. Числительное. Предлог. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1941. С. 286–289.
- Потебня 1968 – *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. 3. Об изменении значения и заменах существительного. М.: Просвещение, 1968.
- РГ – Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1982; Т. 2. Синтаксис. М.: Наука, 1980.
- РОС – Русский орфографический словарь. М., 2005. Изд. 2.
- Роспонт 1965 – *Роспонт С.* Структура и классификация древневосточнославянских антропонимов (имена) // Вопросы языкознания. 1965. № 3. С. 3–21.
- РСЗ – *Кузнецова В.П., Логинов К.К.* Русская свадьба Заонежья (конец XIX – начало XX в.). Петрозаводск: Изд. ПетрГУ, 2001.

- РСХКНЈ – Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд, 1959–2017. Књ. 1–20.
- Санников 2008 – *Санников В.З.* Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянской культуры, 2008.
- СБР – Старобългарски речник. София: «Валентин Траянов», 1999. Т. 1.
- СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988–. Т. 1–.
- Скорвид 2018 – *Скорвид С.С.* Атрибутивные посессивные конструкции в истории славянских языков. М.: МИК, 2018.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Под ред. А.С. Герда. СПб.: Изд. СПб. ун-та, 1994–2005. Вып. 1–6.
- Срезневский 1–3 – *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1903. Т. 1–3.
- Срезневский 1873 – *Срезневский И.И.* Замечания об образовании слов из выражений // Сб. ОРЯС. СПб., 1873. Т. X. С. LXVI–LXXV.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–. Вып. 1–.
- СРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–. Вып. 1–.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1948–1965. Т. 1–17.
- ССЯ – Словарь старославянского языка: репринтное издание. СПб., 2006. Т. 1–4.
- Сурикова 2017 – *Сурикова О.Д.* К изучению архаичной лексики в «Причитаниях Северного края» Е.В. Барсова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9. Вып. 4. С. 73–82.
- Сурикова 2019 – *Сурикова О.Д.* Архаичная социальная лексика в «Причитаниях Северного края» Е.В. Барсова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2019. Т. 21. № 2 (187). С. 227–240.
- Сурикова 2019а – *Сурикова О.Д.* «Причитания Северного края» Е. В. Барсова как источник изучения лексики Русского Севера // Славянские архаические ареалы в пространстве Европы. М.: Индрик, 2019. С. 330–353.
- Сурикова 2020 – *Сурикова О.Д.* Ономастикон «Причитаний Северного края» Е.В. Барсова // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 3. С. 104–155.
- Сурикова 2022 – *Сурикова О.Д.* Мир войны и мир горницы в «Причитаниях Северного края» Е.В. Барсова // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Мат-лы V Междунар. конф. Екатеринбург. 7–11 сентября 2022 г. Екатеринбург, 2022. С. 238–246.
- Толстая 2012 – *Толстая С.М.* Заметки о языке севернорусских причитаний // Язык и прошлое народа: сб. научных статей памяти проф. А.К. Матвеева / Отв. ред. проф. М.Э. Рут. Екатеринбург, 2012. С. 464–475 (перепечатано в кн.: Толстая С.М. Образ мира в тексте и ритуале. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015. С. 298–305).

- Толстая 2019 – Толстая С.М. К семантической истории слав. **mirъ* и **svěтъ* // Толстая С.М. Мир человека в зеркале языка. Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике. М.: Индрик, 2019. С. 13–27.
- Толстая 2019а – Толстая С.М. Полесские похоронные причитания в сопоставлении с севернорусскими // Славянские архаические ареалы в пространстве Европы. М.: Индрик, 2019. С. 291–329.
- Толстая 2020 – Толстая С.М. Заметки о языке севернорусских причитаний. 2. Составные номинации, их структура и семантика // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 2. С. 274–313.
- Толстая 2020а – Толстая С.М. К этимологии имени *Владимир* // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, № 1. С. 9–29.
- Толстая 2020b – Толстая С.М. Сложные слова и словосочетания: синтаксис и семантика // *Rocznik slawistyczny*. 2020. T. LXIX. S. 143–166.
- Толстая 2020с – Толстая С.М. Метрика «Причитаний Северного края» // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79, № 6. С. 5–20.
- Толстая 2021 – Толстая С.М. К проблеме сложных слов в праславянском // *Old Church Slavonic Heritage in Slavonic and Other Languages* / Ed. I. Janyšková, H. Karlíková, V. Boček. Praha: NLN, 2021. P. 73–94.
- Толстая 2021а – Толстая С.М. Двусоставные антропонимы в праславянском языке // Вопросы ономастики. 2021. № 2. С. 9–31.
- Толстая 2021b – Толстая С.М. – Материалы к словарю «Причитаний Северного края» Е.В. Барсова. Составные номинации // Русский язык в научном освещении. 2021. № 2. С. 260–309.
- Толстая 2023 – Толстая С.М. Превратности глагола БЫТЬ в языке олонекских причитаний // *Slověne*. 2023. Vol. 12, № 1. В печати.
- Толстая 2023а – Толстая С.М. Заметки о языке олонекских причитаний. В печати.
- Толстая (в печати) – Толстая С.М. Словосложение и порядок слов. В печати.
- Топоров 1989 – Топоров В.Н. Из славянской языческой терминологии: индоевропейские истоки и тенденции развития // *Этимология*. 1986–1987. М., 1989. С. 3–50.
- Топоров 1993 – В.Н. Топоров. Праславянская культура в зеркале собственных имен (элемент **mir-*) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады российской делегации. М.: Наука, 1993. С. 3–118.
- Топорова 1996 – Топорова Т.В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Трубачев 1988/2004 – Трубачев О.Н. Праславянская ономастика в этимологическом словаре славянских языков // *Этимология*. 1985. М., 1988. С. 3–10. То же: Трубачев О.Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. М.: Языки русской культуры, 2004. С. 464–471.

- Трубецкой 1987 (1937) – *Трубецкой Н.С.* О притяжательных прилагательных (possessiva) староцерковнославянского языка // Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987. С. 219–222.
- Тупиков 2005 – *Тупиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. М.: Языки славянских культур, 2005 (репринтное воспроизведение издания 1903 г.).
- УСб – Успенский сборник XII–XIII вв. / Под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1971.
- Фасмер 1–4 – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М., 1964–1973. Т. 1–4.
- Франчук 1965 – *Франчук В.Ю.* До історії імені *Володимир* // Територіальні діалекти і власні назви. Київ: Наукова думка, 1965. С. 260–267.
- Хроленко 1981 – *Хроленко А.Т.* Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1981.
- Хроленко 1986 – *Хроленко А.Т.* Границы слова в фольклорном тексте // Проблемы структурной лингвистики. 1983. М., 1986.
- Цейтлин 1977 – *Цейтлин Р.М.* Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М.: Наука, 1977.
- Чистов 1997 – *Чистов К.В.* «Причитанья Северного края, собранные Е.В. Барсовым» в истории русской культуры // «Причитанья Северного края, собранные Е.В. Барсовым» / Изд. подготовили Б.Е. Чистова, К.В. Чистов. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. Похоронные причитанья. С. 400–495.
- Шапошников 2017 – *Шапошников А.К.* Исторические и диалектные ономастические свидетельства Новгородской земли как основа реконструкции древнерусского, восточнославянского и праславянского именника // Ученые записки Новгородского университета. 2017. № 2 (20).
- Шмелев 2008 – *Шмелев А.Д.* Посессивы в современной русской грамматике // Динамические модели. Слово. Предложение. Текст. Сб. статей в честь Е.В. Падучевой. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 927–942.
- Шульгач 2018 – *Шульгач В.П.* Нариси з праслов'янської антропонімії. Частина V. Київ, 2018.
- Эйсман 1994 – *Эйсман В.* Типы бессоюзных составных существительных в русском и их соответствия в южнославянских языках // Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. М.: Наука, 1994. С. 162–178.
- ЭРЯ – Энциклопедия Русский язык. М: Словари XXI века; АСТ-пресс школа, 2020. Изд. 3.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под. ред. О.Н. Трубачева, А.Ф. Журавлева, Ж.Ж. Варбот. М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.

- Якобсон 1987 – *Якобсон Р.О.* Новейшая русская поэзия. набросок первый: Подступы к Хлебникову // Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 372–316 (первая публикация – 1979 г.).
- Davies 2000 – *Davies Anna M.* Greek Personal Names and Linguistic Continuity // Greek Personal Names. Their value as evidence / Ed. by Simon Hornblower @ Elaine Matthews. British Academy by Oxford University Press, 2000. P. 15–39.
- ESJS – Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1989–2018. Sv. 1–19.
- Handke 1976 – *Handke K.* Budowa morfologiczna i funkcje compositów polskich (z uwzględnieniem innych języków zachodniosłowiańskich). Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1976.
- Jagić 1898–1899 – *Jagić V.* Die slavischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten // Archiv für slavische Philologie. 1898. B. 20. S. 519–566; 1899. B. 21. S. 28–43.
- Karłowicz 1–6 – *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. Kraków, 1900–1911. T. 1–6.
- Leskien 1914–1915 – *Leskien A.* Die litauischen zweistämmigen Personennamen // Indogermanische Forschungen, 1914–1915. Bd. 34. S. 296–333.
- Majtan 1996 – *Majtan M.* Chronológia slovanských zložených osobných mien v Slovenčine // 12. Slovenská onomastická konferencia. Zb. referátov. Prešov, 1996. S. 173–180.
- Maretić 1886 – *Maretić T.* O narodnim imenima i prezimenima u Hrvata i Srba // Rad JAZU. Zagreb, 1886. Knj. 81 (XIV), 82 (XV).
- Miklosich 1860–1874 – *Miklosich F.* Die Bildung der slavischen Personennamen und Orsnamen. Wien, 1860–1874.
- Miklosich 1862–1865 – *Miklosich Fr.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinitum. Vindobonae, 1862–1865.
- Miklosich 1875 – *Miklosich F.* Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Band 2. Stammbildungslehre. Wien, 1875. S. 347–418.
- Milewski 1957 – *Milewski T.* Ewolucja morfologiczna indoeuropejskich złożonych imion osobowych // Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego. 1957. T. XVI. S. 37–69.
- Milewski 1960 – *Milewski T.* Polskie imiona złożone nie znane innym językom słowiańskim // Slavia orientalis. 1960. T. XX/2. S. 101–107.
- Pleskalová 1998 – *Pleskalová J.* Tvoření nejstarších českých osobních jmen. Brno, 1998.
- Pohl 1993 – *Pohl H.D.* Die slavischen zusammengesetzten Personennamen // Namenkundliche Informationen. Beiheft 17. Anthroponymica Slavica. Hrsg. v. W. Wenzel. Leipzig, 1993. S. 7–20.
- RHSJ – Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1880–1976. D. 1–23.
- Schlimpert 1978 – *Schlimpert G.* Slawische Personennamen in mittelalterlichen Quellen zur deutschen Geschichte. Berlin, 1978.

- SJPD – Słownik języka polskiego / Red. W. Doroszewski. Warszawa, 1958–1969. T. 1–11.
- SSpNO – Słownik staropolskich nazw osobowych / Pod red. W. Taszyckiego. Wrocław etc., 1965–1983. T. 1–VI; T. VII Supplement / Pod red. M. Malec. Wrocław, 1984–1987.
- Svoboda 1964 – *Svoboda J.* Staročeské osobní jména a naše příjmení. Praha, 1964.
- Taszycki 1926 – *Taszycki W.* Najdawniejsze polskie imiona osobowe. Kraków, 1926.
- Wenzel 1987–1994 – *Wenzel W.* Studien zu sorbischen Personennamen. Bautzen, 1987–1994. B. 1–2.
- Zábranský 2010 – *Zábranský L.* Kompozita ve staroslověnině. Praha, 2010. <https://is.cuni.cz/webapps/zzp/download/140008934/?lang=cs>
- Zett 1970 – *Zett R.* Beiträge zur Geschichte der Nominalkomposita im Serbokroatischen. Die altserbische Periode. Köln, 1970.

Библиографическая справка.

Первые издания публикуемых работ:

- Сложные слова и словосочетания: синтаксис и семантика // Rocznik slawistyczny. 2020. Т. LXIX. S. 143–166.
- К проблеме сложных слов в праславянском // Old Church Slavonic Heritage in Slavonic and Other Languages / Ed. I. Janyšková, H. Karlíková, V. Boček. Praha: NLN, 2021. P. 73–94.
- Двусоставные антропонимы в праславянском языке // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18, № 2. С. 9–31.
- К этимологии имени *Владимир* // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, № 1. С. 9–29.
- Заметки о языке севернорусских причитаний. 2. Составные номинации, их структура и семантика // Slověne. 2020. Vol. 9, № 2. S. 274–313.
- Материалы к словарию «Причитаний Северного края» Е.В. Барсова. Составные номинации // Русский язык в научном освещении. 2021. № 2. С. 260–309.
- «Лом копейный» и «скрежетание мечное»: синтагматическая деривация в древнерусском языке и в языке фольклора // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 2021. № 6. С. 41–54.

Tolstaya S. M.

Syntactic Foundation of Slavic Word Composition. Essays. –
Moscow: Indrik Publ., 2023. – 232 p.

ISBN 978-5-91674-712-6

DOI: 10.31168/91674-712-6

The book consists of the papers on Russian and Slavic word composition, published in various magazines over the last few years. Following E. Benveniste, the author considers composites as a product of not only word derivation, but also of syntactic transformation (condensation) of phrases. This interpretation differs with some postulates of the academic “Russian Grammar” (1980) and the grammatical works based on it. The papers form four blocks: 1) Composites in modern Russian, 2) Composites in the Proto-Slavic language according to ESSJA 1–41 (appellatives, anthroponyms, etymology of the name *Vladimir*), 3) Two-part nominations in the language of “Lamentations of the Northern Region” by E.V. Barsov; 4) Syntagmatic derivation in the Old Russian language and the language of folklore.

The book is intended for the specialists in Russian and Slavic word formation and word composition, as well as for the researchers of the Russian language history and the language of folklore.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

С. М. Толстая

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
СЛАВЯНСКОГО СЛОВОСЛОЖЕНИЯ.
ОЧЕРКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

Оригинал-макет А.С. Старчеус

По вопросу
приобретения книг
издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
+7 977 905-58-01
www.indrik.ru
market@indrik.ru

Формат 60×90 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная.
14,5 п. л. Тираж 300 экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н

**СВЕТЛАНА МИХАЙЛОВНА
ТОЛСТАЯ,**

доктор филологических наук,
профессор, заведующий отделом
этнолингвистики и фольклора
Института славяноведения РАН,
академик РАН.

Автор трудов по славянскому
языкознанию, этнолингвистике,
фольклору и мифологии славян,
один из создателей 5-томного
этнолингвистического
словаря «Славянские древности»
(М., 1995–2012).

Автор книг: «Морфонология
в структуре славянских языков»
(1998), «Полесский народный ка-
лендарь» (2005), «Пространство
слова. Лексическая семантика
в общеславянской перспекти-
ве» (2008), «Семантические ка-
тегории языка культуры» (2010),
«Образ мира в слове и ритуале»
(2015), «Мир человека в зеркале
языка» (2019).

